

Религии первобытных народов

Дэниел Г. Бринтон

*AMERICAN LECTURES ON THE
HISTORY OF RELIGIONS*

SECOND SERIES—1896-1897

RELIGIONS OF PRIMITIVE
PEOPLES

BY

DANIEL G. BRINTON, A.M., M.D., LL.D., SC.D.

Professor of American Archæology and Linguistics in the
University of Pennsylvania, Philadelphia

FOURTH IMPRESSION

G. P. PUTNAM'S SONS
NEW YORK AND LONDON
The Knickerbocker Press

Электронная книга проекта Гутенберга о религиях первобытных народов

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Религии первобытных народов

Автор: Дэниел Г. Бринтон

Дата выхода: 22 января 2020 г. [Электронная книга № 61220]

Последнее обновление: 17 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Джулией Миллер и командой онлайн-корректоров по адресу <http://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом / американскими библиотеками.)

*** ЗАПУСК ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА " РЕЛИГИИ ПЕРВОБЫТНЫХ НАРОДОВ"

АМЕРИКАНСКИЕ ЛЕКЦИИ ПО ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ

ВТОРАЯ СЕРИЯ —1896-1897

РЕЛИГИИ ПЕРВОБЫТНЫХ НАРОДОВ

АВТОР: ДЭНИЕЛ Г. БРИНТОН, А.М., М.Д., LL.D., Sc.D.

Профессор американской археологии и лингвистики Пенсильванского университета,
Филадельфия

ЧЕТВЕРТОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ

СЫНОВЬЯ Г. П. ПАТНЭМА

НЬЮ-ЙОРК И ЛОНДОН

Издательство "Никербокер Пресс"

Авторское право, 1897

Г. П. СЫНОВЬЯ ПАТНЭМА

Поступил в Stationers' Hall, Лондон

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

24 декабря 1891 года пятнадцать человек, заинтересованных в продвижении исторического изучения религий, объединились, выпустив циркулярное письмо, приглашающее провести конференцию в палатах Совета Исторического общества Филадельфии 30 числа того же месяца с целью учреждения “популярных курсов по истории религий, несколько напоминающих лекции Хибберта в Англии, которые ежегодно читали бы лучшие ученые Европы и этой страны в различных городах, таких как Балтимор, Бостон, Бруклин, Чикаго, Нью-Йорк, Филадельфия и другие”. В этой конференции лично или по письму из Филадельфии приняли участие преподобный профессор Э. Т. Бартлетт, доктор медицинских наук, преподобный Джордж Дана Бордман, доктор медицинских наук, профессор Д. Г. Бринтон, доктор медицинских наук, Гораций Ховард Фернесс, доктор юридических наук, профессор Э. Дж. Джеймс, доктор философии, проф. Моррис Джастроу-младший, доктор философии, проректор Wm. Пеппер, доктор медицины, доктор права Пенсильванского университета, почтенный. Майер Сульцбергер, миссис Корнелиус Стивенсон и Талкотт Уильямс, доктор права; из Балтимора, прест. Д. К. Гилман, доктор права из Университета Джона Хопкинса, и проф. Пол Хаупт, доктор философии; из Бостона и Кембриджа - преподобный Э. Э. Хейл, доктор философии, профессор К. Р. Ланман, доктор философии, профессор Д. Г. Лайон, доктор философии, и профессор К. Х. Той, доктор права; из Бруклина - преподобный Эдвард С. Брейслин, доктор философии, и проф. Франклин У. Хупер из Бруклинского института; из Чикаго, прест. У. Р. Харпер, доктор философии Чикагского университета и преподобный проф. Эмиль Г. Хирш, доктор философии; из Нью-Йорка преподобный проф. К. А. Бриггс, доктор философии, LL.D., преподобный проф. Фрэнсис Браун, доктор медицинских наук, преподобный Г. Готтейл, доктор медицинских наук, профессор Р. Дж. Х. Готтейл, доктор философии, преподобный Джон П. Питерс, доктор философии, и преподобный У. Хейс Уорд, доктор юридических наук; из Итаки, штат Нью-Йорк, прест. Дж. Дж. Шурман из Корнельского университета и почтенный Дж. Эндрю Д. Уайт, доктор права.

На этой конференции проф. Джастроу представил план создания популярных лекционных курсов по историческому изучению религий путем обеспечения сотрудничества существующих институтов и лекционных ассоциаций, таких как Институты Лоуэлла, Бруклина и Пибоди, Университетская лекционная ассоциация Филадельфии и некоторые из наших колледжей и университетов. Каждый курс, согласно этому плану, должен был состоять из шести-восьми лекций, а привлечение лекторов, выбор предметов и так далее должны были находиться в ведении комитета, избранного из разных городов и представляющего различные участвующие учреждения и ассоциации. Эта общая схема получила сердечное одобрение конференции, которая признала проект своевременным и полезным и назначила декана Бартлетта, профессора. Джастроу и доктор Питерс создали комитет для разработки плана организации и доклада на закрытом заседании. Эта встреча состоялась в Союзной теологической семинарии в Нью-Йорке 6 февраля 1892 года, и в результате была организована ассоциация с целью поощрения изучения религий. Затем были приняты условия объединения, с небольшими изменениями, внесенными позже, следующие:

1. Целью этой Ассоциации является проведение курсов лекций по истории религий, которые будут прочитаны в различных городах.
2. Ассоциация должна состоять из делегатов от учреждений, согласившихся сотрудничать, или из местных советов, организованных там, где такое сотрудничество невозможно.
3. Эти делегаты — по одному от каждого Учреждения или местного совета — образуют совет под названием “Американский комитет лекций по истории религий”.
4. Совет избирает из своего числа Президента, Секретаря и казначея.
5. Все вопросы местного значения должны решаться Учреждениями или местными советами, под эгидой которых должны читаться лекции.
6. Курс лекций о какой—либо религии или фазе религии с исторической точки зрения или по предмету, имеющему отношение к изучению религий, должен читаться ежегодно или с такими интервалами, которые могут быть сочтены практически возможными, в различных городах, представленных этой Ассоциацией.
7. На Совет (а) возлагается ответственность за подбор лекторов, (b) возлагается управление фондами, (с) назначает время для лекций в каждом городе и выполняет такие другие функции, которые могут оказаться необходимыми.
8. Полемические темы, а также полемика в обращении с предметами должны быть категорически исключены.
9. Лектор должен быть выбран Советом по крайней мере за десять месяцев до даты, установленной для курса лекций.
10. Лекции будут прочитаны в различных городах в период с октября по июнь.
11. Авторские права на лекции принадлежат Ассоциации.
- 12.—Половина вознаграждения преподавателю выплачивается по окончании всего курса, а вторая половина - после публикации лекций.
- 13.—Размер компенсации, предлагаемой преподавателю, устанавливается Советом в каждом конкретном случае.
14. Лектор не должен нигде читать лекций, для которых он нанят Комитетом, кроме как с санкции Комитета.

Комитет, назначенный для выполнения этого плана в его нынешнем составе, выглядит следующим образом:

Профессор К. Х. Той из Гарвардского университета, председатель.

Профессор. Моррис Джастроу-младший из Пенсильванского университета, секретарь.

Преподобный Джон П. Питерс, доктор философии из Нью-Йорка, казначей.

Профессор. Ричард Дж. Х. Готтейл из Колумбийского университета.

Профессор. Пол Хаупт из Университета Джона Хопкинса.

Профессор Ф. В. Хупер из Бруклинского института.

Профессор Дж. Ф. Джеймсон из Университета Брауна.

Профессор Ф. К. Сандерс из Йельского университета.

Президент Дж. Г. Шурман из Корнельского университета.

Для своего первого курса Комитет выбрал в качестве лектора профессора Т. У. Риса Дэвидса, доктора философии из Лондона, Англия, который зимой 1894-95 гг. прочитал курс лекций по истории и литературе буддизма в следующих местах при сотрудничестве названных учреждений:

Балтимор, перед Университетом Джона Хопкинса.

Бостон, в Институте Лоуэлла.

Бруклин, в бруклинском институте.

Итака, перед Корнельским университетом.

Нью-Йорк, перед Колумбийским университетом.

Филадельфия, перед Лекционной ассоциацией Пенсильванского университета.

Провиденс, перед Лекционной ассоциацией Университета Брауна.

Лекции профессора Дэвидса были опубликованы в 1896 году по договоренности с издательством "Сыновья Г. П. Патнэма", издателями Комитета, в качестве Первой серии американских лекций по истории религий. В качестве второго лектора Комитет выбрал проф. Дэниел Г. Бринтон, А.М., М.Д., LL.D., Sc.D., Филадельфия; и в качестве предмета "Религии первобытных народов". Доктор Бринтон, который возглавляет кафедру американской археологии и лингвистики в Пенсильванском университете, является ведущим авторитетом в области языков и обычаев американских индейцев и антропологии в целом. Его исследования привели его также в область доисторической археологии и сравнительной мифологии. В результате своих исследований в последней области он опубликовал еще в 1868 году "*Мифы Нового Света*", которые сразу же привлекли внимание ученых и с тех пор выдержали несколько изданий. В 1876 году он опубликовал важный вклад в науку о религии под названием "*Религиозное чувство*". В дополнение к этому он опубликовал большое количество работ по антропологии и археологии американских языков, наиболее заметной из которых является серия "Библиотека литературы коренных народов АМЕРИКИ". Его статей, разбросанных в различных научных периодических изданиях этой страны и Европы, насчитывается несколько сотен.

Лекции, прочитанные им под эгидой Комитета, представляют собой спелый плод многолетних исследований, и мы уверены, что они будут приветствоваться как важный вклад в изучение предмета, который сейчас привлекает большое внимание.

Лекции были прочитаны зимой 1896-97 годов в следующих местах:

Бостон, (Институт Лоуэлла).

Бруклин, (бруклинский институт).

Итака, (Корнельский университет).

Нью-Хейвен (Йельский университет).

Нью-Йорк, (Нью-Йоркский университет).

Филадельфия, (Пенсильванский университет).

Провиденс (Лекционная ассоциация Университета Брауна).

Цель этой Ассоциации - предоставить наилучшие возможности для ознакомления широкой общественности с методами и результатами тех выдающихся специалистов, которые посвятили свою жизнь изучению религий других стран и других эпох. Можно с уверенностью сказать, что нет другого предмета современных исследований, который так близко касался бы всех классов, как изучение религий. Комитет надеется проводить курсы с интервалом в два года или чаще, если этого требует поощрение, которое получает предприятие, и практические трудности, связанные с привлечением компетентных лекторов, не делают это невозможным.

Зимой 1897-98 годов были организованы курсы лекций преподобного Т. К. Чейна, магистра, доктора Философии, профессора толкования Ветхого Завета в Ориел-колледже в Оксфорде и каноника Рочестерского; предметом которых будут религиозные мысли и жизнь среди евреев в дни после изгнания, за которыми в 1898-99 годах последует дополнительный курс о религиозной жизни и мышлении среди евреев в дни до изгнания профессора Карла Будде из Страсбургского университета, Германия.

Джон П. Питерс,
К. Х. Той,
Моррис Джастроу-младший .

Комитет по публикации.

10 мая 1897 года.

Содержание.

СТРАНИЦА

ЛЕКЦИЯ I. НАУЧНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПЕРВОБЫТНЫХ РЕЛИГИЙ —МЕТОДЫ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ.

Этнология —Научное изучение религий—Это не теология—Ее методы: 1.

1

Исторический метод; 2. Сравнительный метод; 3. Психологический метод—Странные совпадения в человеческом мышлении—Заметные в примитивных религиях—Определение “Примитивных” народов—Дикий ум—Примеры—Средства изучения: 1. Археология; 2. Язык; 3. Фольклор; 4. Описания путешественников—Примеры: Ранние арийцы, этруски, семиты, египтяне, американские племена, австралийцы, полинезийцы и т.д.—“Религии” Определено — По сравнению с “Суевериями” —Нет ни одной веры, существенной для религии—Атеистические религии—Фундаментальная идентичность религий—Не известно ни одного племени, лишённого религии—Как возникло противоположное мнение—У первых людей, вероятно, не было религии —Никаких признаков религии у низших животных —Сила религии в первобытном обществе—Истинный источник религии

ЛЕКЦИЯ II. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СОДЕРЖАНИЕ ПЕРВОБЫТНЫХ РЕЛИГИЙ.

Прежние теории происхождения религий—Неадекватность этих—Универсальный постулат религий о том, что Сознательная воля является источником Силы—Как Разум был приписан Природе—Связь между Человеческим и Божественным Разумом—Универсальность “Вдохновения”—Вдохновение является продуктом подсознательного разума—Известно Науке как “Внушение”—Это объясняет—Примеры—Иллюстрации из языка—Отсутствие примитивного монотеизма—Особые стимулы религиозных эмоций: 1. Сновидения и связанные с ними состояния —Жизнь как сновидение—2. Понимание жизни и смерти и понятие Души—3. Восприятие Света и Тьмы; Дня и Ночи —Бог Неба как Высший Бог - 4. Наблюдение за Необычайными проявлениями Силы—Бог Грома —5. Впечатление необъятности —Достоинство Подсознательного Интеллекта

41

ЛЕКЦИЯ III. ПРИМИТИВНОЕ РЕЛИГИОЗНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ: В СЛОВЕ.

Отголосок мифа—Сила слов—Их Магическая мощь—Проклятие—Сила, Независимая от значения—Имя как атрибут—Священные Имена—Невыразимое Имя—“Мирионимные” Боги—“Теофорные” имена—Внушение и Повторение как стимуляторы—I. Словом богам: Молитва — ее формы, содержание и цели —II. Слово от богов: Закон и пророчество—Церемониальный закон, или *табу*—Примеры—Гадание и предсказание—III. Слово о богах: Мифы—Их Источники в основном психические—Некоторые из языковых—Примеры—Перенос—Сходства—Универсальные мифические циклы: 1. Космические концепции; 2. Священные числа; 3. Драма Вселенной; Мифы о Сотворении Мира и Потопе; 4. Земной рай; 5. Конфликт природы; 6. Возвращающийся Спаситель; 7. Путешествие Души—Заключение относительно этих идентичностей

86

ЛЕКЦИЯ IV. ПРИМИТИВНОЕ РЕЛИГИОЗНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ: В ОБЪЕКТЕ.

Визуальные идеи—Фетишизм—Не только Объектное поклонение—Идентично идолопоклонству—Современный фетишизм—Анимизм—Не стадион религии—Основные группы религиозных объектов: 1. Небесные тела—Поклонение Солнцу и Луне—Астрология; 2. Четыре стихии —Огонь, Воздух (Ветры), Вода и Земля—Символика цветов; 3. Камни и утесы—Молнии—Мемориальные камни—Камни для предсказаний; 4. Деревья и растительности—Древо Жизни—Священный Столб и крест—Растение—Душа—Древо познания; 5. Места—Возвышенности и пещеры; 6.

130

Низшие животные— Птица, Змея и т.д.; 7. Человек—Антропизм в религии—
Поклонение красоте; 8. Жизнь и ее передача—Примеры—Генетические культы—
Отцовство Бога—Любовь как венец религии

ЛЕКЦИЯ V. ПРИМИТИВНОЕ РЕЛИГИОЗНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ: В ОБРЯДЕ.

Ритуал подражания богам—Магические обряды-Деление обрядов на I. Общинные, 172
и II. Личные. I. Общинные обряды: 1. Собрание-Литургия—2. Праздничная
функция—Радостный характер первобытных обрядов—Симбионтность—
“Церемониальный круг”-Маски и драмы —3. Жертвоприношение — Ранние и
более поздние формы —4. Общение с Богом —Языческие евхаристии. II. Личные
обряды: 1. Относящиеся к рождению —Обеты и крещение —2. Относящиеся к
наречению—Личное имя—3. Относящийся к половому созреванию — Инициация
мальчиков и девочек — 4. Относящийся к браку — Брак “путем захвата” и
“Покупки” -5. Связанные со смертью—Ранний каннибализм—Надгробные
памятники—Погребальные церемонии—Способы погребения—Обычаи траура

ЛЕКЦИЯ VI. ЛИНИИ РАЗВИТИЯ ПЕРВОБЫТНЫХ РЕЛИГИЙ.

Языческие религии не совсем плохи — их направления развития связаны с: 1. 214
Примитивными социальными узлами — Тотемом, жречеством и Законом; 2. Семей
и положением женщины; 3. Развитием юриспруденции —Суровыми испытаниями,
битвой, клятвами и правом наУбежище — Религия анархична; 4. Развитием этики
—Дуализм примитивной этики — Противопоставление религии этике; 5.
Прогрессом позитивного знания —Религия *против* науки; 6. Развитием искусств —
Стремление к красоте и совершенству —Цвет-Символизм, Скульптура, Метр,
Музыка, Ораторское искусство, Графические методы—Полезные искусства,
архитектура; 7. Независимая жизнь индивида — Его Свобода и Счастье—
Внутренние этапы прогресса: 1. От Объекта к Символу; 2. От Церемониального
закона к Личному Идеалу; 3. От племенной концепции религии к Национальной—
Заключение

РЕЛИГИИ ПЕРВОБЫТНЫХ НАРОДОВ

ЛЕКЦИЯ I.

Научное изучение первобытных религий —методы и определения.

Содержание:—Определение этнологии—Научное изучение религий—Это не теология—Ее
методы: 1. Исторический метод; 2. Сравнительный метод; 3. Психологический метод—
Странные совпадения в человеческом мышлении—Заметные в примитивных религиях—
Определение “Примитивных” народов—Дикий разум—Примеры—Средства изучения: 1.
Археология; 2. Язык; 3. Фольклор; 4. Описания путешественников-Примеры: Ранние арийцы,
этруски, семиты, египтяне, американские племена, австралийцы, полинезийцы И т.д.—
Определение “Религий” —По сравнению с “Суевериями”—Нет единой веры, существенной для

религии—Атеистические религии—Фундаментальная идентичность религий—Неизвестно ни одного племени, лишённого религии—Как возникло противоположное мнение—У первых людей, вероятно, не было религии—Никаких признаков религии у низших животных—Сила религии в первобытном обществе—Истинный источник религии.

Самая молодая в сестринстве наук - это та, которая имеет дело с Человеком. В самом широком смысле она называется антропологией и как таковая включает как физическую, так и психическую жизнь вида, с самого начала и до настоящего времени. Та область науки, которая особенно занимается развитием человека, о чем свидетельствует его прогресс в цивилизации, известна как этнология.

Когда мы анализируем руководящие силы, которые привели к этому прогрессу и изучение которых, следовательно, составляет этнологию, их можно свести к четырем, а именно: Языку, Законам, искусству и Религии. Однако не воображайте, что это отдельные, независимые силы. Напротив, они неразделимы, являются составляющими элементами органического единства, каждый из которых действует через другие, и от симметричного приспособления всех их к потребностям сообщества зависят его процветание и рост. Ни один из них не может быть опущен или преувеличен без того, чтобы не задержать или не исказить национальную экспансию. Этот урок, преподанный во все века и подтверждаемый каждым примером, предупреждает нас быть осторожными, отдавая предпочтение одному из них над другими в любой общей схеме; но мы можем с пользой отделить одно от других и изучить его происхождение и влияние.

В этой связи я обращаю ваше внимание на религию, и особенно на то, что проявляется в ее самых ранних и простейших формах, в верованиях и обрядах первобытных народов. Я представлю их вам в соответствии с принципами и методами этнологии.

Существует то, что было названо “наукой о религии”. Это выражение кажется мне несколько самонадеянным - или, по крайней мере, преждевременным. Мы еще не говорим о “науке юриспруденции”, хотя у нас есть для нее лучшие материалы, чем для науки религии. Поэтому я ограничусь тем, что назову то, что я могу предложить, исследованием ранних религий в соответствии с научными методами.

Мне нет нужды напоминать вам, что такой метод абсолютно беспристрастен; что он рассматривает все религии одинаково как более или менее просвещенные выражения ментальных черт, общих для всего человечества во все известные эпохи.^[1] Она никому не признает исключительного обладания истиной и тем более не стремится установить какой-либо иной стандарт, кроме прошлого опыта, с помощью которого можно было бы оценивать притязания кого бы то ни было. Она не приносит никаких новых канонов веры или доктрины и не закладывает никакого другого фундамента, кроме того, который был заложен с самого начала и до сих пор.

Но именно в этом проявляется его непосредственная полезность и практическое значение. Он стремится обнажить те вечные основы, на которых всегда были и должны быть возведены священные здания религии. Она направлена на достижение этого путем устранения случайного и привходящего в религиях, чтобы обнаружить то, что в них является постоянным и универсальным. Те священные идеи и институты, которые, как мы находим, повторялись у всех

древних народов земли, часто развиваясь в последующие века по параллельным линиям, составят особые объекты нашего исследования. Отклонения от этих универсальных форм, как мы увидим, могут быть объяснены локальными или временными причинами, они затрагивают вопросы окружающей среды и служат просто для определения пределов изменчивости повсеместных принципов религии как психического феномена, где бы мы его ни обнаружили.

Это не “теология”. Эта отрасль знания направлена на измерение объективной реальности, конкретной истинности того или иного мнения относительно Бога и божественных вещей; в то время как научное изучение религий ограничивается исключительно рассмотрением таких мнений как этапов умственной деятельности человека и установлением того, какое влияние они оказали на развитие вида или какой-либо его ветви. Поэтому она никогда не является “полемической”. Она не нападает и не защищает убеждения, которые изучает. Она ограничивается изучением их характера и влияния в свете разума и истории.

Методов, которые мы используем в этом процессе редукции, всего три: 1. Исторический метод; 2. Сравнительный метод; 3. Психологический метод. В нескольких словах будет объяснен объем каждого из них.

Исторический метод изучает историю верований и развитие богослужения. Он стремится выяснить, какое влияние оказали на них окружающая среда, передача, наследственность и завоевание, и в полной мере выявить, что характерно для рассматриваемого племени или группы, а что является экзотическим. Ибо в каком-то смысле верно, что каждая нация и племя, даже каждый человек, имеют свою собственную религию.

Такие этнические черты заслуживают самого пристального изучения. Они настолько заметны и постоянны, что способны глубоко изменить историю даже самых зрелых религий. Совершенно верно, как заметил историк христианства, что “в каждом народе есть наследственная предрасположенность к какой-то определенной ереси”,^[2] то есть к изменению любой религии, которую они принимают, в соответствии с особым строением их собственного разума.

Сравнительный метод отмечает сходства и различия между религиями различных племен или групп и, постепенно расширяя свою область, чтобы охватить весь вид, пытается, исключая то, что является локальным или временным, определить те формы религиозной мысли и самовыражения, которые являются общими для человечества в целом.

Психологический метод использует результаты обоих предыдущих методов и стремится объяснить их, соотнося локальные проявления с особыми ментальными чертами племени или группы, а универсальные черты - со столь же универсальными характеристиками человеческого разума.

Последний, Психологический метод, является венцом и завершением поиска; ибо каждый продвинутый исследователь религии согласится с заявлением профессора Грейнджер о том, что “вся мифология и вся история верований должны в конечном итоге обратиться к психологии для их удовлетворительного объяснения”.^[3] Другими словами, законы человеческой мысли сами по себе могут объяснить ее собственные продукты.

И здесь я должен упомянуть об одном поразительном открытии, самом, как мне кажется, поразительном за последнее время. Дело в том, что эти законы человеческого мышления ужасно жестки, действительно автоматичны и негибки. Человеческий разум кажется машиной; дайте ему те же материалы, и он безошибочно изготовит тот же продукт. Это произвело на выдающегося современного писателя такое глубокое впечатление, что он сформулировал это как “фундаментальную максиму этнологии”: “мы не думаем; мышление просто происходит внутри нас”.^[4]

Эти странные совпадения находят свое объяснение в экспериментальной психологии. Эта наука в своем современном развитии устанавливает тот факт, что происхождение идей происходит из-за впечатлений, оказываемых на нервы органов чувств. Пять чувств порождают пять классов идей, наиболее многочисленными из которых являются идеи, исходящие от чувства зрения, визуальные идеи, и идеи, исходящие от чувства слуха, слуховые идеи. Первые дают представления о пространстве, движении и блеске (цвете, яркости и т.д.), вторые - о времени. Из чувства осязания возникают “тактильные” впечатления, которые порождают идеи силы через ощущения сопротивления и давления, удовольствия и боли. Из этих первичных идей (или восприятий), почерпнутых непосредственно из впечатлений, выводятся вторичные, абстрактные и общие идеи (апперцепции) путем сравнения и ассоциации (законы тождества, разнообразия и подобия).

При обычных условиях человеческой жизни на органы чувств воздействует гораздо больше впечатлений, которые повсюду одинаковы или сходны, чем наоборот. Следовательно, идеи, как первичные, так и вторичные (восприятия и апперцепции), почерпнутые из них, с гораздо большей вероятностью будут похожи, чем различаться.

Следствием этого является то, что те же законы роста, которые повсюду развивают физического человека в черты вида, действуют также на его психические способности, и не менее решительно, чтобы привести их продукты в соответствие.

Это относится не только к его логическим способностям, но и к его самым легким фантазиям и самым диким капризам. “Человеческое воображение, — замечает м-р Хартленд, - подобно любой другой известной силе, действует по установленным законам, существование и действие которых можно проследить; и оно воздействует на один и тот же материал - внешнюю вселенную, ментальный и моральный склад человека и его социальные отношения”.^[5]

Что касается моего конкретного предмета, профессор Бухман несколько лет назад выразил то, что я считаю правильным результатом современных исследований, в следующих словах: “Легко доказать, что поразительное сходство примитивных религиозных идей происходит не из традиций и не из родственных или исторических связей древних народов, а из идентичности в ментальном строении отдельного человека, где бы он ни находился”.^[6]

Мы едва ли можем избежать болезненного шока, обнаружив, что скованы такими несокрушимыми цепями. Как первобытный человек не мог себе представить, что непреклонные механические законы управляют процессами природы, так и мы не спешим признавать, что другие, не менее жесткие, управляют нашими мыслями и фантазиями.

Однако нигде истина об этом не демонстрируется так ясно, как в примитивных религиях. Без полного осознания этого факта их невозможно понять; а из-за отсутствия этого многое из того, что было написано о них, ничего не стоит. Поразительное сходство, абсолютная идентичность, которые постоянно проявляются в мифах и культах, разделенных океанами и континентами, были истолкованы как свидетельство общего происхождения или отдаленной передачи; в то время как они являются доказательствами фундаментального единства человеческого разума и его процессов, “перед которыми,” как говорит немецкий писатель, “различия в индивидуальных, национальных или даже расовых подразделениях отходят на второй план”.^[7] Куда бы мы ни обратились, во времени или в пространстве, к самым ранним и простым религиям мира, мы обнаруживаем, что они имеют дело с почти одинаковыми объективными фактами почти одинаковым субъективным образом, различия обусловлены местными и временными причинами.

Эта кардинальная и основополагающая истина о единстве действий человеческого разума, которая установлена как для искусств, законов и институтов людей, так и для их религий, позволяет мне широко представить вам верования первобытных народов как одно связанное целое, продукт общечеловеческих чувств, зеркало, отражающее глубочайшие мысли всего вида по важнейшим вопросам религиозной жизни и надежды, а не изолированные или заимствованные мнения того или иного племени или народа.

Конечно, признание этого принципа не уменьшает внимания, которое следует уделять этническому или местному развитию культуры, а также заимствованию или передаче мифов и обрядов. Везде, где можно доказать, что это имело место, это является адекватным объяснением идентичностей; но в племенах, географически удаленных друг от друга, предполагается, что такая идентичность обусловлена общим элементом человечности в виде.

Такие сходства никоим образом не ограничиваются примитивными формами религии; но в них они более очевидны, и их причины более очевидны; так что по этой причине изучение таких примитивных форм особенно выгодно тому, кто хотел бы познакомиться с элементами религии в целом. На самом деле, никто не может претендовать на глубокое знание великих исторических религий мира, если не проследил их очертания до скромных верований древних племен, из которых они вышли.

Он должен прибегать к ним по тем же причинам, по которым биолог, желающий изучить морфологию млекопитающего, берется за изучение клеток и волокон простейших живых организмов; ибо в их несложных формах он может обнаружить основные виды деятельности, которые оживляют высшие структуры.

Однако я должен более точно определить, что этнологи подразумевают под “примитивными народами”, поскольку это слово не используется в значении “первый” или “древнейший”, как указывает его происхождение. Мы почти ничего не знаем о первых людях, и об их религии можно было бы написать короткую главу. “Примитивный” для этнолога означает самого раннего представителя данной расы или племени, о котором у него есть достоверная информация. Это относится скорее к определенной стадии культуры, чем ко времени. О народах, находящихся в диком или варварском состоянии, со слабыми познаниями в искусстве, слабыми правительствами и немощными институтами, говорят как о “примитивных”, хотя они могут быть нашими современниками. Они очень далеки от того, чтобы быть самыми ранними людьми или походить на них. Сотни поколений трудились, чтобы поднять даже свою низшую ступень

культуры на другие, гораздо более низкие, о которых мы можем составить некоторое представление с помощью языка и доисторической археологии.

Следовательно, они не дегенераты, не развалины какого-то бывшего высокого сословия, не некое состояние первозданного благородства. Это древняя ошибка, теперь, я надеюсь, разоблаченная и исключенная из здравого учения. Даже самый грубый из дикарей является результатом неуклонного, продолжительного развития первобытного человека. У нас есть свидетельства того, кем он был, в его орудиях труда и оружии, сохранившихся в доледниковых слоях и на глиняном полу пещер, в которых он обитал.

Они возвещают нам закон постепенного продвижения для всех рас по всей земле, по одним и тем же направлениям прогресса, к одним и тем же целям культуры, чрезвычайно медленного вначале и неравномерного, особенно в более поздние эпохи, но подтверждающего единство вида и идентичность его надежд и целей повсюду.

Таким образом, вы поймете, что под "примитивными народами" я подразумеваю дикие или варварские племена, где бы они ни находились, и что я заявляю о братстве с самими собой во всех чертах, которые составляют единство видов. Несколько сотен лет назад предки англоязычных народов были такими же дикарями, как и самые дикие, без храмов своим богам, в постоянной и кровопролитной войне, неукротимыми каннибалами; прибавьте к перспективе несколько тысяч лет, и человек на всем земном шаре окажется в таком же состоянии.

Детством расы было дикое состояние, и некоторые сравнивают разум дикаря с разумом ребенка. Но сходство лишь поверхностное. Это скорее напоминает поведение некультурных и невежественных взрослых среди нас. Для обоих характерны одни и те же неточные наблюдения и нелогичные способы мышления. Они зависят от определенных ментальных черт, которые полезно определить, потому что они объясняют большинство абсурдностей примитивных религий.

Первый заключается в том, что идея принимается как истинная без процесса логических рассуждений или индуктивного наблюдения. Другими словами, то, что кажется истинным индивидууму, принимается им как истинное без дальнейших вопросов. Его мечты кажутся ему реальными; следовательно, они реальны. Во что верит племя, верит и он, независимо от того, что говорят ему его чувства.

Когда австралийский негр находится в путешествии и боится, что его настигнет ночь, он кладет комок глины в развилку дерева, полагая, что таким образом сможет остановить движение солнца и продлить день. Это не религиозный акт, а часть естественной науки, распространенной в племени, которую никакой опыт не опровергнет в их сознании.^[8]

Точно такое представление встречается у индейцев мандан. Капитан Кларк наблюдал возле их деревень вертикальные шесты длиной пятнадцать-двадцать футов с привязанными к ним свертками женской одежды. Он спросил, что они означают, и один из стариков объяснил так: "Если вы внимательно понаблюдаете за солнцем, то увидите, что оно ненадолго останавливается сразу после восхода, и снова в полдень, и когда оно заходит. Причина в том, что он отдыхает несколько минут, чтобы покурить в ложах трех бессмертных женщин, и мы предлагаем им эту одежду, чтобы побудить их сказать ему доброе слово от нашего имени. Наши предки говорили нам не забывать об этом".^[9] Тот факт, что шар не останавливается, не имел никакого значения перед лицом этой традиции.

Вторая черта - крайняя нервная восприимчивость дикарей. Она намного выше нашей, хотя часто говорят об обратном. Их эмоции или переживания контролируют их способность рассуждать и направляют их действия. Невротические заболевания, особенно заразного характера, очень часты среди них, и они гораздо более склонны, чем мы, поддаваться впечатлениям, воздействующим на их органы чувств. Путешественник Кастрен рассказывает, что внезапный удар по внешней стороне палатки самоедов иногда повергает ее обитателей в судороги; а миссионер Ливингстон рисует трогательную картину о молодых рабах, умирающих от “разрыва сердца”, когда они слышали песни и музыку жителей деревни и не могли присоединиться к веселью.[10]

Следовательно, эти две черты - принятие идеи как субъективно истинной и подчинение разума чувствам - являются основными чертами неразвитого ума. Они обычны в цивилизованных условиях, но универсальны в условиях дикости.

Часто рассматривался вопрос о том, сильно ли уступают умственные способности дикаря. На этот вопрос ответили тем, что забирали детей дикарей совсем маленькими и воспитывали их в цивилизованном окружении. Единодушен вердикт, что они проявляют такую же склонность к приобретению знаний и такое же уважение к заповедям морали, как средний английский или немецкий мальчик или девочка, но с меньшей оригинальностью или “инициативой”.

Я был в близких отношениях с несколькими чистокровными американскими индейцами, которые были вырваны из среды аборигенов и обучены подобным образом; и я не мог понять, что они либо по интеллекту, либо по симпатиям уступают обычному типу американского джентльмена. Один из них отличался утонченным чувством юмора, а также необычайной остротой наблюдения.

Однако часто выдвигается утверждение, что в своем диком состоянии они от земли, что все их время занято удовлетворением чувственных желаний и что они не думают и не интересуются спекуляциями сверхчувственного или духовного характера.

Изучение этого момента желательно при изучении их религий, поскольку от этого зависит решение, можем ли мы придать их мифам и обрядам значение более глубокое, чем значение обмана, страсти или легкомыслия.

Чтобы принять решение, я беру самый неблагоприятный пример, который только можно предложить, — австралийских негров. Учитывая их численность и протяженность их территории, они были, когда их обнаружили, самым деградировавшим народом на земном шаре. У них не было ничего, что можно было бы назвать правительством, а в некоторых диалектах нет слова, обозначающего вождя. Никто из них не мог сосчитать пальцы на одной руке, поскольку ни в одном из диалектов не было слов для обозначения цифр, кроме *трех* или *четырёх*. Мистер Хейл, выдающийся этнограф, который был среди них в 1843 году, говорит, что они проявляли “почти звериную глупость”, “откровенное ребячество и имбецильность”. [11]

Их естественные чувства и моральные представления кажутся невероятно притупленными. Лучше всего я могу проиллюстрировать это, рассказав об инциденте, произошедшем на пограничной станции, одном из многих инцидентов того же характера.

Семья уайт наняла местную девушку по имени Мэтти примерно пятнадцати лет. У нее был ребенок, который однажды исчез. На запрос она заявила, что ее мать сказала, что она слишком мала, чтобы заботиться о ребенке, и поэтому приготовила и съела его с кем-то из своих закадычных друзей. Мэтти плакала, рассказывая это. Потому что ее ребенок был убит? О нет! но потому, что мать не дала ей ни одного лакомства, а только косточки, которые можно было обглодать!^[12]

Однако даже у этих, казалось бы, безнадежных скотов есть сложная система законов о родстве и браке, самая жесткая из всех известных. Браки с сестрами или двоюродными братьями не только запрещены, “это не считается возможным”. Запреты в отношении еды настолько абсолютны, что местные жители скорее умрут с голоду, чем нарушат их. Некоторые из их религиозных церемоний влекут за собой добровольные увечья самого ужасного вида. Их мифология обширна, и у меня еще будет возможность часто ее цитировать. И так далеки они от тупого безразличия к будущему и прошлому, что точный наблюдатель, живший среди них, говорит: “Они удивляются между собой и разговаривают по ночам об этих вещах, и о прошлом существовании их расы, и о том, как они попали сюда”.^[13]

Дикие племена совершенно неграмотны. Они принадлежат к той стадии культуры, на которой искусство письма, как мы его понимаем, неизвестно. У них нет библий, никаких священных книг, по которым они могли бы преподавать свою религию. Поэтому какими средствами мы располагаем, чтобы узнать их мнение о святых вещах?

Этот вопрос требует ответа, тем более что я часто буду ссылаться на религии племен, давно исчезнувших и сами названия которых забыты. Как мы смеем с уверенностью говорить о том, что они думали о богах?

Мы можем это сделать, и это одно из чудес современных научных исследований, столь же замечательное, как и его более привычные и практические результаты.

Наши источники информации о первобытных народах можно разделить на четыре категории: археология, язык, фольклор и этнографические описания.

Благодаря первому из них, археологии, мы знакомимся с объективными остатками верований, которые давно исчезли. Храмы, идолы и алтари умерших богов раскрывают нам атрибуты, приписываемые им их приверженцами, и влияние, которое, как считалось, они оказывали. Мы можем интерпретировать их символы и по грубой резьбе воссоздать историю их божественной борьбы. В частности, по древним захоронениям и способам захоронения мертвых, которые они обнаруживают, мы можем понять, какие надежды возлагали исчезнувшие народы на грядущую жизнь.

В этом направлении нам мощно помогает то близкое сходство ментальных продуктов на сходных этапах культуры, на которое я уже ссылался и буду часто ссылаться. Сравнивая ныне живущее племя с тем, которое десять тысяч лет назад находилось в аналогичном состоянии, о

чем свидетельствуют его реликвии, мы можем с наибольшей вероятностью интерпретировать использование останков последнего и их мотивы.

Нам также помогает в таком исследовании критический анализ ранних форм языка, который является одним из достижений современной лингвистики. Устанавливая идентичность имен, мы можем проследить распространение мифов, а прослеживая такие имена до их надлежащего диалекта и первоначального значения, мы можем географически и психологически определить происхождение данных форм религий. На самом деле, значение лингвистики для изучения религий трудно переоценить. Никто не компетентен описывать священные верования народа, его мифы и заклинания, если он не владеет достаточным знанием его языка, чтобы установить истинный смысл терминов, используемых в его богослужениях.

Но эти столь очевидные приложения - наименьшее, что может предложить язык. Его влияние на религии гораздо глубже. Шевалье Бунзен хорошо заметил, что в первобытных условиях двумя полюсами человеческой жизни, вокруг которых сосредотачивается все остальное, являются язык и религия, и что каждый обуславливает другой, то есть придает ему особые формы и пределы.

Например, те языки, в которых есть грамматический род, почти обязательно делят своих божеств по полу[14]; те, в которых страдательный залог отсутствует или слабо развит, будут вынуждены ассоциировать со своими божествами более высокие представления о деятельности, чем там, где страдательный залог является излюбленной формой: те, в которых нет субстантивного глагола, не могут выражать Бога как чистое существо, но должны ассоциировать с Ним либо положение, действие, либо страдание.

В речи индейцев-алгонкинов нет грамматического различия по признаку пола, но существует широкое различие между одушевленными и неодушевленными предметами. Когда католические миссионеры принесли им четки, местные жители сначала говорили о них как о неодушевленных; но по мере того, как их благоговение к ним росло, они были переведены в одушевленный род и, таким образом, находились на пути к персонификации.[15]

Третий источник информации - это то, что называется фольклором. Его областью исследований является сбор реликвий и пережитков примитивных способов мышления и самовыражения, верований, обычаев и представлений в нынешних условиях развития культуры. Поэтому он особенно полезен в исследовании, подобном настоящему, тем более из-за необычайного постоянства и консервативного характера религиозных чувств и церемоний. Среди крестьян Европы язычество времен Юлия Цезаря процветает с едва ли ослабевшей силой, хотя, возможно, оно носит новые названия. "Первобытный ариец, - пишет профессор Фрейзер,[16] "не вымер; он с нами сегодня". И другой английский писатель не заходит слишком далеко, когда говорит: "Нет такого обряда или церемонии, которые до сих пор практиковались бы и почитались среди нас, которые не были бы прямыми потомками варварской мысли и обычаев".[17] Именно это придает фольклору его чрезвычайно поучительный характер для изучающих раннюю религию.

Четвертый источник информации - это описания местных религий, сделанные путешественниками. Вы могли бы ожидать, что это самый точный и, следовательно, ценный из всех источников; но это как раз наоборот. Исключая обычного туриста и путешественника по миру, от которого не ожидается, что он что-либо знает досконально, и который никогда не

обманывает ожиданий, даже прилежные наблюдатели, которые долго жили с дикими племенами, иногда овладевая их языками, по причинам, которые я сейчас изложу, постоянно ошибаются в отношении местных религий. Мы всегда должны относиться к их рассказам с сомнением и сопоставлять их с другими, написанными людьми другой национальности и образования. Действительно, из всех элементов местной жизни этот элемент религии наиболее подвержен неправильному пониманию иностранным гостем.

Принимая во внимание эти различные источники информации, какие племена, о которых мы располагаем достаточными знаниями, справедливо можно рассматривать как примеры примитивных условий?

Начиная с самых отдаленных во времени, я полагаю, что мы знаем достаточно о ранних арийцах, чтобы утверждать это за них. Острые исследования современных ученых, столь превосходно обобщенные в работе профессора Шрейдера, пролили поток света на бытовое, культурное и религиозное состояние древней эпохи арийского общества с точки зрения языка; в то время как неустанное изучение доисторической археологии в Европе дало нам в распоряжение тысячи предметов, иллюстрирующих религиозные искусства и обычаи, бывшие тогда в моде. Классическая мифология и ритуалы, а также современные фольклорные предания оказывают дополнительную эффективную помощь в реконструкции способов выражения их священной мысли.

Очень древним народом, возможно, арийской крови, но более вероятным, я полагаю, что он пришел из Северной Африки и имел ливийское происхождение, были этруски. Они были чрезвычайно религиозны, и их теологические взгляды глубоко повлияли на богослужение римлян. Мы знаем общие очертания их учения о богах, и его простота и величие свидетельствуют о нашем восхищении. Время от времени я буду использовать эту почтенную “этрусскую дисциплину” для иллюстраций.

То же самое можно сказать и об усердии исследователей и ученых в области семитской древности. Мы можем без сомнения проследить поток семитской религиозной мысли через еврейскую Библию и ассирийские и вавилонские клинописные таблички до, возможно, несемитского источника среди аккадского или шумерского населения, которое десять тысяч лет назад уже начало развивать художественную и сельскохозяйственную жизнь на Вавилонской равнине. Многочисленные студенты восстановили очертания и мотивы этой древней веры, формы и доктрины которой связывают и формируют нашу жизнь в Америке сегодня.

О, возможно, еще более древней культуре Египта нельзя сказать так много. Первоначальные символы его религии были разгаданы менее успешно. Как и его ранние надписи, они так часто стирались и накладывались друг на друга по прихоти или предубеждению сменявших друг друга династий и так сильно изменялись под влиянием иностранных влияний, что, насколько нам известно, их уже невозможно разобрать.^[18]

Обращаясь к религиям, сохранившим свои примитивные формы до наших дней, первое место следует уступить религиям Америки. До четырехсот лет назад все они на всем континенте возникли из неизвестной древности, не затронутой учениями азиатских или европейских наставников; ибо ни один по-настоящему здравомыслящий ученый в наши дни не верит ни в то, что святой Фома проповедовал христианство в Новом Свете в первом веке, ни в то, что

буддийские монахи в седьмом или любом другом столетии принесли свои догматы в Мексику и Гватемалу.

Более того, многие американские племена жили на самых примитивных стадиях общественной жизни, ничего не зная о сельском хозяйстве, без определенного места жительства, голые или почти голые, в постоянных кровавых раздорах, лишённые даже племенного правления. Здесь, как нигде, мы должны найти религиозное чувство, если оно вообще существует, в его простейших элементах.

С другой стороны, первые европейские исследователи обнаружили в Перу, на Юкатане и в Мексике многочисленные племена, жившие почти в цивилизованном состоянии, строившие огромные сооружения из резных камней, обрабатывавшие почву и знакомые с частично фонетической системой письма. Их мифология была обширной, а ритуалы сложными, так что вряд ли их можно было назвать примитивными по внешнему виду; но во всех этих примерах миф и ритуал были настолько очевидно идентичны по характеру с таковыми у бродячих племен в других местах, что мы не допустим ошибки, классифицируя их вместе.

Столь же изолированными и, несомненно, такими же грубыми, как самые грубые, были коренные австралийцы, волнистоволосые, бородатые, чернокожие люди, которые редко населяли этот огромный остров, две тысячи миль в ширину и две тысячи пятьсот миль в длину. Изолированные засушливыми участками пустыни, они вели непрестанную борьбу за жизнь, и неудивительно, что мы находим их в невероятно запущенном состоянии, связанном с бесконечной войной и каннибализмом. Именно по этим причинам их религиозные представления заслуживают нашего самого пристального изучения.

Огромный островной мир Полинезия был населен родственными племенами, обычно с ограниченной культурой, но с богатой мифологией, из которой у нас есть много странных и красивых фрагментов. Они примитивны по форме и выражению, с особыми различиями, а также аналогиями с верованиями континентальных племен.

Африка с ее бесчисленными смуглыми ордами предлагает менее многообещающее поле для изучения самых ранних стадий религии, чем мы могли бы ожидать. Состояние искусства и руины городов, построенных иностранцами, объединяются с классическими историками, чтобы показать, что в отдаленные века влияние далеких народов из Египта, Аравии и Индии на типичное чернокожее население было глубоким и далеко идущим. Белые хамиты на севере пересекли Сахару и простерли свои руки далеко вглубь Судана; в то время как на восточном побережье черные хамиты и арабские эфиопы оттеснили аборигенов далеко на Юг. Позже арабское влияние проникло внутрь Страны, разрушив старые верования или обесцветив их. Таким образом, в Африке мало что осталось от независимого развития религиозной мысли. Его наиболее примитивные черты, вероятно, лучше всего сохранились на крайнем Юге, у готтентотов, бушменов и зулусов.

На азиатском континенте некоторые сибирские племена на севере и некоторые племена дравидийского происхождения в горах Индостана сохранили до позднего времени свои примитивные черты, в то время как исчезающие остатки веддов на Цейлоне и чернокожих островитян Меланезии все еще придерживаются простой веры своих предков.

Эти намеки укажут на главные источники, из которых я буду черпать материал для иллюстрации зачаточных стадий религиозной мысли и действия, так сказать, эмбрионального периода тех эмоций и верований, которые нам в более зрелых формах так дороги и так святы.

Здесь я должен определить, что подразумевается в этих лекциях под "религиями". Большинство людей ограничивают этот термин историческими верами и культами, называя другие "суевериями" и "язычеством". Некоторые не признают, что существует какая-либо религия, кроме их собственной; все остальные верования являются ересями, отступничеством или язычеством. Даже такой умный писатель, как сэр Джон Лаббок, в одной из своих работ выразил сомнение в том, следует ли ему применять слово "религии" к поклонению дикарей своим божествам.

С другой стороны, протестант свободно осудит обычаи Римской церкви как "суеверия" и заявит, что они являются вырождением религии; в то время как среди протестантов квакеры считают все внешние обряды одинаково "суеверными".

В этнологии такие различия не могут быть признаны. Принцип, лежащий в основе всех религий и всех суеверий, один и тот же, как я покажу в следующей лекции, и самые грубые обряды варварства заслуживают названия "религии" точно так же, как утонченные церемонии христианских церквей. Цели верующего могут быть эгоистичными и чувственными, в нем может полностью отсутствовать этическое намерение, его обряды могут быть пустыми формальностями, а его верование аморальным, но это все равно будет его религия, и мы не должны применять к ней никакого другого названия.^[19]

Не существует какой-либо одной веры или набора верований, которые составляли бы религию. Мы склонны предполагать, что каждое верование должно учить вере в бога или богов, в бессмертную душу и в божественное правление миром. Парламент религий, недавно собравшийся в Чикаго, объявил в своем предварительном обращении эти элементы существенными для идеи религии.

Большой ошибки быть не может. Религия, которая сегодня насчитывает наибольшее количество приверженцев, буддизм, отвергает все до единого из этих пунктов.^[20] Еврейская доктрина Ветхого Завета, римская религия времен Юлия Цезаря и многие другие не признавали существования души или продолжения индивидуальной жизни после смерти.^[21] Некоторые верят в души, но не в богов; в то время как мысль о божественном правлении редко присутствует в умах дикарей. Они, как правило, не признают ни такого принципа, как принцип добра и зла, ни какой-либо доктрины о вознаграждениях и наказаниях в будущем за поведение в настоящей жизни.

На самом деле, ни в одном символе веры нет ни одного пункта, который был бы принят всеми религиями; однако общий источник, общая цель и ближайшая аналогия средств достижения этой цели связывают все в одно целое, представляя собой неотъемлемый элемент человеческой природы, низший из которых содержит потенциал высшего, высшее существо, но необходимую эволюцию низшего. Те же побуждения, которые заставляли первых людей формировать свои грубые представления о сверхчувственном вокруг них, с тех пор питали и развивали религии и поддерживают их живость по сей день. Храмы могут рушиться, а верования приходить в упадок, но дух остается прежним.

Это неотъемлемое единство всех религиозных чувств и выражений было давно осознано святым Августином. В хорошо известном отрывке из своих *Опровержений* он делает поразительное замечание: “Res ipsa, quæ nunc religio Christiana nuncupatur, erat apud antiquos, nec defuit ab initio generis humani”; “То, что сейчас называется христианской религией, существовало у древних и фактически было с человеческим родом с самого начала”.

Это, по сути, максима современной этнологии. Религиозность человека является частью его психического существа. В природе и законах человеческого разума, в его интеллекте, симпатиях, эмоциях и страстях лежат истоки всех религий, современных или древних, христианских или языческих. К ним мы должны относиться, ими мы должны объяснять, какие ошибки, лживость, фанатизм или жестокость запятнали человеческие вероучения и культы: им мы должны приписывать все, что истина, красота, благочестие и любовь освятили и прославили его долгие поиски совершенного и вечного.

Если это мнение о месте религии в этнологии верно, нам не следует ожидать, что в нынешнюю эпоху развития расы мы найдем сколько-нибудь значительное число людей, лишенных какой-либо формы поклонения и веры.

Факт заключается в том, что не было ни одного племени, каким бы грубым оно ни было, известного в истории или посещенного путешественниками, которое было бы лишено религии в той или иной форме.

Различные авторитетные современные авторы, например Герберт Спенсер и сэр Джон Лаббок, утверждают обратное, основываясь не на собственных наблюдениях, поскольку ни один из них никогда не видел дикое племя, а на сообщениях путешественников и миссионеров.

Я говорю намеренно, когда говорю, что каждое утверждение на этот счет при тщательной проверке оказалось ошибочным.[\[22\]](#)

Легко увидеть, что привело к такому ошибочному мнению. Миссионеры не признавали религией верования, которые настолько отличались от их собственных и были ниже их собственных. Бог язычников вообще не был для них богом. Когда они слышали истории о призраках, магии и оберегах, они отвергали их как бабушкины басни и уверенно заявляли, что у племени нет религии. Так было с теми, кто сначала работал в Южной Африке. Они вернулись и заявили, что атеизм был “эндемичным” среди племен этого региона. Более поздние наблюдатели, познакомившись с языками чернокожих, обнаружили обширную мифологию и обширный ритуал поклонения.[\[23\]](#)

Другой пример можно привести из недавнего описания племени моту в Новой Гвинее. Автор, миссионер, отрицает, что у них есть какая-либо религия вообще; но сразу же переходит к описанию их многочисленных “суеверных” обрядов, их веры в духов, их церемониального закона и т.д.[\[24\]](#)

Другой и мощной причиной ошибок было нежелание местных жителей рассказывать иностранцам о священных мистериях. Это не свойственно им, но встречается повсеместно. В приличном обществе наших городов считается нарушением этикета расспрашивать человека о его религиозных взглядах и обычаях. Было бы еще большее отвращение, если бы было

известно, что спрашивающий не может сочувствовать чьему-либо мнению и, вероятно, выставил бы его на посмешище.

Даже более сильный сдерживающий мотив закрывает рот большинству дикарей, сообщающих подобную информацию. Это табу, запрещено под страхом сурового наказания передавать его любому незнакомцу или даже члену другого племени. Тенденция к секретности, к эзотеризму присуща всем религиям, и особенно тем, в которых преобладают эмоции, как в случае с примитивными культами.

Даже при наличии готового рассказчика невозможно достичь истинного понимания религии без знания языка, на котором изложены ее мифы и заповеди. Обычные переводчики хуже, чем бесполезны. Капитан Бурк рассказывает нам, что мексиканские переводчики, много лет прожившие среди апачей, снова и снова уверяли его, что у этого племени нет религии и священных церемоний.

“Эти толкователи, - добавляет он, - не имели намерения вводить в заблуждение; они просто были неспособны освободиться от своих собственных предрассудков; они не могли поверить в существование такой вещи, как религия, за исключением той, которой их научили на коленях у матери”.[25] Если эти испано-мексиканцы, которые провели половину своей жизни среди туземцев, отрицали их религию, то что мы можем ожидать, что обычный путешественник узнает за несколько недель пребывания здесь?

Следовательно, религия есть и была, насколько нам известно из истории, универсальной для человеческого рода. Можем ли мы заглянуть дальше в прошлое, чем ведет нас история, и сказать, что это когда-либо было элементом человечности?

Имеющиеся в нашем распоряжении ресурсы для ответа на этот вопрос лежат в области доисторической археологии и лингвистики.

За пределами исторических эпох и за пределами тех, на которые ссылается смутная традиция, которые мы можем назвать полуисторическими, лежит эпоха культуры, получившая название по своей главной отрасли промышленности каменный век, разделенная на более поздний период, или “неолит”, и более древний период, или “палеолит”.

Что касается первого, то не может быть никаких сомнений в том, что религия оказывала огромное влияние на умы людей. У нас есть бесчисленные захоронения живших тогда народов, могучие курганы и массивные храмы, такие как Стоунхендж и Карнак; у нас их десятки тысяч, на обширных территориях, остающихся неоспоримыми доказательствами того, что главным занятием тех ранних сынов земли было поклонение богам и подготовка к смерти. У нас есть их идола, амулеты и мистические символы, их алтари и талисманы, чтобы не оставлять сомнений в их глубокой преданности. Ни один археолог не подвергает это сомнению.

Однако, когда мы переходим к человеку эпохи палеолита, особенно к тем древним племенам, которые жили в Западной Европе, когда великий континентальный ледник охладил воздух Южной Франции до арктической холодности, или еще раньше, в то доледниковое лето, когда гиппопотам нашел подходящее пристанище в реке Темзе, мы не так уверены. Среди многих тысяч предметов из камня и кости искусственной формы, которые были собраны на этом горизонте, нет ни одного, который мы могли бы однозначно идентифицировать как имеющий религиозное значение, как талисман, амулет, фетиш или идола. В редких случаях, когда

сохранились кости мужчин того возраста, не обнаружено явных признаков погребальных обрядов.

По этим причинам некоторые способные археологи, такие как профессор Г. де Мортие, утверждали, что человек, каким он был тогда, еще не развил в себе религиозные способности. Доказательства этого, действительно, отрицательны, и новые открытия могут опровергнуть их, но в настоящее время существует вероятность того, что в младенчестве расы не было, по крайней мере, объективного выражения религиозных чувств.[\[26\]](#)

Это, по-видимому, подтверждается свидетельствами из другого источника. Когда мы можем проследить происхождение священных слов языка до их первоначальных корней, мы обнаруживаем, что эти корни не имеют религиозных ассоциаций, а относятся к конкретным и чувственным образам. Следовательно, должно было быть время, когда те, кто говорил на этом первоначальном диалекте, использовали эти слова без какого-либо религиозного значения, вложенного в них, и, следовательно, не имели религиозных идей, выраженных на их языке, и, по-видимому, никаких определенных в их сознании.

Однако я не уверен, что этот аргумент настолько обоснован, как утверждают некоторые авторы. У тех ранних людей, возможно, были и другие религиозные термины, ныне утраченные; и я серьезно сомневаюсь в нынешнем мнении лингвистов о том, что все радикалы изначально имели конкретные значения. Ментальные процессы и чувства столь же реальны, как и действия, и на языках аборигенов Америки выражаются такими же четкими и древними средствами, как и любые другие для чувственного восприятия.

Однако, должно было быть время в развитии органических форм от какого-нибудь низшего млекопитающего к высшему - Человеку, когда у него не было религиозного сознания; ибо сомнительно, чтобы у низших животных можно было разглядеть хотя бы малейшие следы этого.

Мистер Дарвин, действительно, ссылаясь на то, что его любимая собака проявляла те же психические черты, которые заставляют дикарей верить в богов или духовные силы[\[27\]](#); а недавно профессор Пинсеро из Палермо доказал, что человекообразные обезьяны культивируют поклонение змеям, даже хоронят их со значительными церемониями и кладут в их могилы запас насекомых для употребления в будущей жизни![\[28\]](#)

Но эти научные предположения не нашли всеобщего признания, и даже сам профессор Пинсеро, признавая религию обезьяны, отрицает ее у доисторического человека более ранних эпох.

Следовательно, мы можем заключить, что развитие религиозной стороны природы человека началось в очень ранний период его истории как вида, хотя, вероятно, она была крайне расплывчатой или практически отсутствовала на его первых стадиях; и что это нечто явно человеческое, не разделяемое в какой-либо определенной форме даже наиболее развитыми из низших животных.

Это единственная черта, по которой он качественно отличается от них. Они тоже передают знания с помощью звуков; у них есть правительства и искусства; но мы нигде не встречаем среди них понятия Божественного. Это была искра прометеева огня, которая вела человека по мрачным и окольным путям его земного паломничества к превосходству, которым он сейчас наслаждается.

Греческая басня повествует нам о юноше-пастухе Эндимионе, который пас своих овец на горе Латмус и не мечтал ни о чем возвышенном, пока во сне богиня Селена не спустилась с небес и не обняла его. Вдохновленный ее божественным прикосновением, он пробудился к благородным устремлениям и отправился дальше, чтобы стать монархом Элиды и отцом династии королей.

Так человеческий разум бесконечные века блуждал ощупью среди жестокого труда и удовольствий, не подозревая о более грандиозных целях; пока мысль о Боге, всплывшая в сознании души, не нашептала ей о бесконечном прогрессе и божественных идеалах, к достижению которых она стремилась и всегда будет продолжать стремиться, с неустанными усилиями и постоянно возрастающей наградой.

Этот вопрос решен, возникает другой. Религии, которые, таким образом, встречаются повсюду среди самых грубых племен, пустили ли они корни и оказали глубокое влияние на человека и общество, или же они ощущались поверхностно и не имели большого значения в практической жизни?

В отношении этого я едва ли могу быть слишком уверен. Никакое мнение не может быть более ошибочным, чем то, которое иногда выдвигается, что дикари безразличны к своей вере. Напротив, правилом, за очень немногими исключениями, является то, что религия поглощает почти всю жизнь человека в примитивных условиях. От рождения до смерти, но особенно во взрослом возрасте, его повседневные действия регулируются церемониальными законами самых суровых, часто самых надоедливых и болезненных характеров. У него нет самостоятельных действий или кодекса поведения, и он является рабом условий, которые создают такие законы.

Это особенно заметно в общемировых обычаях тотемного разделения и *табу*, или религиозных запретах. Они регулируют его питание и питье, его брак и общественные отношения, распоряжение имуществом и выбор жен. О нарушении их не может быть и речи. Это означает изгнание или смерть. Понятия терпимости, свободы совести, высшего закона не существуют в первобытных сообществах, за исключением определенных личных условий, о которых я упомяну в следующей лекции.

Как было кратко сказано профессором Грейнджером, “Религия в древнем мире включала в себя все социальные функции”; и идентичность ее правил правилам обычной жизни профессор Тиле правильно выразил следующими словами: “Идея разделения Церкви и государства совершенно чужда всем религиям древности”.^[29]

То, что было верно в те древние дни, в равной степени верно и в наш век среди диких народов. Возьмем в качестве примера даяков Борнео. Недавний наблюдатель описывает их как абсолютных рабов своих “суеверий”, то есть своей религии.^[30] “Когда они распахивают свои поля, собирают урожай, отправляются на охоту или рыбалку, заключают брачный контракт, отправляются в экспедицию, предполагают коммерческую поездку или что-либо важное, они всегда советуются с богами, приносят жертвы, празднуют праздники, изучают предзнаменования, приобретают талисманы и так далее, часто таким образом теряя лучшую возможность для самого бизнеса”.

Это в равной степени относится и к большинству диких племен. Мистер Дж. Уолтер Фукс сообщил мне, что для индейцев пуэбло было тяжелым моральным потрясением видеть, как белые поселенцы сажают кукурузу без какой-либо религиозной церемонии; и гораздо большим потрясением было осознание того, что кукуруза росла, процветала и давала обильный урожай! Результат поколебал их простую веру больше, чем дюжина миссионерских крестовых походов.

Для простого ума первобытного человека, как и для современного мусульманина, не существует такого понятия, как промежуточный закон, управляющий явлениями и способный быть выраженным в заданных терминах. Для него каждое событие природы и жизни является непосредственным проявлением силы Божьей, *eine Kraftprobe Gottes*.^[31]

Однако религия не возникает из-за какого-либо внешнего давления, каким бы сильным оно ни было. Если в нем есть хоть какая-то жизненная сила, если это нечто большее, чем самый бесплодный церемониал, оно должно начинаться изнутри, с самой души. Так было в первобытные века у всех человеческих племен.

Поэтому, изучая его происхождение и продолжая его развитие, мы должны начать с его источников в сознании человека, с его психических источников. Поняв это, мы можем перейти к трем ее основным проявлениям - в Словах, Предметах и Ритуалах.

ЛЕКЦИЯ II.

Происхождение и содержание первобытных религий.

Содержание:—Прежние теории происхождения религий—Их неадекватность—Универсальный постулат религий о том, что Сознательная воля является источником Силы—Как Разум был приписан Природе—Общение между человеческим и Божественным Разумом—Универсальность “Вдохновения”—Вдохновение как продукт подсознательного разума—Известно науке как “Внушение”—Это объясняет-Примеры—Иллюстрации из языка—Отсутствие примитивного монотеизма—Особые стимулы религиозных эмоций: 1. Сновидения и связанные с ними состояния —Жизнь как сновидение—2. Понимание жизни и смерти и понятие Души—3. Восприятие Света и Тьмы; Дня и Ночи —Бог Неба как Высший Бог - 4. Наблюдение за Необычайными проявлениями Силы—Бог Грома —5. Впечатление Необъятности - Достоинство Подсознательного Интеллекта.

В прошлой лекции мы видели, что у всех человеческих племен, насколько известно, были религии. Как это произошло, какая общая причина привела к столь универсальному факту, озадачило умы философов и теологов. Их объяснения по этому поводу были столь же разнообразными и противоречивыми, как и по большинству других вопросов.

Значительное число философов, древних и современных, рассматривали религию любого рода как симптом больного мозга. Так, Эмпедокл в пятом веке до нашей эры объявил это болезнью ума, а Фейербах в нынешнем столетии охарактеризовал это как самую пагубную болезнь человечества. Рассматривая все формы религий как заблуждения, наносящие ущерб здравому

смыслу и стремлению к истине, они верили, что человеческий интеллект может свободно использовать свои силы только тогда, когда освобожден от таких оков.

До сих пор сохранилась еще одна древняя теория, получившая свое название от Эвгемера, сицилийского писателя времен Александра Македонского. Он утверждал, что религии возникли из уважения и почтения, оказываемого королям и героям при их жизни, которое сохраняется обычаем после их смерти. Под современным названием “поклонение предкам” это было поддержано Гербертом Спенсером и другими как первичный источник всякого поклонения.

Еще одно философское мнение состояло в том, что религии возникли благодаря хитрости правителей и священников, которые с помощью суеверного страха стремились держать в подчинении своих подданных и приверженцев. Эти обманщики изобрели ужасы другого мира, чтобы обеспечить себе собственную власть и места в этом. Это мнение было излюбленным во времена Французской революции и нашло отражение в стихотворениях Шелли, который объявил это одной из своих миссий: “разоблачить религиозные обманы, с помощью которых народы были введены в заблуждение и подчинены”.^[32]

Преобладающая теория великих мировых религий, христианства и магометанства, в значительной степени была теорией Эмпедокла. Они считали все религии мира хитроумными измышлениями дьявола и его приспешников, ловушками, расставленными для человеческих душ; однако всегда содним исключением: каждая исключает саму себя. Это точка зрения, столь величественно выраженная в *"Потерянном рае"* Мильтона и все же довольно распространенная в цивилизованных странах.

С другой стороны, сильная школа христианских писателей, возглавляемая в начале этого столетия Жозефом де Местром и Шатобрианом и представленная на нашем языке архидьяконом Тренчем, утверждала, что все религии, даже самые дикие, являются фрагментами и воспоминаниями, действительно искаженными и разбитыми, первобытного откровения, дарованного Всевышним человечеству повсюду в начале. Они занялись тем, что указали на аналогии диких и языческих верований и обрядов с христианскими в доказательство своей теории.

Недалеко от них находятся учителя учения о “внутреннем свете”, о том “свете, который озаряет каждого человека, приходящего в мир”, открывая ему существование Бога и факт существования его души. Вместе с Вордсвортом они учат, что

“Мы идем, волоча за собой облака славы

От Бога, который является нашим домом;”

и что именно из-за извращения или умышленной слепоты любой человек утверждает незнание этих основных истин.

Философский аспект этой теории был представлен выдающимися умами Канта, Гегеля и Шеллинга. Кант отождествлял идею Бога с Идеалом Разума, совершенным Интеллектом, к которому обязательно должны стремиться все умы, даже самые скромные. Гегель в прекрасном отрывке из своей *Философии религии* призывает к изучению языческих и примитивных религий с целью определения их реального значения и обнаружения зерен истины, которые всегда заключены в них, разума и добра, дающих им жизнь.

Современные немецкие этнографы, такие как Пешель, Ратцель и Шурц,^[33] не рискнули следовать этим более ранним мыслителям своей нации, а удовлетворились тем, что проследили происхождение религии до одной характеристики человеческого интеллекта, а именно до понятия Причины. Связь причины и следствия, утверждают они, настолько укоренилась в мыслящем разуме, что неизбежно приводит всех людей к предположению о причинах, таких как духовные силы, когда другие невидимы.

Эта популярная точка зрения кажется слабой; ибо отношение причины к следствию не только является простым предположением и, более того, отвергается точной наукой; но и уклоняется от самого обсуждаемого вопроса, который заключается в объяснении того, почему духовные силы воображаются в качестве причин материальных следствий.

Аналогичные возражения касаются вывода примитивных религий из смутного “восприятия Бесконечного”, или *sensus numinis*, некоего *deus in nobis*, “предупреждающего нас”, как говорит Вергилий, “своим быстрым движением”. Это неясные, неудовлетворяющие выражения, не дающие рационального объяснения и полные двусмысленностей.

Излюбленная теория во все времена гласит, что религии возникли из эмоции страха. Этому учил латинский поэт Петроний в знаменитой строчке, где он говорит: “Страх сначала создал богов”; и это активно отстаивали многие современные философы и этнологи.

Итак, если одной этой эмоции достаточно, чтобы пробудить религиозное чувство, то почему, спрашиваю я, это чувство отсутствует у трусливых и робких низших животных? Почему она так слаба у многих трусов? Почему она так сильна у многих героев?

Более того, дух многих ранних религий противоположен духу страха. Они, как правильно сказал доктор Робертсон Смит, “преимущественно радостны”.

Это достаточные доказательства того, что это древнее и популярное представление основано на неправильном понимании фактов. “Страх Божий” действительно присутствует в каждой религии; но сама религия возникла не из него. Мы уже должны иметь представление о Боге, прежде чем сможем бояться Его.

Если мы собираемся применить научный метод к изучению религий, мы должны предложить объяснение их существования, которое было бы понятным, которое поддавалось проверке и которое справедливо для всех них, примитивных или развитых, для религий самых отдаленных эпох и наших дней. Только так этнолог может рассматривать их как один из элементов истории человечества, свойство вида.

Насколько я знаю, до настоящего времени этого сделано не было. Фактически, большая часть преподавания современной антропологии была рассчитана на то, чтобы воспрепятствовать этому. Откровенная пропаганда атеизма и материализма французской школой привела к тому, что ее последователи сочли усилия бесполезными;^[34] а принятие доктрины “анимизма” в качестве достаточного объяснения ранних культов привело к пренебрежению в англоязычных странах их более глубоким анализом. Такой писатель, например, как Эндрю Лэнг, не колеблясь, учит, что “Происхождение веры в Бога находится за пределами понимания истории и спекуляций”.^[35]

Истинное объяснение происхождения религии простое и универсальное. Пусть любой человек спросит себя, на чем основана его собственная религиозная вера, и ответ, если он верен, будет справедлив для каждого представителя расы, прошлого и настоящего. Не имеет значения, анализируем ли мы суеверия самых грубых дикарей, или возвышенные высказывания Иоанна Богослова, или Спинозы, “опьяненного богом философа”; мы найдем один и тот же постулат для веры всех.

Этот универсальный постулат, психическое происхождение всей религиозной мысли, заключается в признании или, если угодно, предположении, *что сознательная воля является конечным источником всей Силы*. Это вера в то, что за чувственным, феноменальным миром, отличная от него, придающая ему форму, существование и активность, лежит высшая, невидимая, неизмеримая сила Разума, сознательной Воли, Разума, в некотором роде аналогичная нашей собственной; и, — отметьте это существенное следствие, — *что человек находится с этим в общении*.

То, что, таким образом, предполагают высшие религии, было также основой самых ранних и примитивных культов. Единственной универсальной чертой среди их бесконечных форм выражения была неизменная вера в Разум, в сверхчувственное, как в конечный источник всей силы, всей жизни, всего бытия.

Наука и христианство учат одному и тому же, но с одной разницей: прогресс наблюдения научил нас существованию определенных единообразных последовательностей, которые мы называем “законами природы”, основанных исключительно на Разуме, но представляющих процессы его реализации. Дикарь не знал этого. Он воображал, что каждое движение в природе было непосредственным проявлением Воли, его собственной воли в его собственных движениях, какой-то видимой или невидимой воли в других движениях. Видимое принадлежало другому существу, подобному ему; невидимое было до такой степени неизвестно, и это были его боги.

Я повторяю, где бы мы ни находили божественную, духовную силу, выраженную в мифе или символе, вероучении или обряде, мы обнаруживаем, что она характеризуется двумя чертами: она имеет природу человеческого разума, то есть сверхчувственна; и это высший источник силы. Моей целью будет показать выражение этих универсальных постулатов религиозного чувства в самых грубых религиях мира.

Вы можете спросить, с помощью какого процесса мышления первобытный человек приписал природе разум. Этот процесс чрезвычайно прост и проиллюстрирован действиями любого ребенка. Пусть кто-нибудь случайно заденет пустое кресло-качалку во время движения; он сразу же разозлится на кресло и будет рад видеть, как его бьют! Детский разум приписывает объекту волю и ощущения, которые он осознает сам по себе. Это самое простое объяснение, которое он может придумать для действия.

Точно так же обстоит дело и с диким человеком. Везде, где он ощущает движение, независимое от живого существа, он предполагает присутствие сознательного агента, невидимого для его органов чувств. Как замечает профессор Сэйс о ранних халдеях: “Для них духовное, *Зи*, было тем, что проявляло жизнь, а критерием проявления жизни было движение”.^[36] Это универсально для примитивных религий.

Но этого было недостаточно. Для большинства, если не для всех первобытных людей, движение было не единственным проявлением жизни. Для них недвижимое, скала, гора, любой неодушевленный предмет также были сознательной духовной силой, мыслящим существом. Это тоже имеет свое объяснение в одной из простейших, элементарнейших черт ума - чувстве Личности. Для неразвитого разума Другой всегда воспринимается как Другой, Самость, и облечен атрибутами *the* Самости, мыслящего Эго. Так всегда бывает в детских сказках и мифах диких племен.[37]

Это самые ранние концепции религиозной способности; но они были бы бессильны овладеть эмоциями и развить великие религии мира, если бы их не поддерживало то, что является краеугольным камнем каждого вероучения на земле, следствие, о котором я упоминал, а именно прямое общение между человеческим и божественным разумом, между Человеком и Богом.

Это единственная черта, общая как для высших, так и для низших, это единственное доказательство подлинности, которое каждый провозглашает для себя сам. Я расскажу вам о религиях настолько примитивных, что в них нет храмов или алтарей, нет обрядов или молитв; но я не могу рассказать вам ни об одной, которая не учила бы вере во взаимодействие духовных сил и человека. Каждая религия является Откровением — по мнению ее приверженцев. Те, которые называются “книжными религиями”, зависят главным образом от *записи* откровения, в то время как во всех примитивных религиях вдохновение является действительным и постоянным. Человеческая душа, рассматриваемая по своему происхождению как эманация Божественного, по своей природе всеведуща, когда в моменты экстаза она освобождается от своей материальной оболочки.[38]

Когда уроженца Австралии спросят, видел ли он когда-либо великого Творца, Байаме, он ответит: “Нет, не видел его, но я почувствовал [или внутренне воспринял] его”.[39] Вождь басуто ответил на вопрос, знал ли его народ о Боге до прихода миссионеров: “Мы не знали Его, но мы мечтали о Нем”.

Весь шаманизм основан на прямом отношении к божественности. Шаман - вдохновенный пророк и целитель, который верит в свое вдохновение так же твердо, как и его доверчивые приверженцы. Из шаманизма в Индии развилась практика, известная как *йога*, характеризующаяся экстатическими припадками, периодами мозгового возбуждения и предполагаемыми божественными силами.[40] К тому же происхождению мы должны отнести сходные явления “говорения на языках” и религиозной мании.

Я не говорю об обмане или иллюзиях. Когда я говорю, что все религии зависят в своем происхождении и продолжении непосредственно от вдохновения, я констатирую исторический факт. Оно может быть известно под другими именами, заслуживающими доверия или дискредитирующими, как мистицизм, экстаз, рапсодия, одержимость демонами, божественный аффлатус, гнозис или, в своем последнем крещении, “космическое сознание”.[41] Все это - всего лишь выражения веры в то, что знание возникает, слова произносятся или действия совершаются не посредством сознательной идеи и рефлексивной цели, а благодаря побуждениям силы, находящейся выше индивидуального разума.[42] Пророки и шаманы, евангелисты и индийские знахари, все утверждают, и все заявляют искренне, что ими движет внутренний бог, *deus in nobis*, и они говорят слова Господа.

Интенсивность целеустремленности и подавление разума, которые повсюду и во все времена приносит с собой это чувство вдохновения, невозможно переоценить по их влиянию на историю расы. Им обязаны весь фанатизм, религиозный фанатизм и нелиберальность.

Тот, кто ходил с Богом, кто ощущал давление божественной руки, кто был вознагражден "блаженным видением", для него все меньшие связи слабы, все знания тщетны. Он скажет: "Лучше знать Бога и не знать обо всем остальном, чем знать все остальное и не знать о Боге". Никакие рассуждения не могут убедить его в ошибке, ибо его логика не признает законов человеческого мышления; никакие апелляции не смягчат его суждений, ибо он высказывает не решение человека, а неизменный указ Бога.

Если мы не сможем предложить рационального объяснения этой универсальной черты, все религии станут необъяснимыми. К счастью, исследования современной психологии позволяют нам представить такое объяснение. Это учит нас на бесчисленных примерах, что подавляющее большинство впечатлений, получаемых нашими органами чувств, не оставляют следов в сознательном воспоминании, хотя и хранятся в записях мозга; что то, что кажется утраченным для памяти, все еще остается в ее тайниках; и что умственная деятельность постоянно продолжается и достигает результатов совершенно без нашего ведома.

Психолог называет этот процесс терминами "бессознательная мозговая деятельность" или "психический автоматизм". Это функция "подпредельного сознания", или, для краткости, "подсознания". Это не только обычное явление, но и постоянное, и результаты этого незаметного труда нашего разума часто гораздо ценнее, чем результаты наших интеллектуальных усилий. Самые сложные механические изобретения, самые впечатляющие произведения искусства в мире, даже самые трудные математические решения были достигнуты с помощью этого неосознаваемого механизма разума. Они казались настоящим источником вдохновения, но мы можем быть уверены, что разум путем *долгих сознательных* усилий накапливал материал и закладывал фундамент для совершенного здания, которое так волшебным образом возникло.

Психолог пошел дальше. Не довольствуясь обнаружением этого автоматического ментального механизма, он изучил, как он приводится в действие, и готов показать, что во всех своих формах он может быть произведен по желанию при благоприятных условиях. Подобно древнему некроманту, он может вдохновлять и околдовывать, он может изгонять демонов и нечистую силу.

Его сила не оккультна, ибо она принадлежит науке, а у науки нет секретов. Это известно как "внушение", и в нем заключается социальная сила всех религий и суеверий, какими бы они ни были, примитивными или существующими. Поэтому необходимо, чтобы я посвятил несколько слов его объяснению.

Внушение в его простейшей форме - это косвенное пробуждение идеи в уме как отправной точки процесса мышления и чувствования. Идея может быть внушена повторением стимула, ассоциацией с родственными идеями или сенсорными контактами. Это может быть вызвано нашим собственным преднамеренным усилием, которое называется "самовнушением"; или

впечатление может быть получено от нескольких человек или направлено на них, что называется “коллективным внушением”.

Мощными средствами внушения являются монотонное повторение определенных слов; фиксация взгляда на одном объекте; концентрация ума на одной мысли; сокращение обычного рациона питания; общение с людьми, уже находящимися под его влиянием; продолжение одних и тех же движений; длительное прослушивание одной и той же ноты или ритмического аккорда; тишина, темнота и одиночество. Они могут быть по-разному скомбинированы и воздействовать на ум таким образом, чтобы полностью изменить его обычные привычки и, по-видимому, вызвать другую личность.

Логическое обоснование, с помощью которого это достигается, заключается в развитии автоматического и бессознательного действия разума в сознательное проявление его способностей. Это может быть отталкивающим или достойным восхищения, выше или ниже нормальных способностей; но всегда соотносится с человеком и связано с его опытом.

Таково объяснение почти всего религиозного опыта примитивных народов, а также того, что повсеместно известно как “теопатия”, и современных форм теософии, месмеризма и гипнотизма.[43]

Все религиозные учения и ассоциации, как низших, так и высших вероисповеданий, направлены на культивирование этих мистических чувств путем увеличения интенсивности внушений, которые их порождают, и уменьшения силы других внушений, которые могут помешать.

Даже в цивилизованных сообществах удивительно, с какой легкостью у бодрствующих людей могут возникать суггестивные чувственные заблуждения. По крайней мере, девяносто из каждых ста людей можно таким образом убедить обманывать самих себя. Чрезвычайная заразительность такого бреда, достаточно распространенная в цивилизованных условиях, значительно возрастает в состоянии дикаря. В их жизни поразительно часты явления самовнушения. У африканских зулусов любой взрослый может погрузить себя в гипнотическое состояние и благодаря этому обрести то, что они называют вторым зрением, — “способность видеть, где находятся потерянные предметы и чем заняты отсутствующие друзья”. Когда их просят объяснить это состояние ума, они могут только сказать, что это такое, “в котором человек бодрствует, но видит вещи, которые он не увидел бы, если бы не был в этом состоянии”[44]; что напоминает нам о замечательной доктрине санскритских упанишад — “Нет предела познанию того ”Я“, которое знает”. [45] Среди многих австралийских племен, среди камчатканцев и яганов Огненной Земли, а также у многих других народов таинственная сила шаманов или знахарей в большей или меньшей степени присуща всем взрослым.[46]

Они находятся в нижней части шкалы. На одну ступень выше, и мы обнаруживаем, что жречество представляет собой отдельный класс, обычно обоего пола, но выбираемый естественным отбором из тех членов сообщества, которые по темпераменту или воспитанию в высшей степени обладают этой склонностью к мистической силе. На это обычно указывают ясность и характер снов и видений, которые появляются в то время, когда он или она вступает во взрослую жизнь. Считается, что это прямое вдохновение из духовного мира, либо от душ умерших, либо от сил, отличных от тех, которые управляют судьбой человека.

Эти вдохновенные провидцы представляют священство каждой примитивной религии. Они культивируют и сохраняют ее, и в них миссионеры высших религий когда-либо находили своих самых решительных врагов и успешных оппонентов. Причина в том, как я уже сказал, что шаман сам был лицом к лицу с Богом, слышал Его голос и ощущал Его присутствие. Следовательно, его вера реальна, и ее не могут поколебать никакие доводы. Он действительно может, и обычно так и делает, подкреплять свои публичные выступления каким-нибудь трюком, какой-нибудь тауматургией; но то, что это просто добавляется для эффекта, доказывается общим обычаем, согласно которому, когда один такой адепт болен или находится в затруднительном положении, он обращается за помощью к другому.[47]

Среди своих товарищей он считается отделенным от других людей божественностью, которая избирает его своим представителем или обитает в нем. На островах полинезии это убедительно выражено в терминах, применяемых к местным жрецам: *пиа атуа*, “божественные шкатулки”, вместилища божественности; и *амама*, “открытые рты”, ибо через них говорит бог, а не они сами.[48]

Присутствие божественности осознается и ощущается только в необычных ментальных состояниях, в моменты экстаза или транса, в периоды восторга, опьянения или безумия. Следовательно, во всех ранних и многих поздних религиях ненормальные и патологические психические припадки рассматриваются как случаи вдохновения или же одержимости демонами. На языке кичуа в Перу слово *huasa* является их наиболее общим термином для обозначения божественного, но *huasa runa*, “божественный человек”, означает того, кто безумен[49]; а в греческом языке слово *mania* использовалось как для обозначения безумия, так и для пророческого вдохновения.

Таким образом, мы видим, что в этом ментальном состоянии мы обнаруживаем психическое развитие примитивной идеи божественного, представления о Боге. Это не внезапный результат какого-то одного чувства, как иногда утверждают; это сложная концепция, основанная на множестве смутно ощущаемых впечатлений и эмоций. Это не интуиция и не индукция; это не вывод из наблюдения и не завершение логического процесса. Изучение его аспекта в жизни дикарей показывает, что оно возникает из восприятия скрытой активности подсознания, из странного ощущения активности, воли и силы, которые при благоприятных условиях концентрации (внушения) оно придает более или менее сознательному “Я”. Это влияние сначала расплывчато, безлично, неопределенно, но постепенно дифференцируется и персонифицируется. Более того, оно постоянно усиливается и поддерживается посредством того культивируемого внушения, которое я описал, которое предназначено для того, чтобы привести индивида в соприкосновение с неизвестными видами деятельности. Таким образом, идея сверхчеловека развивается из бессознательных сил человеческого Разума.

Убедительным доказательством этого является язык. Из имеющегося под рукой обильного материала давайте выберем три примера, далеко отстоящих друг от друга: один из племени дакотских североамериканских индейцев, один из древних перуанцев и один из жителей островов Южных морей.

Скрытая и таинственная сила вселенной выражается на дакотских диалектах словом *вакан*. Этот термин выражает бесконечную волю; это, как говорит нам мисс Флетчер, “обожествление того особого качества или силы, которую человек осознает внутри себя как направляющую его собственные действия или желающую, чтобы курс привел к определенным результатам”. От

слова *wacin*, воля, произошли термины для обозначения того, что мы называем “телепатией”, вера в которую почти универсальна в примитивных культурах; для обозначения интеллекта или ментальности; и для обозначения священного танца.[50]

Хотя значение слова *вакан* в Дакоте четко определено, его происхождение остается неопределенным. Удивительно, что точно такое же слово с таким же значением вновь появляется в языках кичуа и аймара, проживающих во внутренних районах Перу. Там оно применяется ко всему экстраординарному или необъятному, выходящему за рамки естественного, и особенно ко всему священному или божественному. Это не было божеством, но выражало божественную силу, которая, как считалось, присутствовала в людях, животных или вещах.[51]

Идентичность этих двух слов, вероятно, не является простым совпадением, и одно из них не заимствовано из другого. В кичуа *вакан* выражает звук, характерный для любого животного, например, *allco wakan*, собака воет, *хуаллпа вакан* петух кукарекает, а это, в свою очередь, происходит от междометия удивления, или изумления, или восхищения, *хуа*. Это было то, что использовалось в священных заклинаниях.

Как это ни странно, арийские ученые прослеживают происхождение английского слова “Бог” от готского *guth* до санскритского глагола *hua* призывать (причастие прошедшего времени, *hutha*), того же примитивного междометия в глагольной форме; и святое имя евреев, *Яхве*, сейчас считается именем халдейского бога земли, вод и плодородия, во имя которого *Eā*, *Ya* или *Da*, мы узнаем родственное междометие или рефрен, тот самый, который, выкрикиваемый в оргиастических обрядах, дал имя Бахус или Яхус.[52]

Обращаясь к островному миру Тихого океана, мы находим в его бесчисленных группах солнечных островов безличное Божественное, выражаемое одним общим термином - *мана*. Местные жители верили в посредничество ушедших душ, а также духов независимого происхождения (*вуи*); но сверхъестественной силой, посредством которой оба воздействовали на природу или события, была эта *мана*. Если человек преуспевал в своих делах и приобретал влияние в племени, то это происходило не благодаря его собственным усилиям, а потому, что у него была *мана*; точно так же, как благочестивые люди среди нас приписывают свое процветание и процветание своих достойных соседей милости Господа. Первоначальным значением *маны*, по-видимому, было “то, что находится внутри человека”, а позже - интеллект в разуме, откуда происходит сила или могущест, как выражения Воли применительно к концепции всеобщей жизни и движения.[53]

Повторяю, эти слова не передают никакого представления о личности. Они не являются доказательствами примитивного монотеизма, как часто утверждалось. Они и все подобные им - расплывчатые, неопределенные термины для обозначения сверхъестественного, того, что было необъяснимо ограниченными знаниями самых невежественных представителей нашего вида.[54]

Средства внушения действуют главным образом через эмоции, и в религиозном внушении особенно важны те эмоции, которые порождают мысли о сверхчувственном и проявлении силы.

Но ни одна из этих эмоций сама по себе - ни страх, ни надежда, ни благоговейный трепет, ни удивление, ни какая-либо другая - не способна вызвать представление о сверхъестественном.

Это проистекает из тех более глубоких интеллектуальных черт, которые присущи исключительно человеку.

Однако верно, что такие эмоции являются мощными стимулами для тех форм внушения, которые приводят к религиозным чувствам; они являются их частью, и то, что их возбуждает, развивает и усиливает; и, таким образом, они занимают свое место в качестве вспомогательных средств для внушения.

Для дикаря вся природа свидетельствует о присутствии таинственной силы, которая стоит за ее формами и движениями. Он видит Божественное повсюду. Но из этого множества впечатлений, которые побудили его к религиозной мысли, мы можем выделить ограниченное число, которое превосходит другие по силе и универсальности. Это особые стимулы для религиозных эмоций. Их всего пять:

1. Сновидение и связанные с ним условия.
2. Понимание Жизни и Смерти, из которого возникает понятие Души.
3. Восприятие Света и Тьмы.
4. Наблюдение за Экстраординарными Проявлениями Силы.
5. Впечатление Необъятности.

1. Строка Лукреция утверждает, что “мечты людей населили небеса богами”. У нас есть право ответить, что если только сны дают нам богов, то почему они отсутствуют в жизни собак, которые являются яркими мечтателями?

Несомненно, однако, что у всех диких племен сновидения считаются частью жизненного опыта. Для первобытного человека они реальны: он видит и слышит в них так же, как в часы бодрствования; он не проводит различия между субъективным созданием клеток своего мозга и объективным существованием.

В том, что они отличаются от повседневной жизни, они божественны. Они открывают будущее и призывают отсутствующих. Нам сказали, что камчатканцы собираются вместе каждое утро, чтобы рассказать свои сны и угадать их толкование. Об эскимосах говорится, что их повседневная жизнь “в значительной степени определяется их мечтами”. Бразильские бороро воспринимают сон настолько буквально, что целая деревня бросается наутек и ищет отдаленное место, если кому-то снится приближение врага.[\[55\]](#)

Физиологический характер сновидений легко объясняет то суеверное внимание, которым они пользовались во все века и у всех народов. Отсутствие внешних впечатлений во время сна способствует переходу бессознательных умственных действий в сознание. В них память часто более активна, чем при бодрствовании; наша личность кажется раздвоенной, потому что у нее больше нет воли реагировать на возникающее множество разнообразных впечатлений. Эмоции во сне возбудимы, и как страх, так и радость часто более интенсивны, чем при бодрствовании. Добавьте к этому, что многие люди, особенно с нервным темпераментом, подвержены особенно ярким иллюзиям в моменты между бодрствованием и сном, которые, по-видимому, относятся как к первым, так и ко вторым состояниям,[\[56\]](#) и у нас есть достаточно оснований для той роли, которую они играют в примитивных религиях.

Есть основания полагать, что мечты более примитивных рас более яркие, чем наши собственные, больше похожие на картинки и реальность.[57] Они, конечно, не проводят столь резкую грань между видами и звуками сна и бодрствования, как это делаем мы. Широко открытыми глазами они видят призраков и привидения, которые небезызвестны, но становятся все реже в цивилизованных странах. Эти видения наяву усердно культивируются и становятся, как я уже сказал, главной связью между человеком и божеством.[58]

Не только пост, уединение и напряженное ожидание, сосредоточенное на ожидаемом откровении, воплощают его в реальность, но почти в каждом дикарском племени мы находим знание наркотических растений, которые использовались для вызывания странных и ярких галлюцинаций или сновидений. У негров Нигера была своя “фетишная вода”, у индейцев Крик во Флориде - свой “черный напиток” для этой цели. Во многих частях Соединенных Штатов местные жители курили страмониум, мексиканские племена глотали *пейотль* и змеиное растение, племена Калифорнии и самоеды Сибири нашли ядовитую поганку; и все это для того, чтобы приблизиться к Божественному и вызвать экстатические видения.[59] Какими бы ни были применяемые средства, их цель везде была одинаковой и была направлена в первую очередь и по существу на возбуждение религиозных эмоций, на обеспечение раскрытия воли богов.

Так получилось, что вся жизнь, наяву и во сне, приобрела мечтательный, нереальный характер. Путешественник Спикс говорит о лесных племенах Бразилии, что они, кажется, никогда полностью не просыпаются; а военная песня пауни начинается с обращения к богам с просьбой решить, является ли сама эта жизнь чем-то иным, кроме сна.[60]

Древние мексиканцы разработали доктрину о том, что эта жизнь - сон, а смерть - это пробуждение, переход в состояние жизни. Они говорили о смерти как о появлении зари и приближении света. Это тесно связано с доктриной *майи*, или нереальности двойственности субъекта и объекта, которая “является самой жизнью примитивной [восточно] индийской философии”.[61]

Очевидно влияние, которое такая точка зрения должна была оказать на религиозную мысль нации.

2. Некоторые философы обсуждали вопрос о том, предшествует ли идея Жизни в человеческом сознании идее Смерти. Если бы они изучили верования первобытных народов, их сомнения рассеялись бы. Дикарь не знает смерти как естественного явления. В его языке нет слова, означающего “умереть”, а только “быть убитым”. Болезнь - это невидимая стрела или работа злобного колдуна. Для него все живое и пребывает вечно. Каждая птица, каждый куст, каждый камень имеют свой собственный жизненный принцип. По причине сознания своего собственного живого “Я” он приписывает жизнь всему вокруг себя, но в более высокой степени и какого-то более редкого качества тем существам, которые он считает своими божествами. Его бог - в высшей степени живой бог, источник Жизни, ее создатель, хранитель и опора.

Если мы попытаемся разгадать тайный смысл, скрытый за двумя словами, которые во всей Полинезии в самом общем смысле выражали концепцию Божественного, - *ио* и *атуа*, - мы обнаружим, что в обоих оно является “центральной причиной или сущностью Жизни”.[62] Итак, у индейцев Мичоакана эпитетом главной богини их культа было “Поддерживающая жизнь”;

высшим божеством ацтеков был тонакатектли, “Бог нашей жизни”; а у племен маскоги Его звали “Повелитель жизни”.

Я говорю, что разум первобытного человека был настолько полон видением всеобщей и бессмертной жизни, что для него не существовало такого понятия, как смерть. Факт, действительно, оставался фактом. Дерево было сморщено молнией, животное пало от стрелы, сам человек испустил свой последний вздох и лежал неподвижной массой. Любимое дитя, герой-воин, ушел из поля зрения в невидимое запредельное.

Но не навсегда! Нет! Они кружили вокруг знакомого места, они посещали живых во снах, их голоса были слышны в шелесте листьев и падении воды. Не только люди, но и все живое ожило снова. В мифологии витийцев есть рай даже для кокосовых орехов! Для камчатцев самые маленькие мухи обладают бессмертной душой.[\[63\]](#)

Это учение о душах, источник тех бесчисленных верований и обрядов, которые сосредоточены вокруг гробницы, настолько торжественных, настолько глубоко значимых, что многие авторы утверждали, что “религия зародилась, когда живые серьезно задумались о мертвых”; что “все религии сформировались вокруг могилы”; и что в умиловлении усопших душ, в поклонении духам предков и в подготовке в этой жизни к другой, загробной, заключена вся цель и сущность религии.[\[64\]](#)

Я уже говорил, что это поспешное утверждение, поскольку существуют религии, которые признают душу едва ли или вообще не признают ее; но они не носят примитивного характера.[\[65\]](#) В последнем случае некоторые подобные верования повсеместно проявляются либо обращением с трупом, либо способами оплакивания умерших, либо мифами, касающимися жизни и поступков усопших.

Обычно считается, что душ несколько, и человеку приписаны две, три или четыре. Один или несколько из них могут погибнуть вместе с телом или вскоре после этого; но один, по крайней мере, живет неопределенно долго и заботится о деяниях тех, кого он оставил после себя при жизни. Его способность творить добро и зло возрастает при его перемещении в другую сферу существования; и заручиться его помощью или, по крайней мере, его нейтралитетом - вот цель того культа ушедших душ и духов предков, который так широко распространен в первобытных условиях.

Они не идентичны, и мы обнаруживаем, что во многих племенах, где поклонение предкам неизвестно, большое внимание уделяется умиротворению душ умерших. На самом деле, первое является более старым и общим правилом. Цель состоит в том, чтобы избавиться от души, упокоить ее или отправить в путешествие в лучшую страну, иначе это будет раздражать выживших.[\[66\]](#)

Таким образом, во многих первобытных племенах почти не существует страха смерти. Душа покидает тело во сне, чтобы странствовать по земле, и единственное отличие смерти в том, что она не возвращается вовремя. Более того, душа живого может посещать царство мертвых. Команчи знали людей, которые провели два дня, глядя на белые палатки лагеря душ далеко на западе под заходящим солнцем; а матери зуни, потерявшие своих маленьких любимцев, примираются, погружаясь в глубокий сон, во время которого они отправляются и видят их в

мистическом мире за пределами. Так же верят австралийцы и бесчисленные другие племена.[67]

Нам не нужно искать какой-либо определенности в утверждении относительно того, что такое душа. У многих племен слово, обозначающее это, сродни слову, обозначающему дыхание, как в нашем собственном выражении “дыхание жизни”. Часто это отождествляется с тенью, как у африканских зулусов и эскимосов, алгонкинов и кишей Америки. Другие, как минкопи (Андаманские острова), думают, что видят это в отражении тела в стоячей воде или зеркале. Австралийцы утверждают, что это туман, дымка или т.д.

Эти идеи, конечно, материальны. Они приписывают душе желания, аналогичные желаниям телесного человека. Оно желает иметь жилище, нуждается в пище, принимает видимые формы и тому подобное; но также оно наделено способностями, превосходящими те, которыми оно обладало во плоти, и они могут быть направлены на благо или во вред выжившим. Поэтому его желания должны быть удовлетворены, а его нрав умиротворен подношениями и соответствующими похоронными обрядами.[68]

3. Теперь я обращаюсь к восприятию первобытного человека, к контрасту впечатлений, воздействующих на его органы чувств, более сильному, я полагаю, чем даже неизмеримый контраст Жизни и Смерти. Это Свет и Тьма. Это универсальное, постоянно повторяющееся изменение в природе контролировало все его действия и действовало как мощный стимул на его религиозные эмоции. Я почти готов подписаться под выражением немецкого писателя о том, что “поклонение Свету было основой всей религии”.[69] Грубые литании язычества во всем мире, кажется, сливаются с торжественным пением Евангелиста— “Бог есть Свет, и в Нем совсем нет тьмы”.

Мы можем начать с австралийских чернокожих, которые утверждали, что высшее божество обитает *вкелади*, вечном сиянии, высоко в небе. Его зовут *Байаме*, что означает “создатель” или “вырезающий”, подобно тому, как человек вырезает узоры из кожи. Он видит и знает все.[70]

На большей части территории полинезии главным божеством был Ка-не, что означает солнечный свет, противоположность тьме, и связано с глаголом *капеа*, видеть. Другое имя Ка-не - Тангалоа, владыка света. Красный цвет для него священен, его изображали с длинными светлыми волосами, а дети со светлыми волосами или альбиносы считались его потомством. Когда светлокожие европейцы впервые высадились на островах, их называли “детьми Тангалоа”.[71]

Иногда мифы представляют Тангалоа как сына Ватеа (Аватеа, Вакеа), “полудня” или “полуденного дня”. Он был отцом богов и людей, наполовину человеком, наполовину рыбой, олицетворявшей сушу и воду, и о нем говорили, что его правый глаз был солнцем, а левый - луной. Он был так далек, что ему никогда не поклонялись и не изображали его.[72]

Если мы обратимся к чрезвычайно диким обитателям Андаманских островов, остаткам древней, почти пигмейской, черной расы Южной Азии, мы обнаружим, что их высшим существом является Пулуга, творец всего сущего, который никогда не рождался и никогда не умрет. Он невидим, но имеет природу света; он живет на небе и поместил там солнце и луну. Он всеведущ, но только пока есть день, когда он может видеть.[73]

Как красные лучи утреннего и вечернего света сделали в Полинезии все красное священным для Тангалоя, так и у готтентотов Южной Африки их верховное существо носило имя Цуни Гоаб, красный свет Зари, который в мифологии противостоял Гаунаху, Темному Небу.[74]

Это поклонение свету имеет несколько постоянных ассоциаций в религиозной мысли, которые находят выражение в мифах и культах.

В природе свет является мощным стимулом органического роста, и этот факт, смутно осознаваемый примитивным умом, привел к отождествлению Света и Жизни. Свет как жизненный принцип встречается в большинстве мифологий. Поскольку мы искусственно получаем свет от огня, общее тепло которого также сродни теплоте живого в отличие от мертвого тела, душа, или живой элемент, была связана с пламенем. В древнегерманской мифологии душу называли факелом или свечой (Дж. Гримм), а в верованиях полинезийцев и американских индейцев призраки умерших обычно появляются в виде светящихся масс.[75] Все будут помнить слова Отелло—

“Погаси свет, а потом... погаси свет!”

Вторая ассоциация света была связана с небом, днем - домом яркого солнца, ночью - местом, где сверкают тысячи ярких точек.

В большинстве мифологий предполагается, что небо представляет собой прочную сияющую арку или купол, который покрывает землю подобно крыше. На нем, вне поля зрения смертных, живут боги. Он представляет собой “Небесный холм”, небесную гору, на которой находятся жилища божественных существ. Поэтому его часто сравнивают с каким-нибудь известным земным возвышением, например, с горой Олимп в греческой мифологии, а в индийской - с горой Меру. Такие священные холмы упоминаются большинством американских племен.[76] В полинезийском мифе это была “голубая гора, страна божественной воды”, жидкости такой жизненной силы, что если бы ею окропили даже мертвеца, он бы ожил. На острове Мангаиа был указан некий холм, который в старину подпирал небо.[77]

Патагонские техуэльчи рассказывают, что Творец сначала создал людей и всех животных на “Холме Бога”, а затем выпустил их на волю, чтобы они населяли землю. Уроженцы Южного Борнео приписывают своему верховному божеству Атале жилище на самых высоких небесах, на берегу “небесного озера, движимого Луной и окружающего Солнце”. Хоми, высокое небо, - божество готтентотов, которое проливает дожди, дует ветер и насыщает на землю жару и холод.[78]

Таким образом, Бог Неба повсюду является также Высшим Богом. Это смешение идей жизни и света с небом привело к другой очевидной ассоциации, которая наложила свой отпечаток на каждую религию, примитивную или развитую. Небо, по направлению, находится над нами. Следовательно, бог неба - это бог на высоте. Он - тот, кто пребывает наверху, наш господин на небесах.

Таким он является во всех мифологиях. Среди индейцев равнин он (или Оно) является “великим лекарством *над*”, и на языке жестов, чтобы указать на это, когда делается знак “лекарство”

(тайна), палец направлен в зенит.[79] Андаманский пулуга “живет в небе”. К Тангалоа обращаются как к “Тому, Кто наверху, в небесах”; финское укко также называют “Пуп Неба” и так далее.[80]

Примеров неисчислимо множество. Но зачем их собирать? Разве мы сами не используем постоянно прилагательное "*Высшее* существо" для обозначения Бога, что означает просто высшее существо? И разве основатель нашей религии не запрещал своим последователям клясться небом, мотивируя это тем, что это был престол Бога, восседающего на нем?[81]

Эта идея проходит через все его учение. В Евангелии от Матфея тот же срок, οὐρανός, или, ἐν τοῖς οὐρανόις как описательный термин богословия, применяется не менее восьмидесяти восьми раз; и в первом пункте Молитвы Господней, это “Отец наш в небесах”, что вызов адресован.

Странно, что именно это слово _WBR_ ἰ ρανός на санскрите “Уаруна” в первобытной религии арийских народов применялось к самому возвышенному из их богов, к тому, “чье царство выше нас”, “очень сильному”, “сияющему”, “царю неба и земли”, “создателю всего, окутывающему землю небу”.[82]

Какого еще более поразительного свидетельства нерасторжимого единства религиозной мысли, независимо от стадии ее развития, во все века и у всех народов, мы хотели бы?

В полинезийской мифологии Тангалоа, яркий дневной свет, имеет своим братом Ронго, бога тьмы и ночи. Тангалоа светловолосый и светлого оттенка, Ронго с черными волосами и кожей. Тангалоа - благодетель, распространитель добра и изобретатель искусства мира; Ронго - разжигатель раздоров, бог войны и инициатор кровопролития. В соответствии с ними все боги были разделены на два разряда: “обитатели дня” и “обитатели ночи”.[83]

Представленный здесь контраст преобладает во всех ранних культах. Ночь, когда человек, лишенный света и зрения, становится добычей крадущихся зверей, повсеместно считалась временем, когда невидимые разрушительные силы высвобождаются и злонамеренные силы мира духов буйствуют.

Это одно из самых примитивных религиозных верований, встречающееся у самых грубых племен. Яганы Огненной Земли говорят, что невидимые духи бродят по ночам; австралийские племена повсюду проявляли глубокий страх перед темнотой, не похожий на бессознательную дрожь ребенка, входящего в темную комнату, а потому, что они верили, что духи бродят во мраке в поисках того, кого они могли бы сожрать. Именно тогда, говорили они, появляется Кучи (Кутче) либо в виде змеи, либо в виде какой-нибудь ночной птицы. Именно Он вызывает болезни среди людей. Гром - это рычание его гнева, вихри - его дыхание, а северное сияние - прерывистый свет его походного костра.[84]

С мраком ночи ассоциировалась тьма бури, которая во многих мифологиях противопоставляется солнечному свету в какой-то божественной борьбе. Бесконечны рассказы и обряды, связанные с этим состязанием в ранних религиях. Действительно, по мнению некоторых, они являются основным элементом всех мифологий.[85]

4. Я уже упоминал, что идея Власти - одна из первых, связанных с божеством. Бог - это тот, кто может сделать больше, чем человек. Особенно любое внезапное и поразительное проявление силы, будь то в материальном или нематериальном мире, стимулирует религиозное чувство. Историк Бакл утверждал, что жители стран, подверженных землетрясениям, особенно суеверны. В мифах и названиях тропические ураганы, штормовые ветры более высоких широт, да и вообще все внезапные и чудовищные вспышки стихийного бедствия рассматриваются как проявления божественной Силы.

Примечательно, что это относится к грозе. Это проявление огромной силы возбудило религиозные чувства всех рас. Более того, сильно заряженная электрическая атмосфера оказывает особое влияние на нервную систему, предрасполагая ее к эмоциональным вспышкам. Раскаты и эхо грома, зигзагообразная вспышка и разрушительный удар молнии, а также рев бури в совокупности представляют это явление как явное проявление сверхъестественной силы. Следовательно, у бесчисленных племен бог грома отождествлялся с высшим в Пантеоне или былравным ему.[86] То же самое верно для мощных и принудительных ментальных черт. Их обладатели считаются причастными к божественному существу в большей степени, чем другие, или даже фактически божественными. Дело не только в том, что они возбуждают эмоцию страха. Это поверхностная интерпретация психического процесса. В основе этого лежит более глубокое внушение энергии, действия, духовного господства над материальным существованием. Это столь же реально, хотя и не столь ясно, в сознании дикаря, как и в сознании философа.

Это также видно по именам и титулам, применяемым к концепции Божественности всеми народами. Они говорят о Боге “Всемогущем”, “Всемогущем Правителе”; и всегда атрибут неограниченной власти принадлежит великим богам.

В ранних религиях проявления силы персонифицировались в виде отдельных божеств. Таким образом, в мифах коренных американцев мы находим образы Хуракана, урагана; Уэмака, Сильной Руки, бога землетрясений и бесчисленных богов грома, молнии и шторма.

5. Один немецкий историк заметил, что наиболее богатое развитие ранней поэзии было обнаружено у племен, обитавших у океана или среди гор; а другой автор утверждал, что наиболее быстрое развитие религий имело место там, где широкие просторы пустынь или морей побуждали разум к созерцанию космических масштабов на земле и в небе.[87]

Языки первобытных народов несут следы этого. На языке ацтеков любая широкая равнинная прерия называется *теотлалли*, божественная страна; а океан - *теоатль*, божественная вода; у перуанцев термин *уака*, священный, является синонимом слова “обширный” или “необъятный”. У полинезийцев *таула*, океанское пространство, является обителью богов и куда души отправляются после смерти. Путешественник Кастрен однажды стоял на берегу Северного Ледовитого океана с самоедом. Повернувшись к туземцу, он спросил: “Где Нум?” (их главный бог). “Там”, - немедленно ответил самоед, махнув рукой туда, где “маячило темное широкое море”. [88]

Во многих культах эту идею пытаются выразить, приписывая божествам огромные размеры. Колоссальные каменные изваяния острова Пасхи, огромные статуи маори - это попытка представить его чувствам.

В более развитых религиях преобладает та же тенденция. Буддисты соперничают друг с другом в сооружении огромных статуй Сакья Муни; в санскритских Упанишадах Адити, представляющая бесконечное видимое пространство, названа “матерью и отцом всех богов и людей, субстанцией всего, что было или родится”[89]; и, согласно некоторым мусульманским авторам, Бог настолько здорово, что это 72 000 дней пути между его глазами!

Таковы некоторые из мощных стимулов, которые будоражат глубины психической природы человека, пробуждая в нем веру в неизвестные силы, далеко превосходящие его способность измерить или справиться с ними. Эта вера рождается не из какого-либо сознательного акта интеллекта, не из какого-либо процесса добровольного рассуждения, а из неизвестного, из неизведанной бездны подсознательного разума.

Пусть это не рассматривается как нечто унижающее достоинство самих религиозных концепций. Хотя все они взяты из самого человеческого духа и не являются прямыми откровениями, какими их считают верующие, все же кто осмелится измерить высоту и глубину подсознательного разума? Он черпает свои знания из источников, которые ускользают от научного исследования, из странных способностей, которые мы наблюдаем у насекомых и других низших животных, почти, но не полностью, уничтоженных в линии органического происхождения человека; и из других, ныне только зарождающихся или эмбриональных, новых чувств, которым суждено в некой далекой эпохе наделить наше потомство способностями, столь же удивительными для нас, какими было бы зрение для незрячих.

Более того: учения самой строгой науки говорят нам, что Материя, в конечном счете, является Движением, и это движение есть не что иное, как Разум[90]; и кто осмелится отрицать, что в своих бессознательных функциях наш разум может улавливать некоторые обертоны из гармоний Вселенского Разума, продемонстрированных таким образом индуктивным исследованием, и вибрировать с ними в унисон?

ЛЕКЦИЯ III.

Примитивное религиозное выражение: в слове.

Содержание:—Отголосок мифа—Сила слов—Их магическая мощь—Проклятие-Сила, Независимая от значения—Имя как атрибут-Священные имена—Невыразимое имя—“Мирионимные” Боги—“Теофорные” имена—Внушение и повторение как стимуляторы—I. Словок богам: Молитва — ее формы, содержание и цели —II. Слово *от* богов: Закон и пророчество—Церемониальный закон, или *табу*—Примеры-Гадание и предсказание—III. Слово *о* богах: Мифы—Их Источники в основном психические—Некоторые из языковых—Примеры—Перенос—Сходства—Универсальные мифические циклы: 1. Космические концепции; 2. Священные числа; 3. Драма Вселенной; Мифы о Сотворении Мира и Потопе; 4.

Земной рай; 5. Конфликт природы; 6. Возвращающийся Спаситель; 7. Путешествие Души—
Заключение относительно этих идентичностей.

Есть приятный миф, рассказанный жителями острова Мангаиа в Южной части Тихого океана. Когда Создатель всего сущего приказал твердой земле подняться из первозданных вод, он вышел из дома, чтобы оценить свою работу. “Это хорошо”, - сказал он вслух самому себе. “Хорошо”, - ответило эхо с соседнего холма. “Что?” - воскликнул Создатель. “Кто-то уже здесь? Разве я не первый?” “Я первый”, - ответило эхо. Поэтому мангайцы утверждают, что самым ранним из всех существований является бестелесный Голос.^[91] Это их способ сказать: “В начале было Слово”.

Мы можем назвать это не только первым, но и самым могущественным из невидимых факторов, формирующих человека и его судьбы.

“Власть над людьми, ” замечает граф Толстой в одном из своих эссе, “ заключается не в материальной силе, а в мысли и ее ясном выражении”. Дизраэли, этот тончайший из дипломатов, однажды сказал: “Мы управляем людьми с помощью... слов”.

Никакая идея не может быть ясно передана другому, если нет слова для ее выражения. Внутренняя мысль и внешнее высказывание являются взаимосвязанными условиями интеллектуального развития. Произнесенное слово вызывает в сознании слушателя картину, эмоцию, рассуждение, которые занимают нас самих. Тысячи умов мгновенно приходят к одной и той же мысли из-за слов, произнесенных одним человеком. Я не могу переоценить мгновенный и магический эффект этого слова.

Он не только передает новую мысль в разум, но и сам является зачинателем мысли. Это посеянное семя, которое растет и разветвляется, принося цветы и плоды, прекрасные и вечные, или вредные и разрушительные.

Благодаря способности говорить становится возможной социальная жизнь; от нее зависит сладостный обмен душами; благодаря ей мы начинаем мыслить в унисон; благодаря ей мы разделяем размышления философа и вдохновенные видения поэта и пророка.

Если и есть какой-либо способ, которым духи неба, воинства Божественного, могут коснуться наших душ и научить их, то это должно быть главным образом через устное слово.

Каждая религия мира свидетельствует об этом. В них нет другого элемента, к которому все присоединились бы с таким единодушием. От самых грубых до самых зрелых они перекликаются со стихом философа-евангелиста, когда он писал: “В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог”.

Высшее учение всех них выражено в формуле: “И было слово Господне, говорящее...”

Мы можем вернуться к самым ранним формам древнеегипетской религии и найти учение о том, что человек, который выучил и мог произносить божественные слова, открытые через бога Тота (Мысль, Разум), посредством их произнесения был бы возвышен до бога и был бы слит с ним как единый и неразделимый. “Основной идеей, касающейся ритуальных формул, было уподобление Богу, вызванное силой самих слов”.^[92]

Вероятно, во всех примитивных религиях слово само по себе считается магической силой. В Египте верили, что с помощью слов самого могущественного из богов можно подчинить воле человека. С их помощью, как с помощью экзорцизма или заклинаний повсюду, демоны могли быть освобождены или связаны, а духи вызваны из необъятных глубин. Ремесло индийского знахаря - это главным образом его запас экзорцизмов, и среди гор Северо-Западной Индии любой может стать священником, который выучит формулы, вызывающие демонов.[93]

Наше слово “очарование” происходит от латинского *carmen*, священной ритмической формулы, которая, по утверждению Вергилия, могла своей оккультной силой стащить луну с неба.

“Carmina vel cælo possunt deducere lunam.”

Среди австралийских негров были такие песни, едва ли менее могущественные, которые могли вызывать дождь в засухливые сезоны или прекращать его во время наводнений.[94]

Ни один демон, каким бы злобным он ни был, не может устоять, по их вере, перед силой правильного слова. Уроженцы Нового Южного Уэльса говорят, что злой дух в виде карлика с чудовищной головой бродит по ночам по лесам и пожирает тех, кого встречает. Но если человек произносит слово “Бунболонг”, гном проходит своей дорогой и не причиняет ему вреда.[95]

Когда Иисус был в Капернауме и по его приказу нечистый дух вышел из одержимого человека, толпа говорила друг другу: τίς ἐστὶ οὗτος λόγος: “Что это за Слово, властью и могуществом которого этот человек изгоняет бесов?” (Луки iv., 36.) Они верили, что он использовал какую-то каббалистическую формулу экзорцизма, которая заставляла демонов подчиняться его воле.

Нигде это Слово не проявляло своего ужасного действия так устрашающе, как в проклятии. В древней Ассирии, пишет профессор Сэйс, “Сила *мамита*, или проклятия, была такова, что сами боги не могли его нарушить”. [96] Оно не только высвободило демонов разрушения, но и сковало богов против их воли, превратив их из защитников во врагов.[97]

Среди диких племен, в несомненных и повторяющихся случаях, проклятие убивает так же верно, как нож. У западных индейцев нашей страны, когда знахарь “собирает свое лекарство”, то есть поднимается на полную высоту вдохновенной воли и произносит уничтожающее проклятие своему противнику, приказывая ему умереть, последний знает, что вся надежда потеряна. Иногда он падает замертво на месте или, в лучшем случае, переживает несколько дней страданий.[98] Австралийцы верят, что проклятие могущественного мага убьет на расстоянии ста миль.[99]

Таким образом, слово не только обладает могуществом в невидимом мире, но и само является источником и проводником самой божественной силы.

Таким образом, в драме творения, описанной в первой главе книги Бытия, мы читаем: “И сказал Бог: “Свет, будь”, и свет был”; а в соответствующем мифе индейцев киче из Центральной Америки создатель мира восклицает: “Улеу!” Земля! и при этом слове выросла твердая земля.[100]

Сэр Джордж Грей рассказывает историю о том, что в Новой Зеландии была огромная резная деревянная голова, которая могла говорить и ужасающей мощью своих слов убивала всех, кто к

ней приближался. Но когда с помощью высшей магии его голос понизился до шепота, его сила иссякла, и он был уничтожен.[\[101\]](#)

Следует отметить, что магическое влияние этого слова *не зависит от его значения*. Его эффективность явно приписывается *не* идее, образу или истине, которые он передает. Напротив, самые могущественные из всех слов - это те, которые вообще не имеют значения или смысл которых был утрачен.

Это постоянно прослеживается в формулах диких племен. Они сохраняют архаизмы языка, которые больше не понятны тем, кто их произносит, а в других случаях они, очевидно, состоят из слогов, соединенных вместе без учета разборчивости.

Тот же факт в изобилии проявляется в каббалистическом жаргоне классических и средневековых прорицателей, а также в заклинаниях, взятых из современных народных преданий. Действительно, знаменитый каббалист Пико де Мирандола утверждает, что слово, не имеющее значения, оказывает наибольшее влияние на демонов.

Таким образом, могут быть непонятны не только одно или несколько слов, но и длительные сообщения в виде членораздельных звуков, не передающих никакой мысли. Это и есть “дар языков”, способность говорить на неизвестных языках.

Это обычное явление в жизни дикарей. Многие важные песнопения на священных церемониях представляют собой простое повторение бессмысленных слогов. Идея, по-видимому, состоит в том, что то, чего не могут понять люди, делают боги; или же, что это бог, выражающий себя через человеческие органы, но на речи, неизвестной человеческому уху. Епископ Галлоуэй говорит, что песни-обереги зулусов часто совершенно непонятны сами по себе[\[102\]](#); и это один из многих примеров.

Из всех слов самым священным является Имя. В первобытном мышлении личное имя человека было не просто атрибутом, это неотъемлемая часть его Личности, его Эго. Эскимосы говорят, что человек состоит из трех частей: его тела, его души и его имени, и только последнее из них достигает бессмертия. Это кажется очень продвинутым. Большинство наших честолобивых людей, похоже, больше думают о том, чтобы сделать свои имена достойными бессмертия, чем свои души. Как правило, это имя ассоциировалось с личным духом-хранителем, производным от него или указывающим на него, и, следовательно, получало церемониальную святость.[\[103\]](#)

Как часть самого себя, оскорбление или оскорбление, нанесенное имени, отражалось на человеке, который его носил, и даже жизнь могла быть разрушена таким образом.

По этой причине по всей Америке туземцы редко раскрывали свои настоящие названия, но обозначались прозвищами. В Австралии некоторые племена были настолько осторожны, что молодые люди, вступая во взрослую жизнь, отказывались от имен, под которыми они были известны, и не принимали никаких других; в то время как женщина действительно сохраняла свое имя, но никто, кроме ее мужа, не имел права произносить его.[\[104\]](#) Даяки после приступа болезни принимают благоразумные меры предосторожности и меняют свои имена; чтобы демон, наставший болезнь, не узнал их и продолжил свое злонамеренное преследование.[\[105\]](#)

В Полинезии, где это имя не скрывалось таким образом, оно могло применяться, согласно церемониальному закону, только к человеку, хотя обычно это было нарицательное. Отсюда возник любопытный обычай, называемый *тепи*. Все слова, составлявшие часть имени вождя, и все слоги других слов, имевших похожее звучание, были изъяты из языка и заменены другими при его жизни. Таким образом, сорок или пятьдесят самых распространенных терминов этого языка сразу же вышли бы из употребления, и еще столько же были бы существенно изменены в звучании, к большому неудовольствию миссионеров и посетителей.^[106]

Камчатканцы были настолько разборчивы, что не стали называть медведя или волка по имени, поскольку эти животные понимали язык людей и были бы оскорблены такой фамильярностью!^[107]

Даже если оно не слышит, сила добра или зла, которой обладает существо, может, по примитивному мнению, быть передана через его имя. По этой причине священник, известный среди римлян как *flamen dialis*, не только избегал прикасаться к собаке или медведю, но и не произносил их имен, чтобы не оскверниться! И по сей день мусульманин, если он произносит слово, обозначающее “свинью”, сплевывает, чтобы его рот не был осквернен именем нечистого животного.

Еще более повсеместным было избегание упоминания имен умерших. Это преобладало по всей Африке, Австралии, Тасмании, Полинезии и Америке. Причина заключалась в том, что считалось, что это имя является частью духа усопшего, и произнесение его нарушило бы покой могилы и, вероятно, действительно привело бы встревоженный дух в круг слушателей.^[108]

Если так обстояло дело с именами людей и животных, то какими священными должны быть имена богов!

Это необычная черта, общая для самых грубых суеверий дикарей и наиболее развитых верований цивилизованных стран, и в ее основе лежит представление об имени как о реальном атрибуте, части Личности.

“Во всех религиях древней Азии, - пишет Ленорман, - таинственное Имя считалось реальным и божественным существом, обладавшим личным существованием и исключительной властью как над природой, так и над миром духов”.^[109]

В этом имени заключена основная сила божества. Египетская магическая формула, вложенная в уста бога, гласит:

“Я избранный на миллионы лет.

Если бы мое имя было произнесено на берегу реки, оно было бы уничтожено;

Если бы это было произнесено на земле, из-под земли вырвался бы огонь”.^[110]

Знание этого имени другим позволило ему проявить власть над самим богом. То, что, дав имя демону, его можно заставить появиться, было кардинальным принципом древней магии.

“Список божественных имен, которым обладали римские понтифики в их *индигитаменте*, был

их самым эффективным магическим инструментом, отдававшим на их милость все силы мира духов”.[111]

По этой причине боги древнего Египта старательно скрывали свои имена, и мы не можем сомневаться, что именно страх перед каким-либо подобным подчинением их божества из-за злонамеренного использования его имени побудил ранних евреев скрывать его так хорошо, что сейчас оно утрачено. То же самое было и с арабами-семитами. Вместо истинного божественного имени они заменили его Аллахом, Могуущественным, так что теперь оригинал является предположительным или неизвестным.

Это распространяется и на самые грубые племена. Африканский путешественник Голуб говорит, что настоящее имя бога маруце и союзных племен вдоль реки Замбези - Ньямбе; но, чтобы не раскрывать этого, они используют термин молемо, “Тот, кто наверху”. Среди племен юго-восточной Австралии их главным божеством является Туррамулун (Одноногий), который живет на небе. Его имя никогда не раскрывается ни женщинам, ни юношам до их посвящения в мужчины.[112]

Индейцы чокто считали имя своего высшего божества самосущим, существенным и невыразимым. Поэтому, когда было необходимо обратиться к нему, они прибегали к околичностям, ибо, как говорит их историк, “согласно их установившемуся стандарту речи, если бы они хоть немного приблизились к любимому Имени, это было бы расценено как профанация”.[113]

Насколько полно это представление сохранилось среди нас, показывает вторая фраза той молитвы, на которой мы все воспитаны: “Да святится Имя Твое”. Но как мало тех, кто повторяет это, задумываются о том, что упомянутое имя, каким бы оно ни было, теперь из-за долгого сокрытия полностью утрачено!

Таким образом, мы видим, что доктрина “невыразимого имени” является общим достоянием диких и культурных религий.

Из неправильного использования имени, чтобы заставить бога повиноваться или принизить его достоинство, возникла идея ненормативной лексики, строго запрещенная ранним еврейским законом — “Не произноси имени Господа всуе” — и многими другими примитивными верованиями.

Вполне согласуясь с этой идеей реального существования в именах, бог, у которого было много имен, обладал точно таким же количеством сил или способностей. По этой причине выдающихся богов древнего Египта, особенно Исиду, называли таким количеством эпитетов, что греки говорили о них как о “мирионных”, с десятью тысячами имен. В более поздние вавилонские времена все имена пятидесяти великих богов были приписаны Аа, и в результате этого процесса они сами были поглощены его существом. “Когда они потеряли свои имена, они потеряли и свою индивидуальность”. [114] Для мусульманина “Сто имен Бога”, повторяемых в Коране, выражают множество Его сил.

Та же тенденция прослеживается и в коренных религиях Америки. Мексиканцы давали много имен одному и тому же божеству, и в *Пополь Вух*, священной книге кишей, главное божество названо множеством титулов, некоторые из которых звучат для нас странно, например “охотник на опоссумов”, “зеленый змей”, “калебаш”, и все они имеют символический смысл.[115]

В Южных морях имя бога, принятое вождем, отождествляло его в глазах народа с богом и обеспечивало ему почтение, приписываемое его божественному тезке.[116]

Именно эта идея во многих ранних и более поздних религиях привела к появлению так называемых “теофорных” или богоносных имен, когда человека называют собственным именем святого или бога. Они были особенно часты в ранних семитских религиях и сегодня обычны среди католиков.[117]

Мы находим их происхождение в обычае, очень распространенном среди американских индейцев, согласно которому человек принимает имя духа, который является ему во время бдений и постов, сопровождающих церемонии посвящения в мужчины. Считается, что, принимая имя божества, две природы или сущности объединяются. Точно такого же мнения придерживались и ранние христиане, как мы видим из высказывания святого Ефрема, сирийского святого четвертого века: “Милостив был Господь в том, что Он облекся в наши Имена. Его имена делают нас великими; наши имена делают Его маленьким”.[118]

Если мы попытаемся найти объяснение этой странной силы, приписываемой словам и именам, часто помимо их значения, мы обнаружим ее в их чрезвычайной активности как агентов ментального внушения. Они являются сильными психическими стимуляторами, будоражащими душу до самых глубин. Слово, несомненно, является наиболее эффективным из всех средств, вызывающих измененные и ненормальные психические состояния как у отдельного человека, так и у массы. С его помощью, при разумном применении, по желанию можно вызвать глубочайший гипнотический транс или самые дикие, маниакальные нервные припадки.[119]

Повторение слова значительно усиливает его суггестивное воздействие и способствует исключению из сознания всех других концепций и ассоциаций, кроме его собственных. Во многих языках повторяемое слово эквивалентно превосходной степени, и на каждом языке повторение имеет аналогичный эффект, как во фразе: “Свят, свят, свят Господь Бог Саваоф”.

Никакие слова в этом отношении не являются более эффективными, чем имена. Подумайте, какой была бы наша собственная жизнь, если бы нам приходилось каждый год менять свои имена, как это, казалось бы, стирало нашу индивидуальность, как это развеяло бы все мечты о посмертной славе. Наше самосознание пострадало бы от уменьшения, и самый острый интерес к нашей жизни был бы утрачен. Наше имя действительно является частью нас самих, и тот, кто лишит нас его, оставит нас действительно бедными. Почему каждая точка зрения увешана именами неизвестных туристов, почему нам доставляет удовольствие отмечать свои имена среди сотен на каком—нибудь грандиозном мероприятии, но мы считаем более желательным жить “голыми номинациями, без пустыни или благородных деяний”, как сказал сэр Томас Браун, чем уйти и не оставить того немногого, что римский поэт считал наименьшим, - *nominis umbra*, “тень имени”.

Для практических целей жизни имя присваивает или создает личность. Этот факт оказал глубокое влияние на раннее развитие религии. Смутное ощущение духовной силы впервые сосредоточилось в идее индивидуума, личного бога, когда оно получило название.

Примитивные слова варварских языков, используемые для обозначения божественного, не имеют значения индивидуальности. *Вакан*, *махоп*, *манито*, *теотль*, *хуака*, *ку*- это такие слова из американских языков, ни одно из которых не передает понятие личности. Эта концепция

впервые появилась, когда было выделено и названо какое-то единое выражение духовной силы.[\[120\]](#)

Существенным религиозным элементом Слова является его способность приводить человека в соприкосновение с богами. Это возможно в трех направлениях: мы можем обратиться к ним; они могут обратиться к нам; или мы можем говорить о них. Они обеспечивают три формы священного выражения в речи: 1. Слово, *to the gods*,—Prayer; 2. The word *from*, — Откровение; и 3. Слово о богах, —Миф. Мы рассмотрим каждый из них.

I. Слово богам.-1. Слово богам - это Молитва. Это очень важный и почти универсальный элемент в примитивных религиях. Предписание “Всегда молиться” нигде больше так близко не выполняется. Капитан Кларк, офицер нашей армии с богатейшим опытом жизни в Индии, пишет: “Это кажется поразительным утверждением, но я думаю, это правда, что нет людей, которые молились бы больше, чем индийцы. Как суеверие, так и обычай всегда держат в уме необходимость умиротворения гнева невидимой и всемогущей силы и обращения с мольбами об активном применении его способностей в их интересах”.[\[121\]](#)

Фактически, можно сказать, что молитва является основой веры диких племен, и они сами признают это. Согласно легендам новозеландских маори, когда они впервые мигрировали на этот остров с Гавайев, они не привезли с собой богов своих предков, но позаботились о том, чтобы унести с собой могущественные молитвы, которые боги не могут не услышать и не исполнить.[\[122\]](#)

Некоторые авторы утверждали, что определенные племена были обнаружены без какого-либо представления об обращении к невидимым силам, и приводили в качестве примеров яганов Огненной Земли и минкопи Андаманских островов. Но более тщательное изучение доказывает, что жрецы Яхганов призывают к таинственному существу Айапакалу,[\[123\]](#) и другим невидимым существам, и, как признается, у Минкопи в настоящее время есть молитвы.

Самые ранние гимны и молитвы, как правило, не содержат конкретных просьб, а представляют собой общие обращения к богу с просьбой присутствовать, принять участие в разыгрываемом пиршестве или присоединиться к танцам и продолжать оказывать свои добрые услуги тем, кто призывает к нему. Таковы гимны Ригведы и гимны древней Мексики, которые я собрал и опубликовал.[\[124\]](#) Они похожи на *evocatio deorum* римлян.

Три формы “Слова к богам”, или Молитвы, - это благодарение посредством восхваления; прошение о помощи или защите; и покаяние или раскаяние в пренебрежении долгом. Все это характерно для самых примитивных религий. Во всех них вы найдете божество, к которому обращаются как к великому, могущественному, господину, королю, внушающему ужас, любящему своих последователей, и сотни подобных эпитетов, подчеркивающих важность и лесть. К нему обращаются ласково, как к отцу или дедушке; это вовсе не подразумевает физического родства, как ошибочно утверждают некоторые современные авторы; но имеет в виду любовную заботу, которую он, как предполагается, проявляет к своим почитателям.

Как и следовало ожидать, большинство прошений в примитивных молитвах касаются материальных благ. Бремя большинства из них хорошо выражено одним из них в Ригведе: “О Боже, дай нам успеха в получении и сохранении!” Они просят увеличения количества товаров, обилия пищи, успехов в войне и хорошей погоды.

Однако среди самых грубых есть признаки понимания чего-то высшего. Молитва кхондов, дравидийского племени Северной Индии, гласит: “О Господь, мы не знаем, что хорошо для нас. Ты знаешь, что это такое. Об этом мы молимся”.

Странно обнаружить у навахо, грубого охотничьего племени наших западных территорий, сильную тоску по прекрасному. Одна из их молитв гласит: “О Господь всевышний, чья юность бессмертна, владыка свыше, я принес тебе жертву, сохрани мое тело и члены, сохрани его в красоте, сделай все прекрасным, пусть все завершится в красоте”.^[125]

В других случаях молитва направлена на моральный контроль, как в этой молитве индейца сиу: “О мой дедушка, Земля, я прошу тебя дать мне долгую жизнь и силу тела. Когда я отправлюсь на войну, позволь мне захватить много лошадей и убить много врагов. Но в мирное время пусть гнев не войдет в мое сердце”.^[126]

Покаянные молитвы произносятся, когда человек нарушил церемониальный закон или *табу*; и вообще, когда несчастье и поражение, по-видимому, указывают на то, что боги раздражены каким-то нанесенным им оскорблением, хотя верующий может и не понимать, что это такое.

“О милосердный Господь, - гласит молитва ацтеков, - пусть это наказание, которым ты посетил нас, дарует нам свободу от зла и безумия”.^[127]

Во многих молитвах мы находим сохранившиеся формулы, которые больше не поняты; и очень часто считается, что сила молитвы увеличивается при повторении ее несколько раз. Молитвенные хоры почти всех диких племен дают бесконечные примеры этого. Представление об увеличении силы за счет повторения, понятие, основанное на усилении суггестивной силы Слова за счет его повторения, на которое я уже ссылался, настолько распространено, что Иисус особо отметил и осудил его как не имеющее духовной ценности.

Эта форма молитвы, действительно, выродилась в простую магическую формулу, как мы видим, это было в случае с апостольским благословением христианской церкви в средние века, которое стало заклинанием, используемым некромантами и колдунами.

Однако в своей самой возвышенной сущности молитва была признана чем-то далеко выходящим за рамки любой формы мольбы. Это, как говорит ортодоксальный авторитет, “обычное состояние существа, которое постоянно живет по отношению к Богу и культивирует постоянный обмен с Ним”.^[128] В таком понимании это даже больше, чем вдохновение; это общение духовной жизнью, пребывание в Боге. Это точное ментальное состояние многих мистиков и приверженцев примитивных религий. Они с богом, бог с ними и в них.

II. Слово богов.—Если само имя бога было таким могущественным и почитаемым, то насколько больше были слова, которые он произносил сам! “Слово Божье”, как его понимают верующие, является ядром каждой веры на земле. Каждая религия является для своих приверженцев откровением. Ничто не является столь материальным, столь примитивным, чтобы претендовать на какое-либо иное основание, кроме выраженной воли божественности. Ни один человек не настолько лишен ритуала, чтобы испытывать недостаток в каких-либо средствах подтверждения этой воли.

Слово богов облечено в две формы: Закон и Пророки, другими словами, Предписание и Предсказание. В каждой религии, от самой примитивной до высшей, мы находим эти два способа божественного изречения.

На самых ранних этапах развития религии закон, по сути, носил запретительный характер. Он имеет форму отрицания: “Ты не должен...”. Этнологи переняли для этого слово из полинезийских диалектов, *tabu*, или *tapu*, родственное *tapa*, для обозначения, [129] то, что было торжественно названо или объявлено священным и, следовательно, запрещено для *profanum vulgus*.

The *Табу* распространяется на все сферы примитивной жизни. Он запрещает использование определенных предметов пищи или одежды; он освящает священные места; он накладывает ограничения на брак и, таким образом, порождает то, что известно как тотемическая связь; он осуждает различные действия, часто самые тривиальные и невинные, и, таким образом, закладывает основу церемониального закона.

Наказание за нарушение *табу* включает в себя все, что проистекает из гнева богов, вплоть до самой смерти. Несколько примеров из самых грубых религий послужат иллюстрацией этого.

Камчатканцы в начале прошлого века были очень низки по шкале человечности и удивительно пессимистичны. У них был бог-герой Кутка, их мифический прародитель, о котором они рассказывали много странных и отвратительных историй. Они чаще проклинали его, чем благословляли, и отказывались верить, что от богов может исходить что-то хорошее. Но чтобы избежать недоброжелательства этих злобных существ, они практиковали различные церемонии и воздерживались от различных действий, рассчитанных на то, чтобы вызвать неудовольствие этих капризных духов. Таким образом, человек не должен готовить рыбу и мясо в одном горшке, иначе он будет наказан язвами; он не должен наступать на следы медведя, иначе его посетит кожное заболевание; он не должен соскребать ножом снег со своей обуви, иначе разразятся сильные бури; и так далее, в соответствии с длинным законом запретов. [130]

У индейцев Андаманских островов нет никаких форм поклонения, у них нет обращений к богам, в их языке, действительно, нет оригинального слова, обозначающего “молитву”. Однако они твердо верят в существование многочисленных духов, не душ умерших, а созданных ими самими и бессмертных, которые причинят им вред, если они совершат определенные проступки, например, приготовят черепаху или рыбу, сжигая определенный сорт дерева; зажарят свинью вместо того, чтобы сварить ее, и так далее. [131]

Яганов Огненной Земли часто, хотя и ошибочно, называют племенем, лишенным религии. Их церемониальный закон был жестким. Волосы, упавшие с головы, должны быть сожжены, иначе человек заболеет; имя умершего не должно упоминаться, иначе призрак вернется и будет досаждать ему; молодых утят нельзя убивать, иначе наступит плохая погода. [132]

The *Табу* в полинезии, откуда оно и получило свое название, было доведено до невероятной степени строгости. Страх перед его нарушением был настолько сильным, что сам по себе он часто становился причиной смерти преступника. [133]

Вторая форма “Слова от Бога” заключалась в том, что оно произносилось как пророчество, предсказание будущего. В этой форме она проявляется по всему миру в бесчисленных аспектах гадания, как оракулы, пророческие высказывания, прогнозы грядущих времен, второе зрение, ясновидение и тому подобное.

Можно сказать, что суть каждого религиозного обряда заключается в предсказании, поскольку его конечной целью является либо изучение, либо изменение Воли Бога и, таким образом, влияние на будущее человека или общества с помощью сверхъестественных сил.

В этом нет ничего унижительного для религии как элемента разума. Постоянное усилие разума состоит в том, чтобы изгнать идею случайности из вселенной; и тот, кто рассматривает Волю Бога как закон вселенной, исключает случайность из ее событий ровно в той мере, в какой он познает эту Волю и действует в соответствии с ней.

Предсказание в первобытных религиях осуществлялось двумя совершенно разными методами - Гаданием и Пророчеством.

Прорицатель, полагающийся на свои собственные чувства и способности рассуждать, предсказывает будущее, наблюдая за определенной чередой событий, которые, по его мнению, раскрывают намерения богов; пророк - это тот, кто вдохновлен самим божественным разумом говорить его собственными словами и напрямую передавать мысли и желания божества.

Это различие заметно в ранних религиях. Любой может изучить “знаки” и “предзнаменования”, которые будут благоприятными или неблагоприятными для его начинаний; хотя, конечно, чтобы понять их полное значение, нужно было специально изучать искусство предсказания. Чтобы стать вдохновенным пророком, требуется гораздо более серьезная подготовка, и должна быть установлена какая-то форма прямого общения с богами.

III.—Слово о Богах. Блестящий французский писатель (Э. Шерер) сказал: “Именно Слово создало богов”, *“Le mot, c'est l'artisan des idoles”*. Он лишь выразил в подчеркнутой апофегме то, что глубокий немецкий мифолог Кун сформулировал в более формальных терминах, когда написал: “Основу мифологии следует искать в области языка”.

Что, собственно, означает сам термин “миф”? Это просто греческое слово, означающее что-то сказанное, и в этом общем смысле его использовал Гомер. Позже его значение стало ограничиваться тем, что говорилось о богах, повествованиями об их деяниях, описаниями их жилищ и атрибутов.

Люди начали сочинять подобные сказки в тот момент, когда они сознательно осознали существование таких невидимых сил. Они были основаны на видениях, грезах и тех смутных психических состояниях, которые, как я показал, составляют столь значительную часть жизни дикарей. Они ни в коем случае не были преднамеренным вымыслом, поскольку критерии между реальным и нереальным исчезают в этих психических состояниях, и малейшего удержания реальности достаточно, чтобы гарантировать бесконечно сложную фантазию.

Это была странная ошибка одного из самых серьезных исследователей первобытных религий, преподобного У. Робертсона Смита, когда он отстаивал свою теорию, согласно которой миф произошел от ритуала, а не ритуал - от мифа.^[134] Если бы он изучил действительное религиозное состояние самых грубых племен, он обнаружил бы у них едва ли какой-либо ритуал, но самую обильную мифологию; и он обнаружил бы, что там, где миф был заимствован из ритуала, это когда последний утратил свое первоначальное значение, и для его объяснения придумано что-то другое.

В качестве примера таких представлений я могу привести бушменов Южной Африки. Они пользуются общей репутацией низших представителей человеческой расы. У них нет ни храмов, ни алтарей, ни ритуалов; и все же миссионер Блик собрал у них тысячи историй об их богах в их отношениях к людям и животным.^[135]

Утверждается, что у андаманцев вообще нет никаких форм поклонения; но у них есть много мифов о могущественном пулуге, самосозданном и бессмертном, о происхождении огня и деяниях невидимых духов.

Было бы легко привести множество других примеров, но этого достаточно, чтобы опровергнуть такое мнение, сославшись на обширную совокупность мифов всех религиозных народов, которые вообще не имеют отношения к ритуалу.

Истоки мифологии психические. Их нельзя проследить до внешнего мира, будь то ритуал или природа. Мифы - это не образные объяснения природных явлений, это не смутные воспоминания о предках и ушедших героях, это не философские рассуждения или поэтические фантазии. Они явно религиозны по происхождению и, когда они подлинны, являются плодом того проникновения в божественное, того “блаженного видения”, на котором я сделал такой акцент как на реальной и единственной основе всех религий вообще.

Они получают свою форму и выражение через разговорный язык и, следовательно, тесно связаны с ним, часто зависят от его звуков и законов. Я могу кратко упомянуть о том, каким образом это может повлиять на них.

Первобытный язык преимущественно конкретен. Значения его терминов в основном объективны. В силу этой необходимости возникла материализация духовной мысли. Это должно было быть выражено во внешних образах.

Примитивные языки обычно сильно индивидуализируют и специфичны. В Америке едва ли найдется родной язык, на котором можно было бы сказать “рука”; всегда нужно добавлять местоимение, указывающее, чья рука имеется в виду: “моя, твоя, его” рука.

Общие различия в таких языках часто далеко идущие и реальные, а не чисто формальные, как у нас. Слово в мужском или женском роде понимается как означающее, что объект, к которому оно относится, является положительно мужским или женским. Таким образом передаются многие другие различия, например, одушевленное и неодушевленное, благородное или вульгарное и т.д.

Результатом этих различий в таких языках, как арийский и семитский, стало то, что боги волей-неволей были разделены по половому признаку на мужчин и женщин, и это сохраняется по сей день даже в нашем английском языке.

Многие мифы возникли непосредственно из слов, благодаря случайному сходству между ними, которое приписывалось какой-то божественной причине. Это теория, столь хорошо известная благодаря защите профессора Макса Мюллера, которого обвиняют, как я полагаю, несправедливо, в том, что он назвал мифологию "болезнью языка". Он, профессор Кун и другие делают большой и справедливый акцент на влиянии "паронимии", то есть сходства в звучании слов, как отправной точки мифов. Они привели бесконечное количество примеров из классических языков, но я ограничусь двумя примитивными источниками.

Я только что упомянул андаманцев, находящихся на вершине религиозного развития, но с богатой мифологией. На их языке слово *гаруб* означает "ночь", а также разновидность гусеницы. Вероятно, это простое совпадение звучания. Но они увидели в этом гораздо больше. Ночь для них - период депрессии, и верховный Пулуга не создал бы ее без уважительной причины. Очевидно, на это указывало двойное значение слова *гаруб*. И поскольку мудрецы исходят из того общепринятого мнения, что когда происходит ссора, в ней участвует женщина, они понимают, что какая-то женщина, должно быть, бессмысленно убила *гаруба*, гусеницу, чтобы Пулуга послал *гаруба*, ночь, в качестве наказания. И это итог длинной мифической истории.^[136]

Другой пример взят из далекой области, из числа индейцев-носителей Британской Америки. Песец, на которого они охотятся, издает резкий визг, который звучит как *хаих*. Их слово, обозначающее "свет", - *екхаих*. Очевидно, лиса была тем животным, которое первым воззвало к свету и с помощью магической силы слова получило его. С какими трудностями ему это удалось, рассказывается в длинном и любопытном мифе, полученном от них отцом Морисом.^[137]

В процессе развития мифов действительно часто случалось, что мифы, относящиеся к одному божеству, могли быть рассказаны о другом — как бы странно это ни звучало, — или что божественные атрибуты, изначально приписываемые божеству и вытекающие из его характера, могли быть перенесены на человеческий тип, как если бы богу наделили цветок.^[138]

Столь же ошибочно полагать, что мифы сначала были просто историями, а позже приобрели религиозный характер. Истинный миф с самого начала преследует религиозную цель и не является плодом праздной фантазии. Те, кто учил иначе, были введены в заблуждение поверхностным знакомством с психологией диких племен. Мифология происходит от религии, а не религия от мифологии.

Дикарь прекрасно понимает разницу между священной и светской историей, между повествованием о деяниях богов, переданных от его предков, и плодом праздной фантазии, созданной для развлечения круга слушателей.

Я уже упоминал о странном сходстве мифов диких народов, разделенных пространством и родством. Объяснение этому следует искать не в заимствовании или воспоминаниях из общего, отдаленного единства, а в законах человеческого разума. Одни и те же мифы встречаются по всему миру, с одинаковой символикой и образностью, сплетенные в циклы, посвященные одним и тем же великим вопросам человеческой мысли. Это происходит потому, что они

возникают из идентичных психических источников и находят выражение в обязательных формах, зависящих от отношений человека к окружающей среде и от единства психических процессов всей расы.

В настоящее время у меня нет возможности проникнуть далеко в обширный храм мифологии. Я должен ограничиться выбором нескольких наиболее выдающихся мифических циклов, стремясь показать на их примере, как они формируют основу всего здания мифического повествования.

Я выберу семь наиболее заметных, относящихся к: 1. Космическим концепциям; 2. Священным Числам; 3. драме Вселенной; 4. земному раю; 5. конфликту Природы; 6. Возвращающемуся Спасителю; и 7. путешествию Души.

1. Космические концепции.—Где бы человек ни находился на земле, в своих движениях он руководствуется пространством и направлением. Это одни из самых ранних представлений, которые он извлекает из впечатлений своих органов чувств. Его анатомическое строение, передняя и задняя плоскости его тела, правая и левая стороны приводят его к четырехкратному разделению пространства, как перед ним, так и позади него, в ту или иную сторону. Следовательно, он представляет себе землю как равнину с четырьмя четвертями, главные направления - как четыре, а именно, стороны света, а ветры - как четыре основных течения, исходящих из этих точек. Небо для него - сплошной покров, поддерживаемый в каждом из своих четырех углов деревом, колонной или великаном, и само разделено на четыре двора или области, подобные земле.

Таковы были его космические концепции, его изначальные представления о вселенной, и они глубоко вошли в его жизнь, его поступки и его убеждения. Он основал на них свою социальную организацию, он разбил свои палатки или построил свои города по их образцу, он сориентировал свои здания так, чтобы имитировать их, и создал свои мифы, чтобы объяснить и увековечить их.

Мы находим эти концепции практически универсальными. Символические фигуры, которые их представляют, выцарапаны в почве во время *Бора*, или церемоний посвящения австралийцев; они выгравированы на горшках и кувшинах, которые мы выкапываем в курганах долины Миссисипи; они нарисованы странными фигурами на рукописях майя и мексиканцев; они вновь появляются в таинственных символах свастики и китайского Та-Ки; они лежат под камнями основания египетских пирамид и встречаются в самых нижних слоях вавилонских зикгуратов.^[139]

2. Священные числа.—Космические концепции были тесно связаны со священными числами. Куда бы мы ни обратились к мифам и обрядам, к символизму или священному искусству, мы находим определенные числа, которые имеют священный приоритет в религиозной мысли. Этими числами являются преимущественно три и четыре, а также производные от них. Они явно противоположны по своему характеру и возникают из противоположных психических источников, которые я кратко объясню.

Число *четыре* черпает свою сакральность в мифологии из только что упомянутых космических концепций. Следовательно, она была связана с объективным и феноменальным миром и имела материальное и конкретное происхождение и применение.

Число *три*, с другой стороны, было окружено ореолом святости благодаря действиям самого разума. Они, процессы мышления, осуществляются тройственным или, скорее, триединым действием интеллекта, которое логики выражают в трех фундаментальных “законах мышления” и в трилогии силлогизмов. Эти вездесущие законы мышления накладывают отпечаток на разум и ментальные акты, независимо от того, осознаются они или нет, и тем более совершенно в том произвольном действии, в котором, как в “предельном сознании” или “психическом автоматизме”, я раскрыл вам истинный источник концепции Божественного.^[140]

Тогда как естественно, что мы находим во многих примитивных верованиях веру в тройственную природу божества, находим мифы, идолов, обряды, разработанные таким образом, чтобы отражать и насаждать это! Так обстоит дело, и легко привести примеры, обращаемся ли мы к индейцам Америки или Индостана, касаемся ли мы триад древнего Египта или друидов, вспоминаем ли мы трех Норм из тевтонского мифа или три Судьбы эллинов. Как замечает писатель, сделавший этот предмет своей специальной отраслью, “Невозможно изучать какую-либо единую систему богослужения во всем мире, не будучи пораженным особой настойчивостью тройного числа в отношении Божественности”.^[141]

Исключением из этого, естественно, были бы случаи, когда само понятие числа было слишком слабым, чтобы наложить отпечаток на миф. Есть племена, которые не умеют считать до четырех, в языках которых нет слов для обозначения чисел, отличных от двух, и все же они ни в коей мере не испытывают недостатка ни в мифологии, ни в практических искусствах.^[142] Среди них мы напрасно должны искать святость чисел.

3. Вселенская драма.—Я уже цитировал высказывание мудрецов древней Индии: “Нет предела познанию того “Я”, которое знает”. Тот, кто посредством медитации и молитвы стал единым с Богом, знает то, что знает Бог. Таким образом, у самых грубых племен мы находим историю о начале всего сущего, ясно рассказанную как исходящую из вдохновенного знания провидцев.

Эта история имеет много сходств, где бы мы ее ни находили, и, спешу еще раз сказать, не из-за какого-либо единства происхождения на месте, а из-за высшего единства человеческого разума и необходимых результатов его деятельности.

Посмотрите, на каком континенте нам заблагорассудится, мы найдем миф о Сотворении Мира или о первозданном строительстве, о потопе или разрушении и об ожидаемом Восстановлении. Мы обнаружим, что человек всегда смотрел на этот нынешний мир как на преходящую сцену в меняющейся панораме времени, которая закончится каким-нибудь катаклизмом и за которой последует какой-нибудь период тысячелетней славы.

Всякий раз, когда у нас есть достаточно полный свод мифологии первобытного племени, мы обнаруживаем один и тот же сценарий обширной драмы вселенной, сильно различающийся деталями и местным колоритом, но верный грандиозным линиям своей композиции.

Поучительно проанализировать различные ее элементы и проследить их психические источники. Давайте начнем с способов действия самой творческой силы.

Эта таинственная сила известна человеку в трех формах.

Самое простое - это работа формовщика или фабриканта, подобно тому как гончар делает свои горшки, а сапожник - обувь. Это концепция, лежащая в основе многих мифов о Творце, о чем свидетельствуют имена, которые он носит. Поэтому австралийцы называли его Байаме, “вырезающий”, подобно тому, как вырезают сандалию из кожи или фигурку из коры. Индейцы майя использовали термин Патол, от глагола *pat*, чтобы лепить, как гончар, из своей глины Битол, что имеет то же значение, и Цакол, строитель, как из дома.^[143] У даяков Борнео Создателем является Тупа, подделыватель, как куют лезвие копья^[144]; и так далее.

Вторая форма - это форма творения в смысле зарождения, и это постоянное сравнение в мифах применительно к процессу как в растительном, так и в животном царствах.

Создателя часто называют Отцом, прародителем, более или менее буквально, всего сущего. У него много подобных титулов в мифах Америки и Полинезии. В бисексуальных мифах он ассоциируется с некой вселенской матерью как родоначальницей.

Третья форма более непонятна и возвышенна. В предыдущей лекции я подчеркивал, что человек осознает внутри себя Волю как высший источник силы. Это он ясно осознавал в своих первобытных условиях, и этому проявлению неоднократно в своих мифах приписывал происхождение вещей. Они были саморазвиты мыслью первобытного Существа, или, по выражению коренных американцев, они были “созданы мыслью”.

Мы находим это у самых грубых племен Северной Америки; а среди оседлых зунов Нью-Мексико об их демиурге Авонавилоне говорят, что вначале “он задумал внутри себя и мыслил вовне, в пространстве”, чтобы вызвать к существованию природу. Мы видим связь в витианском диалекте полинезийского языка, на котором *mania* означает “думать”; *mana*- чудо и сила совершить его. Согласно мифам Гавайев, именно “волевым актом” их тройственный Создатель “разбил ночь” (По) и из ее осколков создал мир света и жизни.^[145]

Каким бы ни был способ создания, чувствовалось, что он не рассказывает всей истории целиком. Концепции времени и пространства по своей сути безграничны, и любое творение должно было быть в их пределах. Таким образом, в полинезийском мифе По олицетворяет не не имеющий времени хаос, а обломки какого-то прежнего положения вещей; а в алгонкинской легенде первобытный океан поглотил какой-то более древний мир.^[146]

Этот психический молимен, непрерывно действующий, привел в более развитых мифологиях к некоторым определенным представлениям об этих более ранних периодах космического существования и, таким образом, к мифам об Эпохах Мира или Эпохах Природы. Они четко обозначены у мексиканцев, майя, перуанцев и других племен Нового Света и у многих народов Восточного полушария. Ацтеки насчитывают их четыре, за каждым из которых следует ужасная катастрофа, почти или совсем уничтожившая все живое.

Последнее из этих разрушений обычно связывалось с представлением о появлении твердой суши из первобытных вод; таково происхождение мифа о Всемирном потопе, который мы находим у столь многих первобытных народов. Это привлекло особое внимание, и писатели объяснили это как воспоминание о каком-то местном переполнении или воспоминание о еврейской традиции. Его истинное происхождение, чисто психическое и происходящее из

мифа об эпохах Природы, я объяснил тридцать лет назад, обсуждая его распространенность среди американских племен.[147]

4. *Земной рай.* С этим циклом связан миф о земном рае, орошаемом четырьмя реками и окружающем древо жизни, — счастливой обители древнего человека. Четыре реки - это небесные потоки, стекающие с четырех концов земли и орошающие древо как символ жизни. Так, мы находим его у американских индейцев, сиу и ацтеков, майя, полинезийцев, древних ариев и семитов и т.д.[148] Его происхождение чисто психическое, и хотя мы можем легко понять, как автор Книги Бытия пытался отождествить эти мифические потоки с некоторыми известными ему, для современных ученых странно, что они устарели следовать по его стопам в этих тщетных поисках.[149]

5. *Конфликт природы.*—Еще один великий цикл психических мифов возник из конфликта природы, как его понимал примитивный разум. Кажется, что это бушует повсюду вокруг нас. Ежечасная борьба света с тьмой; дня с ночью; солнечного света с бурей; лета с зимой; молодости с возрастом, здоровья с болезнью; жизни со смертью; всего, что ведет к добру, со всем, что ведет ко злу, — эта бесконечная битва двух принципов лежит в основе всякого движения и вечно побуждает душу броситься в драку.

В тысячах форм эта вечная битва была изображена в мифах, и все они были наполнены одним значением, воплощая его в разнообразных символах и выражениях. Всемирно известные истории о конфликте первых двух братьев, людей с богами, великанов с героями, божеств между собой возникли из этого восприятия непрекращающегося взаимодействия природных сил, представляемого как война между сознательными существами.

6. *Возвращающийся Спаситель.* Из этой воображаемой суматохи и резни выросли чудесные мифические циклы об Избавителе. Он мог прийти издалека, из утреннего света или далекого неба, или он был бы рожден от девственницы и сыном бога. Он приведет свой народ к счастью и могуществу, сокрушая своей мощью врагов, которые досаждали ему, будь то на земле или среди завистливых богов. Белобородый и светловолосый, даже среди полинезийцев и американцев, мы не можем ошибиться, увидев в этой величественной фигуре олицетворенную идею Света, перенесенную из плоскости физических явлений в плоскость психического предвосхищения.[150]

7. *Путешествие души.*—Наконец, я упоминаю цикл, который описывает путешествие души после смерти. Необычайное сходство, на которое я и другие указывали между мнениями по этому вопросу египтян, греков, древних кельтов и североамериканских индейцев,[151] не должно быть объяснено какой-либо теорией взаимной коммуникации или “случайностью”, как утверждали некоторые, но фиксированными психическими законами, работающими над одним и тем же материалом в сходных условиях.

Душа направляется на запад, пересекает море или реку к обители усопшего и повсюду встречает почти одни и те же препятствия, которые необходимо преодолеть с помощью надлежащих приготовлений и похоронных церемоний. Мне нет необходимости повторять детали. Их можно сравнить в другом месте. Но их существенная идентичность убедительным образом подтверждает тезис, который я отстаиваю, а именно, что в этих универсальных мифических циклах мы имеем дело не с фрагментами какого-то одного набора фантазий, заимствованных из общего источника, а с независимыми творениями человеческого

интеллекта, созданными по общим для него повсюду законам и которые, как правило, всегда и везде приносят одни и те же плоды.

ЛЕКЦИЯ IV.

Примитивное религиозное выражение: в объекте.

Содержание:—Визуальные идеи—Фетишизм—Не только Объектное поклонение-Идентично идолопоклонству—Современный фетишизм—Анимизм—Не стадион религии—Основные группы религиозных объектов: 1. Небесные тела—Поклонение Солнцу и Луне—Астролатрия; 2. Четыре стихии —Огонь, Воздух (Ветры), Вода и Земля—Символика цветов; 3. Камни и утесы—Молнии—Мемориальные камни—Камни для предсказаний; 4. Деревья и растения—Древо Жизни—Священный Столб и Крест—Растение—Душа -Древо познания; 5. Места и святыни —Возвышенности и пещеры; 6. Низшие животные — Птицы, Змеи и т.д.; 7. Человек—Антропизм в религии—Поклонение красоте; 8. Жизнь и ее передача—Примеры—Генетические культы—Отцовство Бога—Любовь как венец религии.

Если мы проанализируем концепции, занимающие наш разум, то обнаружим, что большинство из них происходят от чувства зрения; это то, что психологи называют “визуальными идеями”. Только им мы обязаны представлениями о пространстве, размере, форме, цвете, яркости и движении.

Заполняя мозг такими образами, зрение становится ментальным стимулом высшего порядка, и поскольку мы обнаруживаем, что оно оказывает свое влияние в других направлениях, таким образом, в развитии религиозного чувства оно всегда занимало видное место. Это привело к объективному выражению этого чувства в видимых формах, в образах, картинках, священных сооружениях, символических цветах и формах, а также в природных субстанциях.

Это выражение, универсальное в первобытных условиях, называется фетишизмом, политеизмом и идолопоклонством, поклонением колодам и камням. Но я хочу донести до вас, что нигде в мире человек никогда не поклонялся дереву или камню как таковым. Каждому фетишу, будь то тряпичный младенец или камешек с обочины дороги, поклоняются не как таковому, а как обладающему какой-то таинственной, трансцендентной силой, с помощью которой он может влиять на будущее. Каким-то неясным образом она является проводником той сверхъестественной Воли, признание которой лежит в основе каждой религии.

Связь фетиша с духовной силой, стоящей за ним, хотя и признавалась повсеместно, определить было нелегко. Меланезийцы верят, что души умерших действуют через кости; в то время как независимые духи (*вуи*) выбирают камни в качестве своих носителей; и они говорят, что эти предметы являются, так сказать, конечностями или членами этих бестелесных сил.^[152]

То, что фетиш сам по себе является чем-то иным, чем простой объект, и, конечно же, не отождествляется с ним (как часто утверждали писатели), очевидно из слов и действий поклонников фетиша. Южноафриканский негр предложил пищу дереву в присутствии

европейского путешественника. Последний заметил, что дерево не может есть. “О,” ответил негр, “дерево не фетиш. Дух фетиша; невидим; живет на дереве”.[\[153\]](#)

Если фетиш не приносит удачи, его выбрасывают, сжигают или ломают, поскольку он утратил свою силу, перестал быть обителью силы. Один из эффективных, с другой стороны, принесет хорошую цену, и такие часто продаются и покупаются. У папуасов Новой Гвинеи фетишами являются маленькие деревянные куклы, одетые в цветные тряпки. Считается, что они являются средствами, через которые действуют духи предков. Но если мужчине не везет, он побьет, или сломает, или выбросит за ненадобностью такой бессильный предмет.[\[154\]](#)

Эти и десятки других примеров, которые можно было бы привести, опровергают утверждение о том, что человек, даже на самых низких этапах своей религиозной жизни, когда-либо поклонялся объекту как объекту. Уже тогда его интеллектуальная проницательность дошла до признания чего-то более высокого, чем явления в окружающем его мире. Как хорошо сказал один немецкий писатель, предмет, которому на самом деле поклоняются в любом объекте, - это не он сам, а “трансцендентальный х” внутри и за его пределами.[\[155\]](#)

Было подробно показано, что среди племен Западного побережья Африки, к богам которых португальцы впервые применили термин фетиш, *feitico*, отчетливо проявляются признание племенных и национальных божеств и даже поклонение Высшему Существо, правителю и создателю мира.[\[156\]](#)

Таким образом, карточный домик, воздвигнутый Огюстом Контом для обозначения религиозного прогресса человечества, первым этажом которого был фетишизм, вторым политеизм и третьим монотеизм, беспомощно рушится.

Нет реального различия между фетишизмом и идолопоклонством, если только мы не решим сказать, что последнее относится к поклонению объектам искусственной формы; но многие фетиши таковы же.

Мы также не можем сказать, как профессор Риалле, что фетишизм путает невидимого агента с самой вещью, в то время как идолопоклонство развитого политеизма рассматривает агента как нечто внешнее по отношению к объекту, независимое существование.[\[157\]](#) Ибо фетишизм не только признает силу сверхъестественного вне любых объектов, но и идолы политеизма, несомненно, такие же святые, такие же конечности богов, как куклы меланезийцев.

Мы не можем даже рассматривать фетишизм как особую форму культа или внешнего поклонения, поскольку он идет рука об руку с каждой фазой объективной религии. Оно столь же распространено сейчас, пропорционально общей силе религиозного чувства, как и всегда, и проявляется в святости, которую все секты высших религий придают определенным предметам и местам. Когда христианин прикасается к кости святого, чтобы исцелиться от немощи, или когда он говорит о своем церковном здании как о “доме Божьем”, или когда он кладет в свой чемодан Библию “на счастье”, он такой же поклонник фетиша, как негр *кабошир*, который собирает вокруг себя тысячи обломков хлама, потому что думает, что они принесли ему удачу.[\[158\]](#)

Современные фольклорные предания полны фетишизма, и это развитие религиозного чувства, которое процветает во все времена и в любом климате. Амулеты, талисманы, счастливые камни - все, что мы сейчас называем привычным термином *талисман*, имеет природу фетиша.

Считается, что благодаря какой-то воображаемой силе, которой нет среди его физических качеств, он приносит нам удачу.

Также не является отличительной чертой поклонения фетишу, как утверждают некоторые, и то, что при нем на богов пытаются воздействовать принуждением, чтобы заставить их быть благосклонными и проявить свою силу в помощь просителю. Самые ранние молитвы не имеют такого характера, как я показал в своей последней лекции; и, с другой стороны, понятие ограничения богов широко распространено в высших религиях и, действительно, вероятно, в метафизическом смысле, было преподано самим основателем христианства, как в притче о несправедном судье.

Поскольку нет ничего более глубокого, чем внешнее различие между фетишизмом и идолопоклонством, поэтому не существует особой формы религиозной мысли, выражающейся в том, что доктор Тайлор назвал “анимизмом”, верой в то, что неодушевленные предметы одушевлены и обладают душой или духами. Это мнение, которое в том или ином обличье является общим для всех религий и многих философских течений, является всего лишь вторичным феноменом религиозного чувства, а не чертой, характерной для первобытных верований. Идея Мировой Души, проявляющейся индивидуально в каждой форме материи, от звезды до комка земли, является такой же истинной верой индейца сиу или фиджийского каннибала, какой она была у Спинозы или Джордано Бруно.^[159]

Эта смутная и универсальная божественная энергия простирается через всю природу, органическую и неорганическую, выражая себя в личности везде, где видна обособленность, единство. Не только животные и деревья разделяли Мировую душу, но и любой другой предмет. У американских индейцев самые обычные палки и камни, даже глиняный домашний сосуд или выдолбленный камень, на котором толокли кукурузу, имели свою духовную сущность, которая могла говорить, действовать и требовать почитания.^[160] Жители островов Витиан считали, что у каждого кокосового ореха есть свой собственный аромат, и иногда для веселья собиралось много кокосовых орехов, и тогда радостное похрустывание их бока не давало туземцам уснуть!^[161]

Но не было бы большей ошибки, чем смешивать это с почитанием таких объектов самих по себе.

Для ума дикаря все, что проявляло движение, издавало звук или запах или своими определенными границами и формой указывало на единство, было для него личностным проявлением той безличной духовной Силы, одним из выражений которой он чувствовал себя. Все остальные выражения разделяли его силу и, по сути, не отличались от него. Животное, растение, камень, блуждающие шары ночи, завывающий ветер, потрескивающий огонь, возвышающийся холм - все это были его собратья, вдохновленные той же жизнью, что и он сам, черпающие ее из того же универсального источника жизни.

Поэтому не лишено основания, что неразвитые религиозные стремления требуют чего-то конкретного, чтобы представлять божественность. Благодаря его видимым и слышимым чертам сила Невидимого Правителя отчетливо проявляется в сознании. Мы сочувствуем даже бедным ораонам Бенгалии, которые, не видя ничего более благородного для воплощения божественного, кладут лемех плуга на свой алтарь как объект поклонения.^[162]

Хотя в безграничной области его религиозного понимания все в природе было для него проявлением божественности, первобытный человек повсюду отдавал предпочтение определенным объектам и группам объектов, что, очевидно, приводило к выделению их из-за силы или частоты обращения, которое они оказывают на его органы зрения и слуха.

С предельной краткостью я перечислю наиболее важные из этих групп и попытаюсь в то же время указать, почему они повсеместно отбирались для передачи представлений о природе и атрибутах Бога.

1. Небесные тела.—Первая группа, которую я упомяну, - это Небесные тела, Солнце, Луна и Звезды. Черты, которые связывали их с представлениями о божественном, почти слишком очевидны, чтобы нуждаться в упоминании. Они несут свет и тепло, они определяют важную смену дня и ночи, их движения предвещают смену времен года и отмечают ход времени. Они далекие, возвышенные, непостижимые обитатели царства, которое человек может отдаленно воспринимать, но никогда не входит в него.

О солнечных мифах и поклонении звездам написано так много, что каждый читатель осознает их практическую универсальность среди древних народов. Вероятно, что разделение нашей недели на семь дней возникло либо из-за посвящения по одному дню каждому из семи величайших светил, либо из-за разделения видимого хода Луны на четыре части. Судебная астрология, которая еще не совсем умерла, всегда утверждала, что даты рождения определяются положением звезд.

Все подобные пережитки возвращают нас к примитивным религиям, в которых астральные тела были выдающимися фигурами в культе. Многие авторы утверждали, что американские индейцы с севера на юг всегда и главным образом поклонялись солнцу. Хотя это слишком поспешное утверждение, все признают, что солнце всегда было заметной фигурой в их мифах и обрядах. Так было у полинезийцев и африканцев, и так же мы находим это в ранних формах арийской, семитской и египетской веры.

На первый взгляд странно, что во многих мифологиях луна играет более важную роль, чем солнце. Но если мы подумаем о том, что ночь - это время, когда духи разгуливают повсюду; когда звуки поражают слух таинственными нотами; когда ночные птицы и звери будоражат чувства странными криками; когда, с другой стороны, прохладный зефир и мягкий лунный свет приносят сладкую легкость, а нежная роса освежает иссохшие листья; тогда мы сможем понять, почему и в современном фольклоре, и в литературе [\[163 \]](#) а в первобытных мифах луна и звезды часто гораздо более заметны, чем пылающее солнце. Ночь, на самом деле, приоткрывает завесу от духовного мира; как прекрасно сказал Шелли:

Как будто он все еще был рядом с ней,

Хотя *завеса дневного света* скрывала его от нее.

Несколько примеров проиллюстрируют это: диери из Австралии верят, что человек и все другие существа были созданы Луной. Во многих американских языках луна считается мужчиной, а солнце упоминается как “его спутник”. Бразильское племя ипуринас обращается к шару как

“Отче наш” и представляет его маленьким старичком, который был их предком и до сих пор следит за их процветанием. Точно так же восточные эскимосы говорят, что их предки пришли на землю с Луны. У грубых племен южного Борнео утверждается, что почитание луны составляет главную основу их культа и мифов.[164]

Я могу лишь сослаться на меньшие светила ночи. Звезды во все времена ассоциировались с религиозными размышлениями. Различные созвездия знакомы большинству примитивных народов и олицетворены в живых формах. Широко распространенные в Южной Америке и Полинезии Плеяды пользовались особым почитанием, поскольку знаменовали смену времен года и были связаны с возникновением растительной жизни. В Перу их называли богами дождей, а туземцы Калифорнийского залива почитали их до такой степени, что даже неосторожный взгляд на них считался пагубным; в то время как некоторые австралийцы считали, что именно от них огонь впервые спустился в мир.[165] В таких отдаленных районах, как Австралия и Гренландия, Млечный путь считался путем, по которому души поднимались в свои небесные обители. В одной стране на Австралийское сияние, в другой - на Северное сияние смотрели как на танец богов на освещенном звездами небесном своде. Действительно, изучение звездных тел и определение их периодического появления напрямую связаны с тем почитанием, которое они вызывали в религиозных умах.

2. Четыре элемента. Простая теория о том, что мир состоит из четырех элементов: огня, воды, воздуха и земли, — это та теория, которая представляется примитивному мышлению настолько естественной, что ее следы можно увидеть в большинстве мифологий, вышедших за рамки рудиментарных форм.

Каждый из этих элементов имеет свою собственную группу религиозных ассоциаций, и они проявляют себя с тем единообразием, которое мы находим столь универсальным в религиозном выражении, что объясняется, как я часто говорил, повсеместной идентичностью психических источников религии.

Возможно, самым ранним из всех элементов, удостоившихся такого поклонения, было *огонь*. С ее открытием человек впервые вступил в общественную жизнь. Везде и у всех народов она была в некотором роде священной. У кафиров каждая религиозная церемония должна совершаться перед огнем.[166] В Ригведе потрескивание пылающих веток рассматривается как речь богов, точно так же, как и сегодня на Борнео. Институты священного огня и неугасимого горения повторяются на каждом континенте, и нам достаточно войти в церковь римского причастия утром в Великую субботу, чтобы стать свидетелями впечатляющих церемоний, которыми создание “нового огня” по сей день отмечается среди нас. Обычай пропускать младенца “через огонь” практиковался как ацтеками в Мексике, так и поклонниками Молоха в Сирии.[167] Перуанцы считали, что божественное вдохновение можно получить путем жертвоприношений богу огня; а жители Гватемалы поклонялись ему как своему величайшему и древнейшему божеству.[168]

Во всех этих и в сотне других примеров, которые я мог бы привести, основная мысль заключается в том, что в огне и его продуктах — тепле, раскалении, свете, пламени — заключается основной принцип жизни; и поклонение Жизни было центральной, позитивной концепцией в первобытных церемониях.

The *Воздух* для древнего человека воспринимался в движении как ветры; и они в его мифах и обрядах занимают заметное место. Задуманные как четыре, дующие более или менее непосредственно из четырех углов земного плана, они являются приносящими дождь, богами времен года, управляющими продуктами сбора урожая и, следовательно, счастьем и жизнью человека. Суть истории остается той же, слушаем ли мы новозеландских маори, которые рассказывают нам о Таухири-матеа, боге ветров, который разделил свое потомство на четыре выводка и отправил по одному в каждую четверть света; эскимосов, которые точно так же повествуют о Силламе Иннуа, повелителе ветров, и его четырех сыновьях; или о десятке подобных мифов, которые я мог бы процитировать из "Американской сказочной страны".[169]

Дом ветров, где, как предполагается, они хранятся, мифическое представление, которое, как показал профессор Шварц, было так широко распространено в Старом Свете, едва ли реже встречается в Новом Свете.[170]

Вода, как и влага, роса, оплодотворяющие дожди, окаймленные зеленью ручьи и озера, всегда была связана с растительной жизнью и ее символами. В большинстве космогоний суша поднялась из недр какого-нибудь первобытного моря; в большинстве примитивных географических систем твердая земля окружена могучим океанским потоком, простирающимся до самых пределов космоса.

"Все мы, " говорили ацтеки, " дети воды". Поэтому источник, ручей, озеро всегда считались благодетельными существами, которые по праву должны призывать к поклонению истинному в душе. Тлалок, бог дождей, и многоименные боги небесной вазы, в которой наверху хранился дождь, были заметными фигурами в американском пантеоне.[171]

Вергилий говорит об "Океане, *родном отце*"; а в финском эпосе "Калевала" говорится: "Трое младенцев вышли из одного чрева; вода - старейший, огонь - младший, а железо между ними".[172]

Вода также использовалась в бесчисленных обрядах очищения, покаяния и освящения.[173] Крещение путем окропления или погружения относится к древнейшим священным обрядам; и использование жидкости в гадании, очищении и возлиянии было распространено по всему миру.

Самым почитаемым богом халдейской мифологии был Каа, владыка *земли* и "вод под землей". Он был божеством, в дар которому давались урожай, прорастание семян, плодородие почвы. Распространяя идею на все живое, ацтеки поклонялись земле как Тонанцин, Нашей Любимой Матери, а перуанцы - как Мама Коча, Матери-Земле. Из ее чрева, говорили они, исходит все живое, и к ее безмолвной груди все снова вернется. Далеко под ее непрозрачной поверхностью находится царство, которое солнце освещает ночью, обитель счастливых душ, говорили ацтеки, которым правит клеммент Кецалькоатль, который пребывает там до назначенного времени своего возвращения к людям.

Из-под земли, повторяют сотни мифологий, появился первый из людей, ищущий свет наверху, но теряющий радость внизу. Так что в таких отдаленных точках, как Камчатка и Андаманские острова, мы встречаемся с одним и тем же пророческим мифом о том, что в конце света

нынешняя земля перевернется вверх дном, а ее тогдашние обитатели будут радоваться вечному теплу и свету более счастливого подземного мира.[174]

Святость и символизм *цветов*, тесно связанные с поклонением четырем стихиям, а также с мифами о космических концепциях, мы прослеживаем в примитивных религиях. Везде, во всех культах, они связаны с определенным ходом религиозных мыслей, определенными проявлениями религиозных эмоций, хотя и далеко не всегда одинаковыми. Но я могу лишь мимоходом коснуться этого обширного предмета, который еще не подвергся психологическому анализу, которого требует его важность.[175]

3. *Камни и скалы*.—Когда мы переходим от этих универсальных элементов, которые, как мы можем легко представить, с некоторым соизмеримым величием изображают идею сверхъестественного, к такому грубому и материальному объекту, как *камень*, обычный камень или скала, поначалу трудно понять его широко распространенное признание в качестве символа божественного. Но если мы поразмышляем о его твердости и долговечности, о его цвете и блеске, а также о странных формах, в которых он встречается, мы сможем понять, почему он был так выбран.

В ранних семитских летописях мы часто читаем о Бет-эле, Доме Божьем. Обычно это было не что иное, как аморфный камень, в котором, как предполагалось, обитал бог. Священная Кааба магометанства, без сомнения, является такой - грубый, черный кусок скалы. Священный образ Дианы Эфесской был ничем иным, и отец-латиноамериканец Арнобий сообщает нам, что изображение земли, Великой Матери, привезенное в Рим из Фригии с пышной помпой, было всего лишь “маленьким черным камнем, грубым и необработанным”.[176]

Этому примеру, где камень олицетворяет Землю как общую мать, мы находим много точных параллелей в верованиях дикарей. В таитянских мифах *Папа*, Рок, было именем жены первого человека, матери расы людей, и под этим обликом ее обожали.[177] Зулусы считали определенные камни священными, потому что из одного такого, который раскололся надвое, произошли их предки. Их соседи, басуто, придерживаются того же представления о гранитном валуне сферической формы в своей стране, и их поклонение ему заключается в танцах вокруг него и плевании в него. Индейцы Колумбии утверждали, что все люди когда-то были камнями, и все снова станут таковыми.[178] Жители Гватемалы имели обыкновение класть умирающему в рот маленький отполированный камешек, чтобы принять душу и таким образом обеспечить ей постоянное пристанище.

Самым распространенным из талисманов является “камень удачи”, и это восходит к тем временам, когда он был излюбленным материалом для домашних фетишей. По сей день индийские канары верят, что бхуты, или знакомые духи, обитают в необработанных камнях, а в Меланезии подобные камни считаются обителью *вуу*, или демонических разумов.[179]

Еще одним источником священности камней было их отождествление с “молниями”. Считалось, что некоторые из них были снарядами, запущенными с неба Богом Грома во время вспышки молнии; хотя у перуанцев была более приятная вера в то, что, будучи продуктом небесного огня, они должны сохранять его пыл, и поэтому они использовали их в качестве любовных амулетов.[180] Кремень, который при ударе по нему небольшим количеством пирита

выбрасывает искру, и метеоритные камни были особенно узнаваемы по этим отметинам как имеющие небесное происхождение.

Такой кремнь, говорят легенды науасов, в начале мира упал с небес на землю; когда он разбивался на куски, каждый осколок возрождался к жизни в виде полубога. Все мужчины, добавляли мексиканцы, произошли из таких камней.[\[181\]](#)

Еще одним источником божественных камней был обычай возводить их как памятники умершим. Мы можем видеть это в их простоте в Южной Полинезии. Когда вождь умирает, над его могилой устанавливается коралловая плита длиной около трех футов - другими словами, надгробный камень. Он украшен цветами и гирляндами, ему предлагают еду и произносят перед ним молитвы, обращенные именно к божеству. Это происходит потому, что считается, что в нем обитает дух усопшего вождя.[\[182\]](#)

Он был столь же священен, когда камень был простым кенотафом, воздвигнутым в память об усопшем вожде или святом. Такие встречаются во всех странах и во всех культах. Это *менгиры* кельтов и могильные камни кодеров Индии, часто окрашенные в яркие цвета.[\[183\]](#)

Определенные камни, особенно те, которые мы называем “драгоценными”, драгоценные камни, обладают физическими свойствами прозрачности, блеска и цвета, которые всегда делали их ценными и приводили к убеждению, что они оказывают особое воздействие на разум.

По всей Азии и Америке разновидности нефрита, зеленоватого полупрозрачного минерала, имели широко распространенную репутацию за священное значение и магическую силу. Из этого материала были сделаны *мексиканские чальчиухиты*, маленькие зеленые камешки, которые, как считалось, контролируют погоду и олицетворяют богиню вод и дождей.

Внимательно вглядываясь в прозрачность кристалла кварца, шаман майя с Юкатана все еще верит, что увидит в его глубинах, раскрытую богом, чьим жилищем он является, картину будущего и предначертания судьбы.

4. Деревья и растения.—Первобытный человек вел древесный образ жизни. Дуплистое дерево было его домом, его ветви - убежищем, его плоды - пищей. Естественно, дерево стало ассоциироваться с его самыми ранними религиозными мыслями. Оно олицетворяло его божество-покровителя. Он бы добровольно не причинил ему вреда. Когда манданы вырезают шест для своих палаток, они обматывают его бинтами, чтобы облегчить боль. Хидатса не стали бы рубить большой тополь, потому что он охранял их племя. По той же причине алгонкины украсили старый дуб приношениями, подвешенными к его ветвям.[\[184\]](#)

Считалось, что деревья из-за их мокрой листвы и из-за того, что их тень ассоциировалась с серостью пасмурного дня, вызывают дожди и, таким образом, освежают поля и удобряют семена растительного мира. Было легко распространить это действие на все микробы, как животные, так и растительные. Таким образом, дерево стало символизировать источник Жизни, а также олицетворять облака и дожди, а также отцовство людей и животных. Это могло бы привести к размножению стад и зачатию бесплодного чрева.[\[185\]](#)

У мексиканцев это дерево называлось Тота, “Наш Отец”, и о нем говорили как о божестве вод и зеленой листвы. Какой-то конкретный вид был выбран в качестве тотема различных

американских родов, и в самых ранних легендах Греции и Персии различные знаменитые семьи вели свое происхождение от дерева.

Эти идеи привели к мифической ассоциации дерева с зарождением жизни и различным объективным проявлениям этого в культе.

В большинстве американских историй, где мы слышим о первом человеке, вышедшем из подземного мира, он взбирается на дерево. Это дерево также поддерживает небо, и именно так оно представлено в книгах индейцев майя и науа.^[186] Боливийские юрукаресы рассказывают, что их бог Тири, желая населить землю людьми, расщепил дерево, и из образовавшегося отверстия вышли различные племена мира.^[187]

Когда дереву поклонялись не как таковому, а в символической форме, обычно это был священный шест или крест.

Священный шест был широко распространен среди американских индейцев. Его сажали в центре их деревень, или, если племя было кочевым, его носили в ковчеге или обертке и устанавливали отдельно в палатке в их лагере. Оно олицетворяло общинную жизнь племени и олицетворяло “таинственное дерево”, с которым было тесно связано их легендарное происхождение.^[188]

В раннем искусстве крест как священный рисунок часто производится от традиционной фигуры дерева и символизирует силу жизни, четыре ветра, дождь и воды. Это особенно характерно для Мексики и Центральной Америки, где у нас есть множество свидетельств того, что таково происхождение и значение символа креста, столь часто встречающегося на их памятниках.

Священное дерево - заметная фигура на самых ранних барельефах халдеев. Его часто изображают в крестообразной форме, и часто крылатый серафим протягивает к нему сосновую шишку, плод священного кедра, либо как эмблему плодородия, либо, что более вероятно, как аспергиллум, которым орошают его святой водой, которую несут в ведре в другой руке.^[189]

В том, что дерево - это “живое существо”, нам даже сейчас трудно сомневаться, и мы едва ли можем не увлечься приятными теориями Фехнера о “душе растения”.^[190] Шум ветра в листве, поднимающийся от нежнейшего мистического шепота до рева дикого ветра, кажется, исходит от какого-то разума или духа. Австралийцы говорят, что это голоса призраков умерших, общающихся друг с другом или предупреждающих живых о грядущем. Они и другие племена также верят, что именно благодаря пониманию этого таинственного языка “врачи”, или шаманы, общаются с миром духов и получают свои сверхъестественные знания.^[191] Отсюда мы можем легко увидеть возникновение мифа о “древе познания”, который мы находим в самых ранних семитских летописях и памятниках. Он принадлежал к тому же виду, что и дуб-оракул Зевса в Додоне и лавр Аполлона в Дельфах, по шепоту листьев которых сивиллы толковали изречения богов.

Дерево было не только самым ранним домом человека, но и его первым храмом. Само слово “храм” свидетельствует об этом факте, поскольку оно происходит от греческого *τέμενος*, священная роща, выделенная как место поклонения. Стремящиеся линии готических соборов

имитируют стволы стройных и величественных деревьев, уносящих взор и душу ввысь и своими раскидистыми ветвями закрывающих дневной свет, таким образом, подводя ум к священной медитации. Тацит описывает германцев как людей, которые не строили храмов, но поклонялись своему таинственному божеству, *secretum illud*, во мраке леса.

5. *Места и стоянки.*—Древний человек держался поближе к почве. Распределение древнейших каменных орудий доказывает, что первобытные племена, как правило, не были мигрирующими и мало общались со своими соседями. Следовательно, чем внимательнее они изучали свое непосредственное окружение, тем больше место, отмеченное какой-либо особенной особенностью, вскоре ассоциировалось с их всепроникающими религиозными представлениями и считалось священным.

Эти особенности обычно легко распознать. Источник, колодец или фонтан, где из сухой земли или из скалы изливается кристаллическая жидкость, от которой зависит жизнь человека, животного и растения, повсюду считался святым местом. Ручей, который вытекал из него, лепеча свою бесконечную сказку среди гальки, был едва ли не меньше. Греки прямо говорили и часто повторяли, что *мантея*, святое вдохновение, было даровано у Парнасского источника или у Пиерианского источника. Боливийские моксо утверждают, что происходят от ручья, на берегу которого расположены их деревни, что является более чем образным выражением их зависимости от него в плане еды и питья.[\[192\]](#)

Священный характер “возвышенностей”, таких как холмы, горы или возвышенные плато, тесно связан со всеобщей верой в “Отца Небесного”, в небо как доми трон величайших божеств. Я уже упоминал о земных “Небесных холмах”, расположенных, как правило, в пределах территории племени.[\[193\]](#)

На высокий холм или гору, рассматриваемую саму по себе как личность, справедливо будет смотреть как на обладающую необычайной мощью и ссылаться как на мощную помощь в жизненных начинаниях. В молитвах киче из Центральной Америки, которые живут посреди высоких горных вершин, более сотни из них названы по именам и умоляют о помощи. “Сердце холмов” - это титул, который древние мексиканцы применяли к одному из своих величайших богов.

Третья и важная черта, придающая им святость, - это сила эха, отражающегося от их узких ущелий или отвесных склонов. Поклонение горам, как правило, носит оракульский характер. Классическими и знакомыми примерами этого являются Пифия и римская сивилла.

Горные пещеры - это естественные храмы, и поскольку пещера, подобно дуплистому дереву, представляет собой готовый дом для странствующего дикаря, то она также чудесным образом приспособлена для его целей в качестве святилища. По всей Мексике и Центральной Америке мы находим пещеры, выбранные в качестве храмов самых могущественных божеств и хранилищ самых священных реликвий.[\[194\]](#)

Святость некоторых мест возникла из-за их приспособления к определенным обрядам, религиозным или магическим. Таким образом, чтобы гаруспики могли практиковать свою специальность в гадании, они должны были выбрать место, откуда они могли бы наблюдать за полетом птиц. Жертвоприношения богу небес должны совершаться под открытым небом, и майя

Юкатана верили, что, когда солнце находится в зените и под ним зажигается священный огонь, невыразимое Божество спускается в виде *ара* с ярким оперением и принимает участие в подношении.

Места такого рода, конечно же, находились под *табуи*, таким образом, предназначались только для их священного использования. Иногда они были закрыты, но часто сообщество было достаточно информировано о них, чтобы в этом не было необходимости.

Слава об этих священных местах и могуществе богов, обитавших в них, широко распространилась даже в очень примитивных условиях. Это дало начало обычаю паломничества, столь же знакомому американским индейцам до Колумба, как и европейцам Средневековья. На острове Косумель, а также в Колумбии и Перу были знаменитые святые места, к которым благочестивые паломники преодолевали многие сотни миль утомительного путешествия.

Местное божество, естественно, заимствовало свой колорит и основные атрибуты из самого места, а те, в свою очередь, придавали сходную местную физиономию его обрядам и функциям. Таким образом, мы имеем своего рода географический характер, запечатленный в ранних религиях, который их последующее развитие сохранило еще долгое время после того, как они были оторваны от своих первоначальных значений и переместились в другие страны и к чуждым расам.

6. *Низшие животные.*— Примитивный разум не признавал какого-либо глубокого различия между низшими животными и человеком. Дикарь знал, что зверь превосходит его по многим параметрам, в ловкости и силе, в быстроте и интуиции, и относился к нему с уважением. По его мнению, у этого животного была душа, не уступающая его собственной, и язык, который мудрые из людей могли при случае выучить. Станные силы и таинственные способности, которыми они часто обладают, были для него необъяснимы никаким другим учением, кроме того, что они были божественными; поэтому с широким единодушием он поместил определенные виды животных ближе к Богу, чем сам человек, или даже отождествил их с проявлениями Высшего.

Никто не был в этом отношении большим любимцем, чем эта птица. Его стремительный полет, странные или сладковатые нотки, яркие оттенки оперения в сочетании делают его подходящей эмблемой силы и красоты.

Даяки Борнео ведут свое происхождение от Сингаланга Буронга, бога птиц; а птицы как предки тотемического семейства чрезвычайно распространены среди американских индейцев. Эскимосы говорят, что они обладают способностью души, или жизни, превосходящей все другие существа, и в большинстве примитивных племен на них смотрели как на посланцев божественного и особых поставщиков жизненного принципа.

Согласно мифам полинезийцев, в древние времена боги разговаривали с человеком через гимны пернатых певчих птиц; и повсюду способность понимать язык птиц была равносильна способности разговаривать с богами.

Главным богом австралийцев, живших на реке Муррей, был Нурали. Он был бессмертным, созданным самим собой и творцом всего сущего. Форма, в которой они представляли его себе, была формой птицы, вороны или орла. Почти у всех племен Северо-западного побережья и

прилегающих внутренних районов Британской Америки сотворение мира приписывается ворону Йетлу, который олицетворяется в темной грозовой туче.

К югу от них, у широко распространенных алгонкинских племен, эта “птица-гром” является заметной фигурой в искусстве и мифах; и мы могли бы продолжить наш путь до самого крайнего юга континента, и повсюду среди аборигенных племен мы обнаружили бы подобные священные ассоциации, связанные с птицами.

Они универсальны в религиях, и те, которые мы встречаем в христианском искусстве, орел, голубь и т.д., Несут в себе значения, близкие к тем, которые они несли в более ранней и примитивной символике.^[195]

С этими представлениями было тесно связано почитание яйца как символа зарождения жизни. Плутарх говорит нам, что в вакхических мистериях яйцо олицетворяло материю в ее зародышевом состоянии, то есть потенциальную возможность жизни; и это значение мы сохранили за символом в наших обычаях, связанных с пасхальными яйцами утром Воскресения.

Вывод из наблюдения за птицей, гнездящейся в своем гнезде, очевиден, и поэтому неудивительно, что символ с родственными мифами и обрядами присутствует во всех религиях.

В легенде о сотворении мира яросами, племенем дравидов из Северной Индии, богиня Нусту, сотворившая мир, появилась на свет из саморазвившегося яйца и жила на лепестках водяной лилии до тех пор, пока не сформировала землю для своего жилища. Даяки Борнео рассказывают, что после того, как Высшее Существо сотворило мир, бог Ранин спустился на новую землю и сформировал там семь яиц, которые содержали зародыши мужчины и женщины, всех животных и растений.^[196]

Этот пример с птицей, который я привел несколько подробнее, проиллюстрирует культ животного облика. Он ни в коем случае не стоит особняком в своей универсальности. Возможно, еще более поразительным является так называемое “поклонение змеям”, которое привлекло внимание стольких писателей. Поклонение символу змеи удивительно широко распространено. В регионах, где известно это животное, едва ли можно назвать какое-либо туземное племя, которое не оказывало бы ему какого-либо почтения. Некоторые авторы прослеживают это чувство до антропоидного прародителя человека, который, как предполагается, обитал в тропических лесах, изобилующих ядовитыми змеями. Но в этот обширный вопрос я не могу вдаваться.

Символическое значение большинства божеств-животных можно объяснить какой-либо особой чертой данного вида. Таким образом, ящерица, занимающая видное место в религиях Полинезии, Австралии и Южной Африки, получила свое значение благодаря ночному образу жизни одних видов и дневным привычкам других.^[197] В Америке лягушка была символом воды на обширной территории; и то, что она имеет точно такое же значение в Австралии, не вызовет удивления, если вспомнить ее земноводную природу. Рыба, как эмблема жизни, знакомая в христианской символике, восходит к древнейшим халдейским временам, когда Оаннес, форма бога Аа, появлялся наполовину рыбой, наполовину человеком, и является параллелью богу-рыбе, который сеет семя человека в мифах о потопе как брахманов, так и мексиканцев. Это всего лишь еще одно выражение признания воды источником или условием жизни.

Тотемные животные, или “одноименные предки” кланов или родов американских индейцев, не следует понимать буквально. Их понимали не как животных, подобных тем, что мы видим сегодня, а как мифических, древних существ со сверхъестественными свойствами, которые облачались в эти формы для своих собственных целей.

7. *Человек.*— Следует ожидать, что, когда животное время от времени облакалось ореолом Божественного, сам человек иногда приобщался к его славе. Но здесь позвольте провести важное различие. Никогда как человек он не был облачен в атрибуты Божества, но лишь постольку, поскольку считался *чем-то большим, чем человек*. Латинское изречение, *deus homini deus*, никогда и нигде не было истинным в своем буквальном смысле. Антропизма никогда не существовало ни в одной религии. Человеку или подобию человека никогда не поклонялись из-за каких-либо человеческих качеств, но исключительно из-за тех, кого считали чем-то большим, чем человек, сверхчеловеком.

Племена Полинезии действительно поклонялись своим вождям; древние египтяне и многие другие народы оказывали своим правителям божественные почести и причисляли их к богам; но всегда потому, что считали их причастниками божественной природы, участниками того, что всегда выходит за рамки простой человечности.^[198]

Это глубокое различие между человеческим и очеловеченным божественным стремилось выразить большинство племен, придавая изображениям богов отдаленно человеческие очертания, но с нечеловеческими элементами. Диана с ее сотней грудей, Брахма с его десятками рук, Янус с его двойным лицом и множество других примеров сразу всплывут в памяти. Огромные размеры, невозможные черты лица, аксессуары, такие как крылья, хвосты, множество голов и конечностей, указывают не на порочный художественный вкус, как могли бы подумать некоторые, а на усилие благочестивого резчика выразить в своей работе нечеловеческий и сверхчеловеческий характер существа, которое он представляет восхищенным взорам поклонников.

Только у немногих одаренных и славных натур, особенно у древних греков, истинное различие достигло полного осознания в артистической душе — что в своих телесных формах боги отличаются от людей своей высшей и несравненной красотой, совершенной симметрией и благородными пропорциями. Они признали, что в самой красоте есть нечто такое, что в своем высшем выражении действительно приобщается к божественному и ведет человека к созерцанию законов, выходящих за рамки законов природы или жизни, законов, которые являются выражением глубокой гармонии вселенной.

Это был триумф антропоморфизма. Преследуя чисто объективную, чисто животную цель, оно было ведомо невидимой рукой, ведущей человека к его предназначению, на путь, который вел далеко за пределы того, чему могут научить чувства, в царство идеального и вечного, к

“меры и формы,

Который обеспечивает абстрактный интеллект,

Чье царство там, где нет Времени и Пространства”.

Таковы некоторые из бесчисленных объектов, с которыми первобытный человек связывал свое представление о Божественном. Природу этой ассоциации нельзя понимать превратно. Я повторяю то, что я уже сказал, что это не было отождествлением духовного с материальным. Предмет был освящен не из чего-либо самого по себе, а как носитель невидимой силы.

8. *Жизнь и ее передача.* То, что профессор Отфрид Мюллер так хорошо сказал о древнейших формах греческой и этрусской религий, справедливо для всех примитивных верований: “Для них божественность казалась миром Жизни, расцветающим из непроницаемой глубины в определенные формы и индивидуальные выражения”.^[199] Все боги и священные предметы были всего лишь проводниками, через которые Жизнь и Сила изливались в мир из неисчерпаемого и безличного источника того и другого.

Сначала я проиллюстрирую это на примере очень древней религии этрусков, а затем укажу на достаточные аналогии в современных диких племенах.

Этот почтенный народ, чьи огромные города, построенные до основания Рима, сохранились до сих пор, считал, что существует единый источник всего сущего, живого и неодушевленного. Его непосредственными исполнителями были таинственные “скрытые боги”, число которых было неизвестно и чьи имена никогда не произносились. Они были каналами божественной Воли, по которым она передавалась двенадцати высочайшим известным богам, называемым *Consentes* или Спутниками, и те передавали ее через тех бесчисленных духов, которых латиняне называли *Genii*, к ее реализации в объективном существовании.

Слово *гений* означает производителя или зачинателя; но не в каком-либо буквальном смысле, поскольку таким гением обладал не только каждый человек и одушевленное существо, но и каждое растение, каждый город, каждое место, каждый неодушевленный предмет. Следовательно, ясно, что это слово относится к акту творческой силы в абстрактном или духовном смысле. Гении были ближайшими причинами существования, но они сами были “эманациями великих богов”, а те, в свою очередь, были всего лишь каналами неиссякаемого источника всей потусторонней жизни.

Таково было учение этрусков, а также греков. Я могу сравнить это с верой одной из самых жестоких варварских орд, ительменов Камчатки.

За пределами всех видимых вещей, говорят они, находится высшая Сила, Духовная, невидимая, отдаленная. Ему не совершается никакого поклонения и никаких подношений, кроме того, что в его честь воздвигаются определенные колонны, украшенные цветами и гирляндами. Их Юпитер - Кутка. О нем говорили, что он объединил все существа и был общим отцом всего сущего. Именно он создал землю и воду в их нынешних формах и изобрел все искусства. Ему видимый мир обязан своим существованием, хотя и не своим происхождением. О нем рассказывали много порочащих историй, и его столько же проклинали за пороки жизни, сколько восхваляют за ее преимущества. Именно он находит души для всех существ и сохраняет их дух, когда тело разлагается.

Мы не должны закрывать глаза на истинное значение таких мифов из-за часто материальных, грубых и вульгарных образов, под которыми они представлены. Действительно, если они будут должным образом поняты, мы можем объяснить и искупить многое из языческих легенд, которые Арнобий^[200] и другие отцы Церкви осудили с горьким и яростным осуждением. Нам

следует подумать, не являются ли они наивными символами, выбранными с грубой невинностью зла, чтобы объективно передать идею вечно обновляющейся жизни природы.

Эти размышления нам объяснить истинное значение тех объектов, из древних и дикие культы, которые хранятся в запертых комнатах музеев, в их секретных ящиках и завешены случаями. Их слишком легко истолковать как доказательства нечистоты и деградации. Такая интерпретация, к сожалению, расходилась бы с фактом.

Действительно, существовали, и часто, распущенные обряды, преднамеренные непристойности, практиковавшиеся под прикрытием религии беспринципными правителями и униженными священниками. Это были отчуждение и проституция религии. В подлинных и примитивных верованиях символы воспроизводства и передачи жизни были частыми и публичными и не ассоциировались с мыслями или актами разврата. Они были видимыми символами того Жизненного Духа, который, помимо всего прочего, был объединяющим инстинктом религиозного самовыражения.

Этот инстинкт побуждал человека повсюду звать к Богу как к Отцу, как к родителю всего сущего, “Всеродителю”, как его величают в орфических гимнах. В каждой расе, во все века молитвы людей возносились к “Отче наш, Сущий на Небесах”.

Если бы мы послушали грубого австралийца, то услышали бы, как он обращается к *папанг*, “Отец”; или *Мамин-гата*, или *мунган-наур*, “Наш Отец”, на своих различных диалектах. У мексиканских ацтеков это было бы *То-та*, “Наш Отец”; у американских племен севера - “дедушка” или “великий отец”; у брахманов Индии - *Пита*, “Отец”; у греков и римлян - *Dios Pater*, “небесный отец”; а у северных викингов - *Один*, *Всеобщий отец*.[\[201\]](#)

Но утверждалось, что существует важное различие между такими терминами и тем отцовством Бога, которое нас учили признавать. “В языческих религиях, - утверждает выдающийся писатель, - отцовство богов - это только физическое отцовство”; и это повторяют многие христианские богословы и комментаторы.[\[202\]](#)

Это утверждение легко опровергнуть. Оно не было бы сделано, если бы не религиозные убеждения. Этнологам хорошо известно, что слово “Отец” в первобытной жизни гораздо чаще являлось выражением уважения, применяемым к старшим, чем обязательно обозначало родство. Отец, *Пита*, у брахманов является одновременно Создателем, Хранителем и Разрушителем всего сущего и очень далек от физического происхождения[\[203\]](#); ни в американских, ни в австралийских мифах “небесный Отец” не идентифицируется как предок рода; среди зулусов наиболее проинструктированные миссионеры сообщают, что Ункулулу, “Отец” их вероучений, понимался не буквально, а только как “средство, помогающее расе возникнуть”[\[204\]](#); и это общий смысл термина в каждом случае, который я проанализировал.

В качестве своего рода грубой попытки выразить это понятным образом мы обнаруживаем, что часто в примитивных мифах и искусстве бог, считающийся творцом, изображается или говорится как “андрогинный”, то есть относящийся к обоим полам сразу. К нему обращаются “отец-мать” или “мать-отец” — скорее бисексуально, чем несексуально по своей природе.[\[205\]](#) Такие выражения встречаются постоянно, и некоторые из наиболее нежелательных частей ритуала и идолопоклоннического искусства возникли из-за попытки перевести эту мистическую характеристику в объективные формы.

Однако остается верным, что сексуальная антитеза, то, что мифологи называют поклонением “взаимным принципам природы”, пронизывает суть почти всех религий, примитивных или развитых. В той или иной форме это импульс, который когда-либо наиболее сильно взывал к человеческому сердцу.

Чувство, которое привлекает представителей одного пола к другому, любовная страсть, превосходит все другие по силе, которую оно оказывает на индивидуальную жизнь. Это то, что в некоторых своих формах, грубых или утонченных, лежит в основе половины проявлений религиозного чувства. Мы можем проследить это от грубых истоков в генетических культах примитивных народов, через все более благородные и деликатные выражения, вплоть до жертвоприношений обоим полам, супругов Бога,[206] до тех пор, пока в своем полном расширении оно не достигнет совершенного *агапе*, где союз человека с божественным в вечной жизни, здесь, на земле, не будет достигнут. или за его пределами, как полагают, было достигнуто одно и то же.[207]

Этот самый возвышенный из всех религиозных мистических идеалов есть не что иное, как результат постепенной эволюции от тех низких начал, которые, как я упоминал, заметны в большинстве примитивных религий.

Это зрелое проявление той глубокой психической истины, которая так бесподобно выражена в строках философа-поэта Кольриджа:

“Все мысли, все страсти, все наслаждения,

Что бы ни двигало этим смертным телом,

Все они всего лишь служители Любви,

И подпитай его священное пламя.

ЛЕКЦИЯ V.

Примитивное религиозное выражение: в обряде.

Содержание:—Ритуал подражания богам—Магические обряды—Разделение обрядов на I. Общинные, и II. Личные. I. Общинные обряды: 1. Собрание—Литургия—2. Праздничная функция—Радостный характер первобытных обрядов—Симбионтность—“Церемониальный круг”—Маски и драмы —3. Жертвоприношение — Ранние и более поздние формы —4. Общение с Богом —Языческие евхаристии. II. Личные обряды: 1. Относящиеся к рождению —Обеты и крещение —2. Относящиеся к наречению—Личное имя—3. Относящийся к половому созреванию — Инициация мальчиков и девочек — 4. Относящийся к браку — Брак “путем захвата” и “Покупки” -5. Связанные со смертью—Ранний каннибализм—Надгробные памятники—Погребальные церемонии—Способы погребения—Обычаи траура.

Мы видели, как религиозное чувство находит выражение в Слове и в Предмете. Остается рассматривать его как проявление в Действии. Это известно как обряд или Ритуал. Это комбинация форм и церемоний, известных в совокупности как богослужение.

Это настолько важно, что один выдающийся немецкий авторитет объявил ритуал “источником всех религий”[208]; и доктор У. Робертсон Смит, также глубоко изучающий предмет, утверждал, что “при изучении древних религий мы должны начинать не с мифа, а с ритуала”; потому что, добавляет он, “почти в каждом случае миф был заимствован из ритуала, а не ритуал из мифа”. [209]

Если я не следую этим авторитетам, то это потому, что мои собственные исследования привели меня к иному мнению, чем у них. Я считаю, что каждый обряд изначально основан на мифе. В более поздние времена этот миф часто затемнялся или терялся, и для объяснения обряда придумывался другой; и именно это второе развитие ввело в заблуждение авторов, которых я цитировал.

Доказательство, которое убедило меня, состоит в том, что в действительно примитивных условиях ритуал постоянно является имитацией предполагаемых деяний бога; или это средство вызова его в соответствии с общепринятыми утверждениями; или это метод общения с Божественным, явно основанный на фактах внушения и подсознательной ментальности. Иногда это магическая процедура для сдерживания божеств, но в примитивных условиях это редкость. [210]

Имитационное происхождение обрядов хорошо проиллюстрировано использованием для “вызывания дождя”, одного из самых распространенных из всех. В периоды засухи “Индеец, вызывающий дождь, взбирается на крышу своей хижины и, энергично гремя сухой тыквой с камешками, символизирующими гром, разбрасывает воду через тростинку на земле внизу, как, по его представлению, это делают духи бури в облаках”. [211]

Аналогичный австралийский обряд. Женщины племени возводят хижину из листьев и веток, в которую кладут несколько камней. Входят мужчины, и пока одни разбрасывают в воздухе птичий пух, другие наносят себе удары по рукам и позволяют крови капать на камни. Затем их развешивают высоко на деревьях, а хижину сносят. Символизм заключается в том, что хижина олицетворяет небесный свод; пух - легкие перистые облака, предшествующие грозе; камни - тяжелые дождевые тучи; капающая кровь - оплодотворяющий дождь. [212] Это снова имитация их мифа о сотворении дождя небесными силами.

Очень многие обряды носят такой характер. Другие, опять же, носят характер приглашения божеству, основанные на верованиях и рассказах о его предполагаемых действиях или обычаях. У майя на Юкатане, например, было божество, несомненно, солнечного характера, носившее имя “Око дня”. В мифе говорилось, что он имел форму птицы с блестящим оперением и что он был ближе всего к земле в полдень в день летнего солнцестояния. Поэтому в то время они соорудили алтарь на открытом месте, развели на нем костер и положили священные приношения. Затем люди стали свидетелями того, как великолепный попугай, священный *ара*, спустился по воздуху, чтобы взять подношения, который был не кем иным, как самим богом, откликнувшимся на приглашение. [213]

Магический класс обрядов был распространен на Востоке. По сей день в Китае считается, что если военный лагерь разбит в определенной форме и при соответствующих благоприятных

условиях, то он не только неприступен для врагов, но и ни боги, ни демоны не смогут одолеть его. Таким образом, многие более поздние ритуалы являются магическими или содержат в себе магические элементы, с помощью которых исполнитель утверждает, что контролирует божественные силы.

Мексиканский нагуалист, или священник, например, после того, как он совершил свои магические ритуалы и произнес слова силы, без колебаний восклицает: “О! Я сам здесь! Я в ярости! Я поднимаю самый громкий шум! Я никого не уважаю! Даже палки и камни дрожат передо мной! Какой бог или могущественный демон осмелится встретиться со мной лицом к лицу?”[214] Здесь, благодаря силе обряда, исполнитель стал одним из самих богов.

Эти примеры далее служат иллюстрацией фундаментального различия в самих обрядах. Это было хорошо выражено немецким писателем доктором Фрейхольдом, который сказал, что их тенденции указывают на одну из двух целей: либо низвести бога до людей, чтобы “Бог был с нами”; либо возвысить человека до Бога, наделить его сверхъестественными способностями. Кульминацией одного является богоявление, другого - апофеоз. Цитируемый автор считает, что эта особая кульминация той или иной из этих тенденций в значительной степени зависит от расы, что это этническая черта и объясняет многое другое, неясное в историческом развитии религий.[215]

Не вдаваясь в это интересное, но слишком обширное исследование, я замечу, что эти две тенденции тесно связаны с разделением обрядов, которое я приму, разделением, основанным на сравнении большого числа обрядов, которые я классифицировал при изучении примитивных религий.

Это разделение также двоякое. Оно охватывает, во-первых, все те обряды, которые в первую очередь предназначены для блага общества; и, во-вторых, все те, которые в первую очередь предназначены для блага отдельного человека. Первые я буду называть *общинными*, вторые - *личными* обрядами.

Тем более необходимо, чтобы я настаивал на этом различии, потому что оно было упущено из виду и даже отрицалось некоторыми выдающимися учеными. Доктор Робертсон Смит, например, с которым я ранее был вынужден не соглашаться, отказался признавать личное богослужение в примитивных условиях. Он писал так: “Именно сообщество, а не отдельный человек, было уверено в помощи своего божества”. Индивид, добавляет он, был вынужден прибегнуть к чисто магическим мерам для своей собственной защиты.[216]

Этому утверждению противоречат почти все известные мне примитивные религии; и объяснить его можно только сосредоточенностью ума автора на такой своеобразной вере, как вера древних евреев.[217]

I. Общинные обряды, направленные на благо общины, большой или малой, можно разделить на четыре формы: 1. собрание; 2. праздничная функция; 3. жертвоприношение; и 4. общение с Божественным.

1. *Собрание*.—Из них в первую очередь следует рассмотреть *собрание*, поскольку оно является необходимым условием любого общинного богослужения. *Экклесия*, собрание, собиране

вместе, конгрегация, имеет гораздо большее значение, чем просто цель единства во внешней функции. Это средство, с помощью которого на разум воздействует самое мощное средство религиозной жизни, *коллективное внушение*. Это инстинктивно признавалось каждой религией, и особенно учителями-мистиками, как необходимый элемент в распространении доктрины.

Действительно, странно влияние “толпы” на индивида, когда она воодушевлена глубокими чувствами, позитивной верой, интенсивной деятельностью! Даже самому спокойному уму трудно не прийти в восторг от заразных импульсов собрания, подбрасываемого волнами диких религиозных эмоций. Его головокружительная страсть выводит тех, кто поддается ей, за пределы своих чувств, в некое возвышенное, сверхчувственное состояние, где разум шатается, а реальность меркнет. Нам достаточно понаблюдать за активным “пробуждением” или истерическими вспышками старомодного “лагерного собрания”, чтобы убедиться в этом.

Эти эффекты ускоряются и усиливаются Литургией, отзывчивыми песнопениями, музыкой, танцами рука об руку, прикосновением плоти, и опьянением дыхания дыханием — всем тем, что теологи классифицируют как *анафору*, движение ума вперед через разнообразные формы чувственного выражения.^[218]

Все это прекрасно знакомо первобытным религиям. Среди грубых племен наших Западных равнин, например, дакотов и чипуэв, тысячи людей собираются на ежегодные фестивали, чтобы объединиться в общем богослужении и церемониях. Первые миссионеры в Мексике сообщают, что это было обычное зрелище - видеть, как шесть или семь тысяч туземцев двигаются как один человек в раскачивающихся фигурах священных танцев; и было легко умножить примеры. Повсюду была общепризнана религиозная ценность богослужения.

2. Праздничная функция. — Я уже упоминал о том факте, что, хотя страх перед демонами и привидениями в целом преобладал в ранних религиях, их преобладающий характер отнюдь не всегда был мрачным.

На ранних этапах публичные религиозные церемонии сопровождалась атмосферой радости. Это празднования дня благодарения и веселья, которые все еще существуют среди нас в виде бледных пережитков в наших домах, где собирают урожай, рождественские праздники и увеселения в преддверии Пасхи. В древних греческих и римских обрядах это еще более заметно. “Поклоняйтесь богам с радостным сердцем”, - предписывает Цицерон; и, верные этому правилу, римляне включали в число своих актов поклонения такие ободряющие дополнения, как театральные представления, скачки, игры и танцующих девушек. Не допускалось никаких признаков траура, не допускалось ни слова скорби, и предписывалось сохранять безмятежное настроение, радостное выражение лица и яркие одежды, чтобы веселье по случаю не уменьшалось.^[219]

В этом не было ничего особенного для римлян. То же самое, как хорошо известно, относится и к грекам; Якоб Гримм является нашим авторитетом в том, что религиозные обряды древних германцев были, как правило, веселыми, а те, которые были наиболее веселыми, были “самыми ранними и обычными”; в то время как Робертсон Смит свидетельствует о том, что ранние семитские церемонии также были веселыми и праздничными, переходя временами в поистине оргиастический характер.^[220]

Вероятно, большинство из нас испытает некоторое удивление, когда эта черта ранних языческих религий привлечет наше внимание. Мы привыкли слышать об их темных и жестоких тайнах, об их жертвоприношениях и холокостах, об их криках страдания и окровавленных алтарях, пока не вообразили, что беззаботное веселье было еще дальше от их учения, чем от нашей собственной веры, кардинальным принципом которой является святость страдания и самоотречения.

Ничто не может быть дальше от истины. Вероятно, первым из всех публичных богослужебных обрядов была радость, а именно приглашение богу присутствовать и принять участие в трапезе. Накрывать на стол и просить божество разделить трапезу, то, что называется *совместительством*, относится к самым архаичным церемониям. Капитан Кларк говорит нам о западных индейцах, что “пиршества составляют неотъемлемую часть каждой церемонии”. В них наблюдается определенная торжественность, даже если они не носят строго религиозного характера. Первый кусок предлагается богам, и обычно человек начинает и заканчивает трапезу “чем-то вроде благодати”.[\[221\]](#)

От этого был всего лишь шаг до чисто религиозных банкетов, праздничных поминок в честь дня благодарения в знак признания полученных благ. Они произошли от более древней практики просить бога разделить с ним общую трапезу, а не, как утверждают некоторые, от более позднего обычая предлагать пищу идолам. Такие торжественные банкеты устраиваются там, где идолы неизвестны или являются второстепенным элементом религиозного самовыражения. Жертвенные банкеты проходят в другой фазе, о которой я сейчас расскажу.

Следующим в древности после соразмерности Бога и человека была священная процессия, известная как “церемониальный круг”.

Якоб Гримм сообщает нам, что древние германцы имели обыкновение в определенное время года носить изображения богов, Хольды, Берты и других, или священные символы, такие как плуг, корабль и т.д., По границам или пограничным полосам территории племени, на которой они находились для особой защиты. Таким образом, они даровали этим границам активную благодать своего личного присутствия. Это божественное продвижение сопровождалось криками, песнями и радостными возгласами.[\[222\]](#)

По сей день в центральной Франции, когда весной сеют семена и земледелец доверяет свой труд и зерно неуверенному сезону, образ Богоматери Милосердия торжественно проносят по подготовленным полям с песнями и молитвами, чтобы ее благословение снизошло на них и урожайность возросла во сто крат.

Далеко от Франции и Германии, в холодных долинах перуанских Анд, когда местные жители привыкли опасаться за свой урожай смертоносных заморозков или иссушающей засухи, священную *уаку*, божественную хранительницу деревни, извлекли и пронесли в торжественной процессии по полям, и ее заступничества просили трогательными криками и обильными дарами.[\[223\]](#)

Можно было бы привести бесчисленное множество других примеров этого универсального обряда, тень которого до сих пор падает на нас в процессиях и молитвах высших протестантских церквей. У первобытных народов и в фольклоре современных народов она развивается в

формы, известные как “нижний и правый контуры”, в зависимости от того, идет ли процессия справа налево или наоборот, что, несомненно, связано с движением небесных тел и с обратным ходом этого движения, каждое из которых соответствует определенным формам поклонения. У всех американских племен этот момент всегда имеет величайшее значение и постоянно проявляется не только в их религиозных обрядах, но и в их социальных обычаях, искусстве и образе жизни.[\[224\]](#)

Я упоминал, что древние римляне считали театральные представления неотъемлемой частью религиозной церемонии. Они были не одиноки в этом. На самом деле, это мнение было настолько всеобщим, что исследователи литературного происхождения согласились с тем, что начало драмы, как комедии, так и трагедии, было положено священными сценическими изображениями предполагаемых деяний богов. Мы можем распознать самую раннюю форму драмы в актерах в масках, исполняющих медицинские танцы американских индейцев. Обычно они играют роль какого-нибудь низшего животного, комического или серьезного, лицо скрыто либо частью его шкуры, либо деревянной маской, на которой нарисовано какое-то подобие или символ животного. Язык актера соответствует его роли и часто включает любопытные модификации обычного языка, чтобы соответствовать существу, которое он представляет.[\[225\]](#)

Задолго до открытия Америки Колумбом коренные племена Мексики, Гватемалы и Перу развили из этого источника драматическую литературу, которая, подобно литературе раннего греческого классического периода, сбросила свои первоначальные чисто религиозные одежды и превратилась в самостоятельное искусство, в равной степени посвященное Мельпомене и Талии, музам трагическим и комическим.

Эти последние, из которых сохранилось несколько экземпляров, были экзотическими растениями по сравнению с местными растениями американских священных драм. Они действительно стали настолько важными для местных представлений о поклонении любого рода, что христианские миссионеры были вынуждены пойти на компромисс и позволить им остаться, просто заменив имена языческих богов именами христианских святых и изменив, при необходимости, формулировку более старого текста и его языческий *сценарий*.

Крайность этих праздничных ликований проявляется в оргиастических церемониях, столь широко распространенных в ранних культах, вакханалиях, Сатурналиях, “Шабашах ведьм” средневековья и тому подобном. Они не являются чем-то особенным для примитивных религий, хотя и занимают в них более заметное место. В течение года “танцоры-ангелы” из Хобокена, штат Нью-Джерси, воспроизвели их в их истинных оригинальных цветах, и они всегда готовы проявиться под влиянием соответствующих стимулов для религиозных эмоций.

В своих самых ранних формах они далеки от того, чтобы заслужить ту ненависть, которая возникла к ним позже. Поначалу греческие вакханки были не сборищем распутных женщин, а вдохновенным сборищем благочестивых дев и целомудренных матрон. Никому не разрешалось вступать в ряды под страхом смерти. Это было верно также в Риме, на Востоке и у многих племен Америки. Это было более позднее и пагубное нововведение, санкционировавшее безудержное смешение полов в этих диких процессиях опьяненных фанатиков. Однако их опьянение было вызвано божественным духом, а не фиолетовым виноградным соком. Они были, как говорили

греки, “теолептиками”, одержимыми или взбешенными сводящей с ума радостью богов, опьяненными небесной амброзией.

По нашим холодным наблюдениям, они были в истерической мании, с умами, помутившимися от религиозного возбуждения, доведенными до высокой заразной степени коллективным внушением, безумно следуя беспорядочным фантазиям своего подсознания, ошибочно принимая их за вдохновение божественных эманаций.

3. Жертвоприношение.—В обычае предлагать божественному посетителю часть пищи и питья мы обнаруживаем происхождение жертвоприношения. Это слово приобрело печальные ассоциации, встречающиеся в нашем обычном выражении “приносить жертву”, которое означает некую болезненную самоотдачу.

Это было чуждо его первоначальному значению. Поначалу жертвоприношение было добровольным подношением, приятным и благодарным признанием доброты божества. Первые плоды, молодой козленок, самый ранний созревший початок кукурузы, были предложены благодетельному существу, которое послало их на благо человека. Это было добровольное признание, которое мы оказываем доброму другу. Самый ранний вид жертвоприношения носит характер благодарственного подношения. Они принадлежали к классу, который был назван “почетным”, и представляли собой немногим больше, чем “блюда, предлагаемые божеству”.[\[226\]](#)

Я могу проиллюстрировать это на примере обычая папуасов Новой Гвинеи. Будучи почитателями предков, они верят, что все хорошее в жизни происходит главным образом благодаря постоянной заботе их усопших прародителей. Поэтому, чтобы засвидетельствовать свою благодарность, раз в несколько лет они выкапывают черепа этих умерших родственников, разрисовывают их мелом, украшают перьями и цветами и, водружая на эшафот, предлагают им еду и безделушки.[\[227\]](#)

В этом обряде нет ничего страшного, ибо он проводится по случаю веселого праздника.

Однако вскоре, по мере развития культа, стало ясно, что потерь и несчастий стало больше; боги стали безразличны к своим приверженцам или разгневались на них. Их необходимо умиротворить и умиловать. Отсюда возникла вторая форма жертвоприношений, которые называются “примирительными” или “святотатственными”.[\[228\]](#) Они были искупительными по значимости, мистическими по своему символизму, искупительными по своим целям. Боги были недовольны тем, что человек сделал или не успел сделать, и они должны были примириться со смирением и самоотречением.

При этом первобытный поклоняющийся действовал по отношению к своему божеству точно так же, как он поступил бы по отношению к земному начальнику, чье неудовольствие он навлек на себя. Не было введено никаких новых чувств или направлений действий. Обряд жертвоприношения на любой из его фаз не предлагает ничего, кроме общих мотивов человечества.

Наиболее распространенной причиной ранних жертвоприношений было желание искупить нарушения церемониального закона. Независимо от того, произошло это намеренно или нет,

считалось необходимым загладить вину каким-либо болезненным действием, чтобы умиротворить демоническую силу, стоящую за законом.

Естественно, чем больше самоотречения проявляется в подношении, тем выше его ценность и тем эффективнее его характер. Древние германцы установили, что во время голода сначала следует убивать зверей и приносить их в жертву богам. Если это не принесло облегчения, тогда люди должны быть убиты; и если все еще не было помощи свыше, тогда вождь племени сам должен взойти на алтарь.^[229] ибо чем благороднее и дороже жертва, тем более довольны были боги!

Та же самая доктрина преобладала практически в большинстве примитивных религий и распространялась до такой же степени. Болезненные увечья самому себе, отрубание пальца, скарификация, протыкание языка шипами или плотью в другом месте, прижигание раскаленными углями, бичевание и ношение сокрушительных тяжестей: это лишь некоторые из многих ужасных страданий, которые человек сам себе причинил.

Таким образом, закаленный до боли в своей собственной персоне, он не знал предела тому, чтобы причинять ее другим. Попытки пленников или рабов, посвященные богам, распространенные в американских религиях, составляли часть религиозной ценности церемонии. Истинный верующий должен быть готов сдаться не просто пленникам и рабам, но членам своей семьи и крови, своим самым близким и дорогим, будь то его первенец или жена его сердца. Им двигали не бессердечие или жестокость, а повиновение тому закону сверхъестественного, который всегда претендует на главенство над всеми законами и всеми страстями естественного человека.

Следы человеческих жертвоприношений обнаруживаются в ранней истории даже самых благородных религий, и этот обряд распространился так широко, что едва ли можно назвать культ, в котором его не существовало.

Что делало их более общими, так это лежащее в их основе убеждение, что, даже если жертвоприношение будет достаточно возвышенным, богине смогут противиться ему. Они были ограничены его магической силой, и у них можно было вымогать все, что угодно, по их желанию или без него. Так и по сей день учат индуистские священники, и так считали древние римляне и различные первобытные народы.

4. Общение с Богом. — Идея искупления в святоотеческой жертве на самом деле заключается в том, чтобы быть *единым с богом*, вступить с ним в союз или причастие. Это, действительно, в значительной степени лежит в основе всех форм ритуалистического богослужения. Его цель, более или менее ясно провозглашенная, состоит в том, чтобы привести к духовному единству верующего и тех, кому поклоняются.

Несколько примеров из американских обрядов проиллюстрируют это.

У коренных жителей Никарагуа во время сбора кукурузы был обычай приносить человека в жертву богам урожая. Вокруг алтаря были рассыпаны зерна кукурузы. Над ними стояли верующие и с помощью кремневых ножей пускали кровь из самых чувствительных частей своего тела, капли падали на зерна. Затем их ели как священную пищу, часть жертвоприношения.^[230]

Нечто очень похожее было получено в Перу. Во время весеннего равноденствия всем иностранцам было приказано покинуть священный город Куско, где проживал инка. Приносилась в жертву человек, и непорочным “Девам Солнца” было поручено смешать его кровь с мукой и испечь из нее маленькие лепешки. Они были розданы народу и съедены, и по одному было отправлено в каждую святыню и храм королевства.^[231] Именно такой обряд преобладал у древних германцев. На жатвенном ужине дух зерна, который в последнее время представлялся в виде животного, а раньше был ребенком, был убит и съеден теми, кто помогал собирать урожай. Это был буквальный и телесный союз человека и бога.^[232]

Еще более понятной была похожая церемония ацтеков. Был выбран юноша, которому дали имя в честь бога. В течение нескольких месяцев исполнялось каждое его желание. Затем он был заклан на алтаре, и его свежая кровь была смешана с тестом, которое было разделено между верующими и съедено. Таким образом, они стали причастниками Божественной Природы.^[233]

Пугающее сходство этой церемонии как по форме, так и по замыслу с христианской евхаристией не могло ускользнуть от внимания испанских миссионеров. Они приписывали это злонамеренным внушениям дьявола, таким образом пародируя в жестоких и приниженных чертах священные тайны Церкви. Но психолог видит во всех них одну и ту же врожденную тенденцию, одно и то же стремление слабой человеческой души потянуться к Божественному Разуму и стать его частью.

II. Затем мы займемся личными ритуалами, направленными на благо личности.

Я уже отмечал, что в то время как племя или род в первобытных условиях совместно поклоняются одному или нескольким божествам, большинство религиозных актов индивида направлено к божеству, которого он может считать своим особым хранителем и другом. Это его бог-покровитель, его личный *δαίμων*, его “мистагог”, который не просто позаботится о благополучии своего человеческого подопечного, но и познакомит его с высшими и оккультными знаниями и силой.

Это личное божество раскрывает себя при рождении или может ожидать какого-то более позднего года или события в жизни, чтобы проявить свое имя и природу. Он может быть духом какого-нибудь предка, великого вождя или могущественного шамана; или же он может принадлежать к тем божествам, которые никогда не надевают смертных одеяний. Учителя ранних религий расходились во мнениях по этим пунктам, но почти все соглашались с тем, что каждому человеку был приписан какой-то такой ангел-хранитель или гений. От этих духов часто получали личные имена, и, чтобы ими не злоупотребляли, их обычно держали в секрете.

Эти верования слишком широко распространены, чтобы требовать подтверждения примерами. Вероятно, каждое американское племя разделяло их. Они известны в классической Греции и Риме. Финны и древние кельтские народы обладали ими в выраженных формах; и они сохранились у Святых-покровителей Римской церкви.

Главным образом, взрослые приносили им свои обеты в том, что касалось их личного благополучия; и многие из обрядов, которые я собираюсь описать, получают свое значение из связи с этой верой. Я классифицирую их как относящиеся: 1 - к рождению; 2 - к наречению; 3 - к половому созреванию; 4 - к браку; и 5 - к смерти и захоронению трупа.

1. *Обряды, связанные с рождением.*— Хотя непосредственный акт родов может и не причинить матери-дикарке серьезных страданий, появление на свет нового человеческого существа не считается чем-то незначительным. В своем описании индейцев пуэбло в Нью-Мексико миссис Стивенсон отмечает, что некоторые “из их самых священных и исключительных обрядов связаны с рождением ребенка”, и ее полный и точный отчет о них в ярком свете показывает, насколько торжественным считалось это событие.[234]

Во многих племенах считалось, что ребенок связан со своим отцом какими-то таинственными узами, более тесными, чем с матерью. У северных индейцев отец не будет взнуздывать лошадь или совершать различные другие действия в течение определенного периода времени после рождения своего ребенка, потому что, если он это сделает, он умрет![235] В обрядах Мексики и Южной Америки это воздержание от определенных работ перешло в странный обычай *кувады*. Дело заключалось в том, что после рождения ребенка *отец* слег в постель и оставался там несколько дней. Если бы он пренебрег этим, считалось, что ребенок умер бы или ему не повезло. По той же причине он должен был быть чрезвычайно осторожен со своим здоровьем и осмотрителен в своих действиях во время беременности жены, иначе пострадал бы нерожденный младенец.[236]

Не менее странными являются широко распространенные обряды и мнения, связанные с пуповиной. Поскольку она соединяла нерожденного младенца с жизнью матери, обычно считалось, что она сохраняет эту силу в мистическом смысле. Среди американских индейцев был распространенный обычай относить останки на расстояние и хоронить их, и в дальнейшей жизни человека стало обязанностью время от времени в одиночку посещать это место и совершать определенные церемонии.[237]

Таким образом, религиозная жизнь человека начиналась с его рождения. Нередко в то время священники устанавливали божественность его покровителя и назначали его, как у майя, так и у африканцев с реки Конго. У последних также было принято возлагать на новорожденного ряд “обетов”, или решений, касающихся его поведения в жизни. Это произвело впечатление на мать, которая сочла священным долгом воспитывать своего ребенка в повиновении им. Похожий обычай преобладал на Андаманских островах и в других местах.[238]

С этими обетами часто связывали обряд крещения путем окропления или погружения в воду. Даже среди грубых яганов Огненной Земли мы находим, что ребенка при рождении сразу же окунали в воду, не по санитарным, а по религиозным соображениям.

Древние жители Тенерифа считали необходимым, чтобы жрица официально оклеветала ребенка, прежде чем признать его членом семьи,[239] и некоторые подобные обряды были распространены во многих племенах. В каком-то смысле это было посвящение, как это было с неофитами мистерий Митры, которые, согласно Тертуллиану, крестились при поступлении в послушничество. С другой стороны, это, по-видимому, было очищением от унаследованного греха, и в этом смысле оно практиковалось науа в Мексике и кичуа в Перу. У майя Юкатана это было в обиходе и было известно под многозначительным названием “второе рождение”.[240]

2. *Относящийся к Названию.*Имя, как мы уже видели, рассматривалось как часть личности, одна из его форм или способов жизни. Как правило, его выбор был обусловлен религиозным моментом и сопровождался торжественными церемониями. У человека могло быть много имен,

но было одно, которое было взято у его или ее духа-покровителя или относилось к нему, и оно было святым, и им нельзя было пренебрегать.

У науа об этом обычно объявлял священник на седьмой день после рождения, но поскольку было бы нечестиво произносить это постоянно, для обычной беседы был нанят другой священник. Один из тех, кто долго жил среди алгонкинских детей, говорит, что их матери учат их не разглашать своих настоящих имен, чтобы тем самым они не оскорбили личного бога, который взял их под свою защиту.[241]

Когда младенцу у семинолов Флориды было около двух недель от роду, мать брала его на руки и трижды обходила общественную площадь деревни, громко называя данное ему имя; но это было не то имя, под которым он был известен позже; и “они всегда неохотно произносили его”. [242] У некоторых племен, как известно, По мнению чокто, идея ненормативной лексики существовала только в том случае, если человек сам произносил свое имя; так что “от него невозможно услышать это, если рядом нет знакомого, которого он попросит рассказать это за него”. [243] Аналогичные обычаи существуют в ранних религиях, и многие из них сохранились в современном фольклоре. [244]

В некоторых случаях американский индеец менял свое имя на имя друга или обращался к нему по имени; редкий и высокий знак дружелюбия, поскольку это означало, что получатель, таким образом, находился под опекой того же самого божества-покровителя. Этот обычай широко распространился по всему островному миру Тихого океана и среди многих первобытных народов. Его часто отмечали, но его особое религиозное значение обычно понималось неправильно.

То, что одни имена благоприятны, а другие - неблагоприятны, - это вера, присущая всему человечеству на примитивной стадии мышления. Но любопытно отметить, что, хотя обычно благоприятные имена имеют приятное звучание и благоприятный смысл, в Тонкине, Сиаме и некоторых других регионах предпочитают уродливые и неприятные имена, потому что они отпугивают злых духов. [245]

3. Обряды, связанные с половым созреванием. — В связи с важным кризисом в личной жизни, когда мальчик вступает в зрелость, а девочка становится женщиной, почти во всех первобытных племенах предписывается торжественный обряд, цель которого - подготовить ребенка к обязанностям более широкой жизни, которая у него вот-вот начнется.

Нельзя было бы подобрать лучшего примера для подобной церемонии, чем та, которая распространена среди южных племен Австралии. Это их главный публичный акт поклонения. Название, под которым он известен, - *Бора*, [246] слово, производное от пояса, который носят мужчины и который в то время носили юноши. Его празднование включает в себя обширные приготовления и занимает несколько дней. Молодежь подвергается суровым испытаниям, а иногда и ужасным увечьям. Их обучают святым именам и священным традициям; и когда они убедят старейшин в своей выносливости и верности, их признают мужчинами племени.

The *Бора* - это явно религиозная церемония. Говорят, что он был учрежден самим их главным богом Турамулуном и остается под его духовным руководством. Его обряды “связаны с идеей посвящения сверхъестественным силам”, а фигура бога, высеченная горельефом на земле в

костюме и позе священного танца, призвана символизировать его личное присутствие. Целью является воспитание человека, способного должным образом занять свое место в жизни племени; и один из самых умных английских обозревателей выражает свое убеждение, что “каждое правило поведения, которому подчиняется новичок, непосредственно направлено на достижение какой-либо цели, полезной для сообщества или предполагаемой таковой”.

На большей части территории Америки подобное посвящение требовалось от юноши, прежде чем он получал право на привилегии зрелости. Оно часто сопровождалось самыми болезненными испытаниями его мужества и выносливости. Его обнаженная спина была изрезана прутьями, его силы испытывались длительным голодом, в его плоть были воткнуты ремни, которые случайные прохожие вырвали.

Чаще всего мальчика отправляли одного в лес, и там, подвергаясь ненастной погоде, холоду, голоду и жажде, самоистязаниям и медитации, он ожидал божественного откровения, которое дало ему право называть себя мужчиной!

“Возможно ли, - восклицает интеллигентный путешественник, - услышать что-либо более странное, более удивительное, чем эти истории о неслыханных наказаниях и пытках, которым подвергаются мальчики тринадцати-четырнадцати лет просто ради идеи, мечты, исполнения религиозного долга?” Еще более удивительно, что на это способен не просто какой-то выдающийся юноша, но и то, что каждый молодой индеец без исключения проявляет такой героизм”.[\[247\]](#)

То же правило относилось и к девушке. Когда стало очевидно, что в истории ее жизни наступил период, когда она была способна выполнять священные обязанности матери, она либо удалилась в лес, чтобы там пообщаться наедине со своим духом-хранителем, либо, как у индейцев сиу, об этом стало известно в деревне, и ее родители объявили торжественный праздник. При этом какой-то почтенный священник обратился к гостям, “обратив внимание на священный и таинственный способ, которым природа объявила о том, что она готова принять на себя супружеские обязанности!”[\[248\]](#)

В этих церемониях, которые, можно сказать, принадлежали примитивным религиям всех времен, мы снова узнаем единственную идею, которая больше, чем какая-либо другая, пронизывала все их мифы и обряды, — идею Жизни. Именно потому, что мальчик и девочка, переходя в более зрелые годы, указывали на приобретение силы увековечивать и передавать Жизнь, в этом возрасте для них считалось необходимым отмечать эпоху ритуалами самого священного значения.

4. Обряды, связанные с браком.—Если понятие жизни, таким образом, вдохновляло обряды полового созревания, то еще более действенно оно влияло на те, которые касались брака.

Специальными исследователями было написано много о формах первобытного брака, и многое из того, что было написано, является лишь теорией, не подкрепленной реальным и глубоким знанием фактов.

В работах подобного рода часто встречается утверждение, что самой ранней формой брака вообще не было брака — просто промискуитет, - и что позже возобладала модифицированная

форма того же самого, известная как “общинный” брак. Ни в истории, ни в этнологии не было известно ни одного примера ни того, ни другого, и это лишь необоснованная гипотеза о том, что либо из них когда-либо преобладало в постоянном сообществе.

Первое, что мы обнаруживаем, - это семья, обычно сосредоточенная вокруг матери и прослеживающая происхождение только через предков по материнской линии. Это “матриархальная” система в отличие от “патриархальной”, поскольку последняя представляет собой ту, в которой отец является центром и главой семьи, и генеалогия прослеживается по его линии. Однако обе эти формы существовали, насколько нам известно, в совершенно примитивных условиях. Выбор той или иной формы был результатом местной случайности.

Первобытная семья, скрепленная теми или иными узами кровного родства, представляла собой тесную корпорацию. Он мог принимать посторонних, но после поступления они считались одной крови и происхождения. Его собственность была общей, его законы были установлены для всех, сами его боги были его собственными. В частности, правила, касающиеся брака, были предписаны со строгой формальностью.

Общая практика заключалась в том, что юноша должен был искать себе невесту из другой признанной семьи (рода или тотема) племени. Выбрать ее из числа своих ближайших родственников было преступлением столь тяжкого характера, что даже австралийский дикарь “не мог считать подобное возможным”, хотя в более поздних условиях этот искусственный барьер часто ослабевал.[\[249\]](#)

В матриархальных системах муж обычно переезжал жить в род жены, но не становился его членом. На него смотрели как на чужака. В некоторых австралийских и американских племенах он никогда не разговаривал напрямую с матерью своей жены и даже не смотрел на нее. Его дети не признавали в нем кровного родственника, и когда он состарился и стал бесполезен, ему пришлось заботиться о своем содержании о своей собственной семье, а не о собственном отпрыске.

Происхождение этих странных обычаев было строго религиозным. Они были проанализированы в том виде, в каком они существовали у многих народов, одним из самых способных немецких этнологов, и было показано, что их источник заключается в том, что боги одного рода никогда добровольно не допускают появления незнакомца в доме, за исключением обычных формул усыновления, которые предотвратили бы брак; следовательно, муж был и всегда остается иностранцем и нарушителем порядка в матриархальном доме. Бог его жены - это не его бог, и ее народ - не его народ.[\[250\]](#)

Сама церемония бракосочетания часто указывает на это. Авторами по этнологии много говорилось о “браке путем пленения”, и часто утверждается, что это наиболее распространенное явление среди первобытных народов и сохраняется в виде пережитков в более высоких условиях развития культуры.

Действительно, очень часто существует церемония, которая представляет собой насильственный захват и унос избранной невесты с применением большой силы. Но это не следует понимать как воспоминание о том времени, когда мужчина вышел и похитил девушку из какого-то соседнего племени, чтобы она стала его рабыней и женой. Я сомневаюсь, что в истинно тотемическом браке, рассматриваемом в отличие от сожительства, практиковался какой-либо подобный метод. Сегодня этого нет, даже среди австралийских чернокожих. Если

они крадут женщину, то сначала выясняют ее родство, и если она принадлежит к классу, на котором ее похититель не может жениться, согласно законам своего клана, он освобождает ее.[251]

Так называемый “брак по поимке” был либо признанной данью девичьей застенчивости, с помощью которой ее реальное или притворное сопротивление должно было быть преодолено достойным ее самой способом, — чувство, постоянно наблюдаемое как у низших животных, так и в современной жизни; либо это был метод умиротворения ее домашних богов, божеств рода, путем создания видимости принуждения и уступки силе со стороны девушки. Некоторые из северных племен Америки придерживались этих представлений вплоть до притворного сокрытия брака еще долгое время после того, как он был заключен. Муж был обязан проникать в дом своей жены ночью и тайно. Подойти к нему днем или показаться в ее обществе было бы вопиющим нарушением приличий.[252]

Вторая примитивная форма брака - это покупка. Это также гораздо менее распространено, чем предполагали многие авторы. Действительно, очень часто, как и в цивилизованном обществе, происходит обмен товарами одновременно с брачной церемонией или до нее. Но у нас это не считается куплей-продажей, когда отец американской девушки отдает свою дочь и миллион иностранному дворянину в обмен на титул, присвоенный невесте. На самом деле это может быть просто коммерческая сделка, но теоретически это не так.

Столь же мало распространен “брак по купле” среди большинства аборигенных племен, где он в моде. Обмен товарами часто является формой компенсации домашним богам за привилегию оставаться членом клана или за разрешение вступить в его ряды в качестве уполномоченного резидента.

Конечно, женщин покупали и продавали, как любой другой товар; они были частью добычи победителей и раздавались в качестве подарков или хранились для удовольствия. Но когда мы ограничиваемся рассмотрением строго тотемического брака, мы обнаруживаем, что даже у самых диких племен он обычно основывался на взаимной симпатии, что он заключался с санкции признанных семейных законов и что его ритуал был ритуалом религиозной церемонии.[253] Даже бедные бушмены верят, что законы, касающиеся брака, имеют божественное происхождение, приняты священным муравьедом и что их нарушение будет сурово наказано.[254]

Дары, сопровождавшие обряд, носили характер подношений. Церемонии люстрации и очищения, в которых священные элементы, огонь и вода, играли заметную роль, были общими, и установленные отношения по своей сути имели религиозное значение, а не просто светское значение.

5. *Относящийся к Смерти.* Привлекательный писатель, профессор Фрэнк Грейнджер, замечает в недавней книге: “Первое отношение первобытного человека к своим мертвецам, по-видимому, было отношением почти неприкрытого ужаса”. [255] Если бы мы могли так высоко ценить первобытного человека! Но мы не можем. Доказательств тому, что в самый ранний и грубый период истории человечества труп внушал так мало ужаса, что его почти всегда съедали оставшиеся в живых друзья, - горы! [256]

Мы можем ясно оглянуться назад, через коридоры времени, на ту стадию развития, когда смерть и мертвецы внушали человеку не больше ужаса или отвращения, чем сегодня среди плотоядных животных.

На протяжении всего периода культуры палеолита мы обнаруживаем чрезвычайно слабые следы какого-либо способа погребения, какого-либо уважения к мертвым.

Самые древние кладбища или надгробные памятники любого рода относятся к периоду неолита. Затем, кажется, до человека внезапно дошел весь смысл Смерти, и вся его жизнь стала не более чем *посмертной медитацией*, подготовкой к миру за гробом. То, что профессор Грейнджер говорит о древних римлянах, применимо к очень многим примитивным племенам: “По верованиям римлян, право на жизнь ценилось не выше, чем право на надлежащее погребение”.^[257]

Похоронные или заупокойные церемонии, которые часто так тщательно и тщательно выполняются в диких племенах, преследуют двоякую цель. Они в равной степени служат как на благо отдельного человека, так и на благо общества. Если ими пренебрегать или проводить их неадекватно, беспокойный дух усопшего не может достичь царства радостного покоя, и поэтому он возвращается, чтобы скрываться в своем бывшем доме и досаждать выжившим за их беспечность.

Поэтому именно для того, чтобы похоронить призрака, избежать гнева бестелесного духа, живые учредили и исполнили погребальные церемонии; в то время как в интересах индивидуума стало обеспечить выполнение тех обрядов, которые привели бы его собственную душу в обитель блаженных.

Они были столь же разнообразны, как мифы о загробном мире и фантазии о количестве и судьбе личных душ.

Наиболее распространенным из них был какой-то поминальный пир. Напрашивается неприятное предположение, что это пережиток привычки поедать сам труп. До самого недавнего времени этот обычай преобладал среди боливийских индейцев; и это считалось настолько желанным концом, что путешественник Д'Орбиньи рассказывает о старике, которого он встретил там, который сожалел о принятии христианства только о том, что его тело съедят черви, а не его родственники!

Более поздняя теория, однако, заключалась в том, что тогда сама душа получала пищу. Он духовно отведал яств и, таким образом, хорошо подкрепившись для своего долгого путешествия, отбыл в хорошем настроении вместе с теми, кого оставил позади. Та же идея привела к появлению во всем мире обычая снабжать его множеством предметов, помещая их в гробницу или сжигая на погребальном костре. Это распространялось не только на оружие, утварь, украшения и одежду, но нередко и на товарищей. На побережье Перу жены одного мужчины были сожжены заживо вместе с его трупом, а среди натчезов их били по голове и хоронили под теми же курганами.^[258] Я видел мумию женщины из племени Обитателей скал в Аризоне, держащей на руках тело своего младенца, который был задушен веревкой, все еще туго натянутой на его маленькую шейку. Очевидно, сочувствующие выжившие размышляли о том, как одиноко будет бедной матери на том свете без своего младенца, и решили, что его

душа должна сопровождать ее. В других местах убивали рабов или товарищей по оружию или убивали самих себя, чтобы они могли сопровождать какого-нибудь знаменитого вождя в его давний дом.

В этих погребальных обрядах захоронение трупа зависело от этнических особенностей, обычаев предков или инструкций священников.

Возможно, самым ранним было простое разоблачение. Тело оставляли в лесу на съедение зверям и птицам, как у индейцев каддо и других народов; или топили в воде, чтобы рыба выполнила ту же функцию; обычной целью было добыть кости с наименьшими трудностями. Самые древние из всех обнаруженных на сегодняшний день захоронений, обнаруженных в пещерах на юге Франции, носили именно такой характер, простое “разделение”, как это называется. Тело было просто положено в позе покоя на пол пещеры вместе с оружием и украшениями, которыми оно пользовалось при жизни.[\[259\]](#)

Следующей по времени, несомненно, была ингумация, погребение тела в земле или засыпание его, лежащего на поверхности, камнями и землей - могильный холм. Гомеровские греки, американские индейцы и племена всех континентов практиковали этот метод в разные эпохи, и тысячи курганов, воздвигнутых таким образом, сохранились и по сей день, свидетельствуя о религиозной серьезности этих древних народов. Огромные монументы, которые они иногда сооружали для своих умерших, пирамиды, дольмены и теокалли, с тех пор никогда не имели себе равных по величине или кубическому содержанию.

Другим и важным погребальным обрядом глубокой древности является кремация. Это было символично по своему характеру: тело предавалось огню для того, чтобы дух, благодаря их очищающему действию, был немедленно освобожден и соединен с богами. Этот метод также широко распространен среди американской расы и вполне соответствует их представлениям о загробной жизни. “Это единственная страсть его суеверия, - пишет мистер Пауэрс из “Калифорнийского индейца”, - думать о душе своего ушедшего друга как о освобожденной и очищенной пламенем; не привязанной к разлагающемуся телу, но возносимой на мягких облаках дыма к прекрасному солнцу”.[\[260\]](#)

Другие народы придерживались мнения, что тело таким, какое оно есть, во всех его частях, должно быть сохранено, чтобы оно могло снова стать обитаемым для души, когда эта эфирная сущность вернется на землю из своих небесных странствий. Поэтому с предельной осторожностью они искали средства сохранить плотское жилище. В Виргинии, в некоторых частях Южной Америки, на островах Мадейра, аборигены высушивали трупы на медленном огне до состояния, не поддающегося разложению; в то время как в других местах азотистая почва пещер служила естественным средством бальзамирования. Аляскинские и перуанские мумии, как и мумии древнего Египта, были искусственно подготовлены и завернуты в многочисленные скатерти. В целом, преобладающим мотивом была одна и та же вера в буквальное воскресение плоти.

В более общем плане считалось, что душа каким-то образом остается прикрепленной к костям. Их тщательно очищали и либо консервировали в доме, либо хранили в оссуариях. Часто их хранили как амулеты или талисманы, полагая, что дружелюбный дух, одушевляющий живого человека, будет продолжать парить вокруг его скелета или черепа и проявлять свою

дружелюбную силу. Перуанцы считали, что кости их умерших священников были оракулами, дающими добрый совет, и миссионеры были вынуждены разбить их на мелкие фрагменты, чтобы развеять это суеверие[261]; хотя сами они продолжали считать еретическим сомневаться в действенности костей святых! Одно племя на Ориноко имело обыкновение растирать кости своих умерших в порошок и смешивать его с маниоковым хлебом, считая, что таким образом их друзья и родители снова оживают в телах пожирателей!

После кремации пепел оставляли на алтаре и целиком засыпали землей; или его хранили в урнах вместе с фрагментами костей; или, как в случае с племенем Амазонок, его бросали в воды великой реки и уносили в бескрайний океан.

Так завершилась последняя сцена в существовании первобытного человека. От рождения до смерти он был окружен церемониями своей религии и управлялся ими; и, уходя из этой жизни, он уверенно искал другую, в которой мог бы найти компенсацию и утешение за горести своего нынешнего положения.

Вслед за этими погребальными церемониями появились обычаи траура. Они часто были чрезмерно длительными и тяжелыми, включали членовредительство, такое как отрезание пальца или уха, скарификацию, бичевание, голодание и стрижку волос. Ими делились друзья и родственники умершего, и после смерти какого-нибудь знаменитого вождя “все племя падет ниц перед их горем”.

Психическое объяснение этих проявлений не совсем ясно. Одними они были истолкованы как смягчение наказания за каннибализм, а другими - как оправдание того, что они не сопровождают труп в мир иной. Один писатель говорит: “Варварство, предавшееся скорби, находит физические страдания облегчением от душевных мук”. [262] С другой стороны, недавний исследователь предмета утверждает, что в этих ритуалах мы видим “древнейшее свидетельство активной совести в человеческой расе; индивид накладывал на себя руки, чтобы восстановить моральное равновесие”. [263] Нужно ли нам идти дальше, чем видеть в них просто преувеличенные формы тех же эмоциональных вспышек, которые повсюду побуждают нервных людей заламывать руки и рвать на себе волосы в моменты сильного горя?

ЛЕКЦИЯ VI.

Линии развития первобытных религий.

Содержание:—Языческие религии не совсем плохи —Их направления развития связаны с: 1. Примитивными социальными узами — Тотемом, жречеством и Законом; 2. Семей и положением женщины; 3. Развитием юриспруденции—Суровыми испытаниями, битвой, клятвами и правом убежища —Религия анархична; 4. Развитием этики—Дуализм примитивной этики—Противопоставление религии этике; 5. Прогрессом позитивного знания — Религия *против* науки; 6. Развитием искусств —Стремление к красоте и Совершенство—Цвет-Символизм, Скульптура, Метр, Музыка, Ораторское искусство, Графические методы—Полезные искусства, Архитектура; 7. Независимая жизнь индивида —Его Свобода и Счастье —Внутренние

этапы прогресса: 1. От Объекта к Символу; 2. От Церемониального закона к Личному Идеалу; 3. От племенной концепции религии к Национальной — Заключение.

В христианском мире всегда было и остается преобладающим убеждение, что языческие религии не могут оказывать и никогда не оказывали никакого благотворного влияния на своих приверженцев.

Это мнение также отстаивали некоторые современные и выдающиеся авторитеты в этнологии, как, например, покойный профессор Вайц.^[264] Это любимое учение в миссионерских обществах и в трудах путешественников, которые внимательно наблюдают за недостатками других религий.

Я никогда не мог разделить такую точку зрения. Самые низменные религии, по-видимому, содержат в себе элементы, которые существуют в самом зрелом и благородном виде; и эти элементы действуют во благо везде, где они существуют. Какой бы грубой ни была форма веры в силы, стоящие выше сил материального мира, в более высокий закон, чем тот, который, по общему признанию, является исключительно человеческим деянием, и в стандарт долга, предписываемый чем—то более высоким, чем непосредственная выгода, - такая вера должна побуждать индивида где бы то ни было к благотворной самодисциплине, которая неуклонно поднимет его над чисто животными инстинктами и наполнит более благородными представлениями о целях жизни.

Когда он почувствует себя под защитой какой-то невидимой, но всегда близкой благотворной силы, его эмоции благодарности и любви будут стимулироваться; и когда он признает в церемониальном законе божественное предписание о его собственном благополучии и благополучии своего племени, он с радостью подчинится строгостям его дисциплины.

Различные направления развития, которые были таким образом обозначены и продолжались под влиянием ранней религиозной мысли и которые способствовали ее развитию, заслуживают подробного указания, поскольку они, как правило, упускались из виду или понимались неправильно.

Для удобства изложения их можно разделить на семь разделов, поскольку они были связаны с: 1. первобытными социальными связями; 2. семьей и положением женщины; 3. Развитием юриспруденции; 4. Развитием этики; 5. прогрессом позитивных знаний; 6. Развитием искусств; и 7. Независимая жизнь индивида.

Это основные элементы этнологии; и по мере того, как они развивались к более высоким формам и более тонкой специализации, частично под влиянием религии, они, в свою очередь, отражали в ней свой более яркий блеск, и таким образом был обеспечен симметричный рост более богатой культуры.

1. Первым, что следует назвать, должно быть построение первобытного общества. Это было по сути религиозным. Я уже подчеркивал, насколько всецело дикарь связан своей верой, как она проникает почти в каждое действие и мысль его повседневной жизни. Это может быть проиллюстрировано его ролью в четырех очень ранних и широко существующих формах социальных связей — тотеме, священном обществе, жречестве и церемониальном законе.

Тотемная связь, о которой я говорил ранее. Он существовал у многих американских и австралийских племен, и его пережитки можно обнаружить у ранних народов Европы, Азии и Африки. Его конституция была откровенно религиозной. Предполагаемый или “одноименный” предок тотема был мифическим существом, своего рода божеством. О нем знали только через откровение, либо в видениях, либо через утверждения старейшин клана, и в последнем случае миф был источником их отношений. Теоретически, все члены тотема были родственниками, “одной крови”, и многочисленные обряды, связанные с пролитием крови, как правило, символизировали это учение.[265]

У различных племен, как у сиу и в Полинезии, тотем не преобладал. Его место заняли общества, священные по своему характеру, члены которых были тесно связаны друг с другом какими-то сверхъестественными узами. Как говорят наши индейцы, у всех членов “было одно и то же лекарство”. Отношение, которое эти общества поддерживают к племени, не отличается от отношения к тотемам в других местах.

Почти у всех первобытных народов жречество оказывает мощное влияние на сохранение единства племени, представляя собой непоколебимую оппозицию внешнему контролю. Это хорошо известно христианским миссионерам и вызывает у них горькое негодование. Эти шаманы и “знахари” являются самыми стойкими противниками цивилизации и христианства; но следует помнить, что тот же консерватизм с их стороны на протяжении веков был главным средством предотвращения распада племен. Хотя мы сожалеем, что они сопротивляются добру, мы должны признать ценность их заслуг перед своим народом в прошлом.[266]

Церемониальный закон принадлежит, как я уже говорил в другом месте, к первичным формам религии. Это в полной силе, как среди минкопи и яхганов, где трудно воспринять какую-либо другую форму религиозного выражения. Все считают его божественным по происхождению, переданным в снах или видениях сверхъестественными посетителями, следовательно, превосходящим все человеческие действия. Она определяет надлежащее поведение человека и предписывает, что ему разрешено, а что запрещено. Повиновение ему постоянно прививается под угрозой самых суровых наказаний.

Это основные силы, сформировавшие самые ранние известные нам человеческие общества и, можно сказать, впервые создавшие само общество. Все они отчетливо религиозны, и их рассмотрение обязывает нас признать правильность утверждения выдающегося итальянца, профессора Тито Виньоли: “Нет общества, каким бы грубым и примитивным оно ни было, в котором все отношения, как индивида, так и общества в целом, не были бы явно основаны на суевериях и мифических верованиях”.[267]

2. Возможно, раньше, чем любая определенная социальная организация, существовали семейные узы, объединявшие людей одного родства. Это основывалось на браке, религиозный характер которого даже у самых грубых племен я подробно рассматривал в предыдущей лекции. Затем я объяснил матриархальную систему, распространенную у столь многих диких народов. Это неизбежно возвышало положение женщины, наделяя ее титулованным положением главы дома и часто фактическим правом собственности на семейное имущество.

Общепринятой истиной в социологии является то, что мы можем оценить тенденции данного общества к прогрессивному росту по положению, которое оно отводит женщине, по количеству свободы, которую оно ей предоставляет, и по тому уважению, которое оно оказывает ее особым

способностям. Религии, которые, подобно мусульманству, отводят женщине очень второстепенное место в жизни, полностью второстепенное по сравнению с мужчинами, пагубно сказались на развитии народов, принявших их.

В некоторых диких племенах женщина - всего лишь движимое имущество или рабыня, лишенная фактического участия в религиозных обрядах. Но это относится далеко не ко всем. Например, у готтентотов, которые, когда их впервые обнаружили, были народом уважаемой культуры, мужчина не может принести более высокой клятвы, чем поклясться своей старшей сестрой; и его религия внушает такое уважение, что он никогда не заговаривает с ней, если она не обратится к нему первой.[\[268\]](#)

Более тонкая нервная организация женщин особым образом приспособливает их к восприятию тех подсознательных состояний, которые являются психическими источниками вдохновения и откровения. Поэтому в примитивных религиях они очень широко занимали положение провидиц и жриц и почитались в соответствии с этим. В прежние времена среди даяков Борнео все признанное жреческое сословие составляли женщины. Предполагалось, что их тела были избранным местом жительства сангсангов, красивых существ, дружелюбных к мужчинам. Эти вдохновенные женщины, которых звали Билиан или Борич, были подвержены теоплептическим припадкам, во время которых они давали советы, предсказывали будущее, декламировали ритмичные песни и т.д. На них не было никаких ограничений в поведении, поскольку считалось, что то, что они делали, было подсказкой бога. Их влияние было настолько сильным, что, когда в наши дни мужчины тоже стали священниками, они были вынуждены носить женскую одежду.[\[269\]](#)

Сиамцы также придерживаются этого мнения. Их боги говорят устами какой-нибудь избранной женщины. Когда она чувствует приближение визита духа, она облачается в красивое красное шелковое одеяние, и когда божество входит в нее, она рассказывает о другом мире, рассказывает, где можно найти потерянные предметы, и тому подобное. Собравшаяся компания поклоняется ей, или, скорее, богу в ней. Выйдя из своего теопневматического транса, она заявляет, что полностью не осознает того, что произошло.[\[270\]](#)

Американские индейцы, как правило, признают за своими женщинами высокое положение в своих религиозных мистериях. У алгонкинов были такие же знаменитые “женщины-знахарки”, как и знахари-мужчины, и то же самое было верно в целом. Мистер Кушинг говорит мне, что среди зуни есть только один человек, который является членом всех священных обществ и, следовательно, знает все секреты, и этот человек - женщина.

Когда Вотан, легендарный герой Тзенталов Чьяпаса, покинул их в своем долгом путешествии, он поместил свой священный прибор и магические свитки в пещеру под присмотром верховной жрицы, которая должна была назначить своего преемника того же пола до его возвращения. Тайна была тщательно сохранена, и преемники были назначены более чем на сто пятьдесят лет после их обращения в христианство; пока в 1692 году, по случаю визита епископа в деревушку, где жила жрица, она не раскрыла эту историю, и святые мощи не были сожжены.[\[271\]](#)

Двадцать лет спустя, словно в отместку за это, тзенталы восстали всем скопом, их предводительницей была вдохновенная пророчица из их племени, двадцатилетняя девушка, горящая энтузиазмом изгнать испанцев с этой земли и восстановить поклонение древним богам.[\[272\]](#)

В ранних религиях довольно часто можно встретить множество обрядов, таких как танцы и жертвоприношения, которые совершают только женщины и на которые *табу* для любого мужчины. Это естественно возникает в тех культах, где божества делятся по половому признаку на мужские и женские. Таковы по своему происхождению были вакханалии Древней Греции, в которых сначала участвовали только женщины и девушки, прославлявшиеся почитанием производительных сил природы, которые, как считалось, принадлежали в первую очередь женскому полу.^[273] “Мудрые женщины” многих примитивных религий сами по себе образовали тесную касту, в которую не допускались мужчины, в подражание своим мифологическим прототипам на небесах. “Ведьмы” средневековья были прямыми преемницами тевтонских жриц, которые взяли за образец “дев-лебедей” или “исполнительниц желаний” Одина.^[274]

Другой формой ранних институтов были общества девственников, подобные тем, которые с первобытных италийских времен поддерживали священный огонь Весты, богини домашнего очага. Обширные ассоциации аналогичного характера были обнаружены европейскими исследователями в Мексике, Юкатане, Перу и других местах.

Любопытное учение нескольких широко распространенных культов заключалось в том, что бессмертием наделены только женщины. Таково было мнение туземцев Маркизских островов, а на Самоа миф повествует о том, что бог Супа (паралич) постановил на совете творения, что жизнь мужчины должна быть подобна факелу, который, будучи задут, не может быть снова зажжен дуновением; но что душа женщины должна жить всегда.^[275]

Никто не может сомневаться, что в Таким образом, присвоение высокой и часто самое высокое место в религиозных мистериях к женщине, многие примитивные религии окружили ее с святостью, которая постоянно признаются, и, таким образом, способствует улучшению ее социальных отношений. Ценность добродетели и чистоты возросла, чисто животные желания были подвергнуты религиозному ограничению, а сексуальные отношения все чаще стали рассматриваться как установленные божественной мудростью для особых целей.

3. Хотя требования церемониального закона часто были капризными и абсурдными, а иногда и прямо-таки вредными, тем не менее они развивали привычку к повиновению и уважению к авторитету. Таким образом, она оказала мощное содействие эволюции юриспруденции, то есть тех правил поведения, которые вытекают из привычки людей жить вместе и которые необходимы для сохранения дружеских отношений. Они происходили не из религиозных соображений, но когда однажды сознательно признавались полезными, религия племени обычно принимала их, заявляла, что они созданы, и облекала их в одеяние своей собственной защитной силы. Религия тогда активно помогала в выполнении чисто социальных обязанностей, как их понимало племя.

В первобытных условиях все законы - это законы Бога. Как мы бы сказали, нет разделения гражданского и уголовного права на каноническое. Для мусульманина Коран является источником всей юриспруденции. Это пережиток древней мысли.

Из этого следовало, что наказание за преступление и решения между тяжущимися сторонами были, собственно говоря, судами Божьими. Это всеобщее мнение отражено в ряде черт юриспруденции, некоторые из которых все еще в моде в цивилизованных странах. Наиболее

примечательными являются суровые испытания, испытание битвой, клятвы и привилегия убежища.

Испытания были всеобщими. Все они основывались на вере в то, что боги спасут невинного человека от опасности. От него могли потребовать держать в руках раскаленное железо; его могли надолго погрузить под воду; проглотить яд; или любым другим способом подвергнуть себя боли или смерти; если бы его несправедливо обвинили, невидимые силы защитили бы его.[276]

Суд боем придерживался того же мнения. “Если Господь на моей стороне, чего мне бояться?” - вот твердая вера, лежащая в основе каждого подобного испытания мастерства и силы.[277]

Эти формы принятия решений исчезли, но присяга остается такой же действенной, как и прежде, в наших судах. Однако, как указал талантливый этнолог и юрист доктор Пост, изначально и по духу это не что иное, как тяжелое испытание. Считается, что лжесвидетель, лжесвидетельница, подвергает себя гневу Божьему и страдает от последствий в этой или другой жизни.[278]

Обряд посвящения в святилище носил отчетливо религиозный характер. Преступник среди евреев, который мог сбежать в храм и уцепиться за рога алтаря, не должен быть схвачен служителями правосудия. У индейцев чероки, как и у израильтян, были “города-убежища”, которые они называли “белыми городами”. У калифорнийского племени акагчем храмы были настолько очищающими, что злодей, будь он виновен даже в убийстве, который мог добраться до них до того, как его поймали, очищался от своего греха и навсегда освобождался от любого наказания за него.[279]

В этих жизненно важных отношениях мы видим, как религия глубоко вошла в гражданскую жизнь и стала проводником и руководителем ее наиболее важных процессов. Его развитие росло вместе с его ответственностью и близостью, которую он культивировал в практических делах.

Своды законов, учрежденные древними законодателями, обычно олицетворяемые под каким-либо одним известным именем, таким как Моисей, Ману, Менес или им подобные, получили всеобщее признание благодаря вере в то, что они исходили непосредственно от божественности и были частью церемониального закона. Под этой маской они трудились на благо тех, кто следовал за ними, и завоевали доверие, которого им бы не оказали, если бы считалось, что они созданы человеком.

По отношению к чисто человеческому закону религиозное чувство по своей природе и происхождению часто находится в оппозиции. Оно претендует на более благородное происхождение и более высокий титул. Теоретически Церковь всегда должна быть выше государства, поскольку Бог выше человека. Религия, когда она жизненна и активна, всегда революционна и анархична. Она всегда направлена на замену божественных постановлений человеческими.

Это было его постоянной тенденцией с самых ранних времен. Это было мощным разрушителем государств и правительств, а также таких старых религиозных выражений, которые стали более гуманными благодаря использованию и формальности.

Таким образом, это был самый мощный из всех рычагов, стимулирующих человеческий разум к активному предпринимательству и использованию всех его способностей. Человек обязан не столько своему сознанию, сколько своему подсознательному интеллекту, и главным толкователем этого была религия.

4. Самые жестокие удары были нанесены примитивным или языческим религиям из-за неполноценности их этики. Часто утверждалось, что они не развивают моральные качества и доброжелательные эмоции, а подавляют и извращают их. Поэтому считается, что они явно склонны к злу.

От этой важной критики нельзя избавиться простым отрицанием. Нет сомнений в том, что этика варварства - это не этика высокой цивилизации. Но если мы поймем необходимые условия племенной жизни в бесконечных конфликтах дикого государства, мы увидим, что высшему моральному кодексу там не нашлось бы места.

Все племенные религии проповедуют дуализм этики: одна - для членов племени, которые связаны узами родства и единения для сохранения существования, а другая - для остального мира. К первым относятся должная помощь, доброта, справедливость, истина и честное обращение; ко вторым - вражда, ненависть, обида, ложь и обман. Последнее является такой же обязанностью, как и первое, и столь же положительно предписывается как религией, так и племенным законодательством.[\[280\]](#)

Состояние варварства - это состояние вечной войны, в которой каждое мелкое племя стремится завоевать, ограбить и уничтожить своих соседей. Патагонцы и австралийцы небольшими группами бродят по своим бесплодным землям, голые и без крова, не имея ничего, кроме самого необходимого. Но всякий раз, когда две из этих банд приближаются друг к другу, это служит сигналом к кровопролитной схватке с целью завладеть жалкими лохмотьями противника.

По этой причине развитие этики должно изучаться с учетом того, в какой степени они культивировались между членами одной и той же социальной единицы, тотема или племени. Долг доброты по отношению к другим простирался на очень ограниченное расстояние, но в пределах этой области, возможно, пунктуально соблюдался и, как правило, соблюдался. Преданность членов одного и того же рода друг другу, вплоть до самопожертвования, часто отмечалась среди дикарей. Обязанности, связанные с этой связью, часто были обременительными и опасными, как в обычае кровной мести, когда человек, подвергаясь неминуемой опасности и часто ценой собственной жизни, чувствовал себя вынужденным убить убийцу члена своего клана.

Характер ранних богов был, как правило, неэтичным. Как правило, они не были ни полностью хорошими, ни полностью плохими. Они были более или менее дружелюбны по отношению к людям, но редко проявляли постоянную доброту или злобу. Для этого они были слишком человечны.[\[281\]](#)

Следовательно, религии, основанные на таких концепциях, в своих предписаниях поведения были не в основном этическими, а скорее церемониальными. Нравственное поведение имело меньшее значение, чем выполнение ритуалов, декламация формул и соблюдение *табу*.[\[282\]](#)

Я могу пойти дальше и сказать, что во всех религиях, в сущности самой религии, скрыто известное презрение к чисто этическому по сравнению с мистическим в жизни. То, что является полностью религиозным в мыслях и эмоциях, осознает другое и, как оно утверждает, более высокое происхождение, чем то, что является только моральным, основанным, как последнее, исключительно на социальных соображениях. Я слышал с кафедр нашей собственной страны очень мрачные предсказания о судьбе “просто нравственного человека”.[\[283\]](#)

5. То, что мы называем “современным прогрессом”, связано с увеличением объема позитивных знаний, расширением области объективной истины. Важный вклад в это внесла религия на своих ранних стадиях. Движения небесных тел сначала изучались только по церемониальным соображениям. Они устанавливали священный год и периоды проведения праздников и жертвоприношений. Из этого выросли астрономия, гражданский календарь и другие разделы детской науки.

Зачатки математики были открыты и развиты главным образом жреческим сословием и сначала для иератических целей; то же самое верно и в отношении элементов ботанических и зоологических знаний. Медицинская практика обязана некоторыми из своих наиболее полезных источников наблюдениям “знахарей” или шаманов диких племен.

Хотя многое другое можно справедливо сказать о вкладе религии в науку, не может быть и речи о непримиримом конфликте между ними. Они возникают в совершенно разных областях человеческого разума, наука - в сознании, Религия - в подсознательном интеллекте. Следовательно, между ними нет общей меры.

Наука провозглашает, что человек рожден знать, а не верить, и что истина, чтобы быть таковой, должна поддаваться проверке. Религия провозглашает, что вера выше знания и что истина, которая является интуитивной, есть и должна быть выше той, которая зависит от наблюдения. Наука признает, что она не может прийти к определенным выводам; за ее окончательными решениями всегда следует сомнение. Религия презирает подобные колебания и действует в совершенной уверенности в обладании центральной и вечной истиной. Наука рассматривает конечные познаваемые законы Вселенной как механические, религия - как духовные или демонологические.

Эти различия существовали всегда и, в основном, приводили к тому, что религии во все времена находились в противоречии с универсальной этикой, общими правилами поведения и объективным знанием. Повсюду религиозная часть общества питала тайное или открытое презрение к “мирской учености”; повсюду они провозглашали, что знание Бога выше знания его дел; и что послушание его закону важнее любви к человечеству.

Мы можем обратиться к американским индейцам, племенам Сибири или даякам Борнео, и мы обнаружим, что обычный “врач”, который лечил с помощью знания трав, ухода за больными и простых механических средств, был гораздо менее почитаем, чем шаман, который зависел не от специальных знаний, а от обладания таинственными силами, которые давали ему контроль над демонами[\[284\]](#); или мы можем взять ту протестантскую секту Реформации, которая выступала против того, чтобы кто-либо изучал алфавит, чтобы он не тратил свое время на бесполезные человеческие знания[\[285\]](#); или тысяча других примеров; и контраст всегда один и тот же.

Отсюда следует вывод, что ранняя религия действительно способствовала развитию расы в этом направлении, но лишь случайно и, так сказать, невольно; в то время как в глубине души она была враждебна им.

6. Иначе обстоит дело, когда мы обращаемся к искусству, особенно к эстетическому искусству. Его цель - реализация, выражение в объекте идеи Прекрасного. Эта идея не принадлежит сознательному интеллекту. Ее нельзя выразить в формулах позитивного знания. Эстетические, как и религиозные, эмоции уходят своими корнями далеко вниз, в непрозрачную структуру подсознательного интеллекта, и, следовательно, они являются естественными партнерами. То, что профессор Бэйн говорит об Искусстве, можно распространить и на религию: "Природа не является ее эталоном, и [объективная] истина не является ее главной целью".[286]

Он был серьезно сомневался в том, что идея прекрасного существовало у первобытных народов, не считая стремление к простому яркая окраска и яркий дисплей. Никто не усомнился бы в его универсальном присутствии, если бы только освободил свое суждение от собственных канонов прекрасного и принял те, которые преобладают в том диком племени, которое он изучает. Дарвин в своей работе о *происхождении человека* собрал свидетельства самых грубых орд со всех континентов, чтобы доказать, что все они были страстными поклонниками красоты, измеряемой их собственными критериями; и он также пришел к важному выводу, что их наиболее полное выражение красоты можно было найти в их религиозном искусстве. "В каждом народе, - говорит он, - достаточно развитом, чтобы создавать изображения своих богов или обожествленных правителей, скульпторы, без сомнения, пытались выразить их высочайшее представление о красоте".[287]

Нам также следует помнить, что тот же самый великий учитель говорит: "Безусловно, неверно, что в человеческом разуме существует какой-либо универсальный стандарт красоты"; и это верно как в отношении человеческой формы, так и в отношении тех проявлений прекрасного, которые привлекательны для слуха и осязания. Музыка и ритм одной расы обычно вызывают недовольство другой; и не существует единой нормы, по которой превосходство той или иной расы могло бы быть абсолютно установлено.

Однако, по-своему, искусство и религия имеют то общее, что они изучают Совершенство и стремятся воплотить его в действительности; в то время как Наука или позитивное знание ограничивается реальностью, которая всегда несовершенна.

Совершенство - это, однако, безусловный способ существования, не измеряемый нашими органами чувств и, следовательно, находящийся вне области индуктивных исследований. Органические формы и космические движения всегда стремятся к этому, но им всегда этого не хватает.[288] Мы осознаем это только через стремления нашего подсознательного разума, а не через законы нашего рассуждающего интеллекта. И все же наша убежденность не только в том, что это правда, но и в том, что окончательная истина заключается только в ней, настолько сильна, что она всегда была и всегда будет высшим и сильнейшим мотивом человеческих действий.

Начиная с тех видов искусства, которые, по общему признанию, являются выражением красоты в линиях, цвете или форме, легко показать, как они были воспитаны религиозным чувством. Надписанные раковины и таблички из курганов долины Миссисипи представляют собой

сложные и симметричные рисунки, явно предназначенные для какого-то мифического существа или сверхъестественного персонажа.

У индейцев салишан из Британской Колумбии, когда девушка достигает зрелости, она должна отправиться одна в горы и пройти длительный период уединения. В конце она записывает свои переживания, рисуя на валуне несколько грубых фигур красной краской, указывающих на выполненные ею обряды и имевшиеся у нее видения.^[289] Такие наскальные рисунки, или петроглифы, почти всегда религиозного значения, встречаются на каждом континенте и представляют собой зачатки искусства рисования.

Возможно, что древнейшие известные образцы, нацарапанные кремнем на костях северных оленей, выкопанных в пещерах южной Франции, могут представлять тотемы или обожествленных героев клана. Несомненно, что класс символических фигур, которые встречаются по всему миру, часто относящихся к отдаленным эпохам, таких как полумесяц, крест, свастика, трискеле, круг и квадрат, имели религиозное назначение и, по мнению тех, кто их рисовал, передавали мистическое знание или сверхъестественную защиту.

Раннее развитие живописи в религиозном искусстве возникло главным образом из символизма цветов, на который я ранее вскользь намекал. Его происхождение заключалось в воздействии, которое определенные оттенки оказывают на разум, либо конкретно, либо по ассоциации. Цветовая символика, действительно, является заметной чертой почти каждой примитивной религии. Значение различных цветов варьируется, но не до такой степени, чтобы исключить некоторые общие тенденции. Белый и синий цвета обычно имеют жизнерадостное и мирное значение, черный и красный - предвещают раздор и тьму. Во многих племенах желтый цвет имел глубочайшее религиозное значение. Майя с Юкатана связывали его с рассветом и востоком; и когда ацтеки собирались у постели умирающего того, кого они любили, и возвышали свои голоса в гимне, который должен был вознести душу к высшей жизни за гробом, они пели: "Уже появляется заря, приближается свет. Птицы с желтым оперением уже поют свои песни, приветствуя тебя".

Эти символические цвета - те же, которыми были окрашены ранние храмы и грубые изображения богов. Они редко бывали гармоничными, но были эффективными и нравились людям, для которых предназначались. Их подготовка и техническое применение улучшались, и по мере развития искусства оно влияло на религию, направляя ее представления о божественности на более высокие ступени и к более благородным идеалам.

Искусство линий и цвета имеет огромную древность, вероятно, предшествующую искусству формы, резьбы или скульптуры. Но мы обнаруживаем, что и это тоже было вполне понятно пещерным жителям Франции и Швейцарии в то время, когда великий ледник все еще покрывал значительную часть европейского континента, и в наши дни едва ли найдется дикое племя, которое не предпринимало бы грубых попыток вырезать изображения своих божеств.

Природный объект, имеющий случайное сходство с человеком или животным, выбирается в качестве фетиша, и поклоняющийся, откалывая или потирая, немного увеличивает сходство. Это зачаточный период в искусстве скульптора, и обычно им пользуются с религиозной целью. Вскоре это развивается, и в камне, кости или дереве, в обожженной глине, тряпках или листьях мы находим тысячи изображений божеств-покровителей и других обитателей сверхъестественного мира.

Ранний прогресс религиозного искусства в этом направлении был настолько заметен, что он дал название самой ранней религии. Это было явное “идолопоклонство”, или “поклонение образу”, объективное выражение внутреннего чувства.

Его избыток в этом направлении приводил к реакциям и протестам еще на заре истории. “Не делай себе никакого изваяния или подобия чего бы то ни было” - таков был приказ, воспринятый настолько буквально, что с тех пор у некоторых семитских народов исчез всякий интерес к пластике или изобразительному искусству, будь то священное или светское. Считалось, что созерцание божества, не представленного каким-либо видимым объектом, поддержит и разовьет более высокую концепцию, чем если бы оно изображалось в осязаемой форме, какой бы красивой или символической она ни была.

Это мнение не исключало культивирования прекрасного в нечувственных формах, таких как обращение к уху, а не к глазу. Я имею в виду метр и музыку, ораторское искусство и литературную композицию.

По какой-то причине, которую, возможно, трудно удовлетворительно объяснить, естественное выражение религиозных эмоций в языке носит универсально метрический характер. Обряды каждого варварского племени проводятся в грубых песнопениях или под их аккомпанемент, которые одновременно возбуждают религиозные чувства и дают им надлежащий выход. Многие из этих песнопений представляют собой простое повторение фраз или припевов, лишенных смысла, но они отвечают цели и являются зародышами, из которых в соответствующей обстановке развились великие поэмы расы, вдохновляющие ее бессмертных бардов.

За последние годы были собраны сотни примеров этих примитивных религиозных песнопений, когда впервые была понята их этнологическая важность. Они демонстрируют поразительное сходство, будь то жители островов Полинезии, пустынь Австралии или навахо и сиу из наших собственных резерваций. Многие из них едва ли представляют собой нечто большее, чем нечленораздельные крики, но даже у них есть определенное сходство, они содержат тот же класс гласных и часто приводят, благодаря этой физиологической взаимосвязи звука и эмоций, к сходным словам в религиозном языке далеких народов.

Повсюду мы находим эти метрические всплески, контролируемые чувством ритмического повторения; и именно для того, чтобы подчеркнуть это, были впервые изобретены музыкальные инструменты. Их наиболее грубые формы можно увидеть в двух плоских палочках, которыми австралийцы отбивают такт пению в своих *коррбориях*, или праздничных церемониях; или в поломанном бревне, по которому колотят дубинкой, которую до сих пор используют некоторые племена Центральной Америки. Все музыкальные инструменты коренных американцев, по-видимому, были впервые изобретены для помощи в ритуале; и традиция, с большой вероятностью, приписывает то же происхождение большинству из них в Старом Свете.

Равномерное ритмичное движение — мощное средство усиления коллективного внушения; и его действие тем сильнее, чем больше мы отдаем свой разум под контроль его бессознательной деятельности, - сферы, в которой религиозное чувство является высшим.

На церемониях посвящения австралийцев, называемых *Бора*, молодежь обязана выслушивать длинные речи стариков, содержащие инструкции по поведению и религиозные верования предков. Подобные обычаи — а в той или иной форме они универсальны в примитивных

религиях — привели к развитию ораторского искусства. Его усердно выращивали в примитивных условиях. У нас есть несколько томов, в основном заполненных пространными обращениями ацтекских жрецов и жриц по различным торжественным случаям, таким как рождение, вступление во взрослую жизнь, вступление в брак и т.д.[290] Заучивать эти длинные формулы наизусть было одной из обязанностей неофитов, и притом нелегкой.

В большинстве племен они представлены в формах, отличных от тех, которые используются в повседневной жизни, причем слова необычные, с полными гласными и звучными окончаниями. Некоторые из этих особенностей сохранились в “проповедническом красноречии” наших дней, свидетельствуя о влиянии религиозной мысли на развитие способов достойного выражения.

Именно в этой связи и под влиянием этого вдохновения человек изобрел величайшее благо, которым когда—либо пользовалось человечество, - систему письма, средство записи и сохранения фактов и идей. Наш нынешний алфавит линейно восходит к священному изобразительному письму древнего Египта; а менее эффективный метод, применявшийся аборигенами Мексики и Центральной Америки, возник из приспособлений для сохранения литургических песен и религиозных формул. На протяжении поколений в обеих областях его основное культивирование и распространение лежало на жреческом сословии, хотя его окончательное применение в повседневной жизни было заслугой торговцев, а не ученых.

Это открытие сделало возможным такое сокровище, как литература; и то, что мы находим ее истоки и древнейшие памятники в основном религиозного содержания, является достаточным свидетельством того, что мы в неоплатном долгу перед религиозным чувством. Папирусы Египта, кодексы Центральной Америки, санскритская Ригведа и персидский Вендидад свидетельствуют о том усердии, с которым древние верующие стремились сохранить священные песнопения и формулы.

Мы замечаем то же стремление грубых дикарей передать в своей целостности литургии своего богослужения; и в “медовых палочках” чипуэев и причудливо вырезанных деревянных табличках острова Пасхи мы видим зачатки письменной литературы, цель которой всегда носит религиозный характер.

Нет необходимости подробно останавливаться на стимулирующем влиянии ранней религии на полезные искусства. В своих многочисленных обращениях к ритуалу и объективному выражению религиозных чувств они постоянно вдохновлялись им и наградой, которую он всегда готов был предложить, как в этом мире, так и в грядущем.

Но одно полезное искусство было настолько в высшей степени религиозным по своему происхождению, что заслуживает особого комментария, это строительство или архитектура. Почти все великие памятники древнего мира, большинство важных сооружений первобытных племен повсюду, имеют в себе нечто религиозное по своей сути или являются таковыми открыто. Мы почти ничего не знаем о строителях таинственных “мегалитических памятников”, дольменов и кромлехов, которых тысячи возвышаются на земле Франции и Англии; но их устройство и характер не оставляют сомнений в том, что они служили для какой-то религиозной цели. Таким образом, могучие нагромождения, которые вызывают наше изумление в долине Нила или Евфрата, или на высокогорьях Мексики, или в тропических лесах Юкатана, свидетельствуют о том же вдохновении.

В своих алтарях и храмах, в своих святилищах и надгробных памятниках, в своих обителях и соборах человек во все времена тратил свои усилия и средства с такой расточительностью, с какой не тратился ни на какие другие сооружения. Архитектурные порядки возникли из его желания возвести жилища, достойные бога, который должен был их населять. Ни красота линий, ни величие пропорций, ни изобилие украшений не были слишком велики, чтобы достичь этой цели. Такое окружение со временем придавало культу достоинство и постоянство и приукрашивало религиозные чувства посредством благородных художественных ассоциаций.

7. Давайте теперь перейдем от этих соображений общего характера к более конкретному: оказывали ли первобытные религии улучшающее влияние на независимую жизнь индивида; ибо это испытание, которому в конечном итоге должны быть подвергнуты все институты.

Дикарь не относится к типу свободных людей, хотя в народе его обычно считают таковым. На самом деле он тиранически скован традиционными законами и обычаями племени. Он слит со своим кланом или родом, против правил которого, часто самых болезненных и произвольных, он не осмеливается сделать ни шагу. Как личность, он не может вырваться из их невидимых цепей.[\[291\]](#)

Его единственный путь к дозволенной свободе лежит через высший закон его личной религии. Если он признает, что его собственный дух-покровитель приказал ему совершить поступок, противоречащий обычаю, или что его собственные магические силы позволяют ему нарушать установленные обычаи, его пренебрежение этим будет оправдано.

В дикой жизни вдохновенные и безумные всегда причисляются к одной категории тех, кто выше закона. У камчатканцев, если мужчина заявляет, что его личное божество во сне повелело ему соединиться с какой-нибудь женщиной племени, ее долг повиноваться, независимо от ее положения или отношений.[\[292\]](#)

Хотя временами этой свободой, несомненно, злоупотребляли, она обеспечивала индивиду определенную степень личной свободы, которой он не мог бы достичь никаким другим способом. Признавая закон для единой совести выше законов обычаев предков или популярной религии, это проложило путь к развитию личности, свободной от всех ограничений, кроме тех, которые налагало бы на нее его ясное суждение.

Тот, кто обладал скрытым знанием, эзотерическим *гнозисом*, был благодаря этому знанию освобожден от рабства у своих собратьев-людей. Как хорошо сказал поэт Чэпмен:

“Нет никакой опасности для человека, который знает

Что такое жизнь и смерть? здесь нет никакого закона

Превосходит его знания: и это не законно

Что он должен подчиниться любому другому закону”.

Это чувство превосходства над всем окружающим раскрывается повсюду в мистических религиях. Индуистская пророчица была несколько лет назад заключена в тюрьму английским гражданским судьей за нарушение местных законов и нарушение общественного порядка. Ее единственным заявлением в защиту было: “Много лет назад, когда я была девочкой, я встретила в джунглях лицом к лицу бога Шиву. Он вошел в мое лоно. Он пребывает во мне и сейчас. Мое

благословение - это его благословение; мое проклятие - его проклятие”.[293] Малаец, когда он “выходит из себя”, считает себя освобожденным от всяких ограничений, моральных или социальных; и этот обычай и вера присущи не только его расе.[294]

Среди древних считалось, что те, кто “рожден от Бога”, то есть вдохновлен божественным откровением, не только выше человеческих законов, но и “неподвластны даже постановлениям Судьбы”.[295]

Церемониальный закон, столь могущественный в первобытных условиях, должно быть, оказывал благотворное влияние на воспитание личности. Его суровые ограничения, его мельчайшие и непрерывные правила его жизни научили его самоконтролю и самопожертвованию. Его первым долгом было не перед самим собой, а перед другими членами его клана или тотема. Послушание и систематическое сдерживание были полезными уроками, привитыми ему с самого раннего детства. Негр из Конго, житель Андаманских островов, американский индеец, за которых его спонсоры приносили обеты при его рождении, вырос, считая выполнение этих обетов главной целью своей жизни. Их нарушение повлекло бы за собой катастрофу и позор не только для него самого, но и для его народа. Таким образом, его религиозное образование воспитало в нем некоторые из лучших качеств совершенной мужественности — самоотречение и альтруизм; ибо, как хорошо сказал профессор Грейнджер, “Примитивная идея святости подразумевает в качестве своего главного элемента отношение к общественной жизни”.[296]

Таким образом, если мы должны согласиться с некоторыми авторами, что в первобытных условиях индивид всегда мыслился как относящийся к роду или сообществу, то, с другой стороны, мы должны признать способность религиозного элемента время от времени отделять его от других как одного из “избранных”; обучать его самореализации и самоуправлению; и лелеять в его сознании зародыши свободной личности.[297]

Более трудным является решение вопроса о том, увеличивали ли первобытные религии счастье индивида.

Я не раз упоминал в целом радостный характер многих из них, что видно по их ритуалам. Но было бы серьезной ошибкой не остановиться также на страхе перед злыми духами, который является столь заметной частью большинства людей и который держит их приверженцев в состоянии постоянной тревоги. Не может самопожертвование, о котором я говорил, увеличить жизнерадостность жизни, часто связанной с болезненными увечьями, длительным голоданием и воздействием холода и жары. Жестокость церемоний часто шокирует, эдикты религиозного кодекса безжалостны.

Чтобы компенсировать это, “боязливое ожидание грядущего гнева”, благодатный источник душевных страданий в передовых религиях, едва ли существует в примитивных условиях. Таким образом, сама смерть лишена своего величайшего ужаса, а безразличие, с которым ее встречает большинство дикарей, является обычным явлением среди путешественников.

В первобытных условиях также не существует этого благодатного источника человеческих страданий, религиозного фанатизма или нетерпимости с их роковой чередой преследований, пыток и подозрений. Самые кровавые жертвоприношения язычества никогда не влекли за собой такого личного несчастья, как мрачный фанатизм некоторых форм христианства.

Следует отметить, что все эти несколько линий развития являются внешними по отношению к самой религии. Они модифицируют ее и модифицируются ею. Но есть и другие изменения, происходящие внутри самого религиозного чувства, которые мы должны сейчас рассмотреть.

Религии, как и все другие институты, подвержены росту и упадку, эволюции и регрессу, развитию и смерти.

Подавляющее большинство примитивных верований полностью исчезло, не оставив после себя никаких следов, кроме безымянных изображений своих богов, или даже их вовсе нет. Они были уничтожены завоеваниями, или слились и затерялись в других формах веры, или выродились и окаменели, пока не умерли естественной смертью.

Другие росли и расширялись, воодушевленные новыми мыслями, соответствующими новому окружению, или были широко распространены победоносными правителями или восторженными приверженцами. Как заметил профессор Той, в целом верно, что на ранних этапах жизнь религии зависела от жизни племени или государства, принявшего ее, и что “чем больше сообщество, тем более стойкой и энергичной будет его религия”. [298]

Но секрет успеха лежит скорее внутри, чем вовне; конкретная вера должна пройти определенные внутренние преобразования, чтобы соответствовать более широкому полю, открытому для нее. Главный из этих этапов прогресса может быть описан как перенос религиозной мысли: 1. От объекта к символу; 2. От церемониального закона к личному идеалу; и 3. От племенной концепции религии к национальной.

1. Самые грубые стадии религии связывают идеи Божественного с определенными внешними объектами, с деревом, скалой, особым местом, вокруг которого вырастает ряд местных мифов и обычаев. Для развития такие идеи должны оторваться от этих связей и перейти к конкретным и локализованным отношениям. Они должны стать обобщенными, а объект должен быть заменен символом.

Вместо конкретного дерева, например, будет принят знак дерева, крест или шест (*ашерим*). Это представляет собой не первоначальный объект, а персонифицированную деятельность, духа или бога, который, как предполагалось ранее, обитал в данном объекте или месте.

Таким образом, разум освобождается от оков чисто материального, географически единичного восприятия, и делается первый шаг к универсальным, или мировым, идеям божественности. В метафизических терминах это переход от конкретного к абстрактному, от частного к общему, от реального к идеальному; линия прогресса, которой обязательно должен следовать человеческий интеллект, чтобы развить свои сугубо человеческие качества.

2. Вторым важным шагом был тот, который заменил голые и холодные предписания церемониального закона идеалом личного совершенства. Зачатки этого видны даже в самых низших вероисповеданиях, как мы видим в их почитании тех, кто, по их мнению, наиболее полно выполнил их представления о долге. Считалось, что такие люди произошли от богов или были вдохновлены ими.

Это правда, что эти ранние идеалы сводились лишь к физической силе и умственной хитрости; но их атрибуты постепенно расширились, включив телесную красоту, интеллектуальную мощь и этическое величие.

Таким образом, мы приходим, все еще находясь в примитивных условиях, к таким личным идеалам, как Кецалькоатль у ацтеков, о котором в их легендах говорилось, что он обладал величественной внешностью, был целомудрен в жизни, не любил войны, мудр и великодушен в поступках и получал удовольствие от развития искусства мира; или, как мы видим, у перуанцев, в их культуре герой Тонапа, об учениях которого католический писатель шестнадцатого века говорит: “Они так сильно напоминали заповеди Иисуса, что в них не было недостатка ни в чем, кроме Его имени и имени Его Отца”. “[299]

Когда эти идеалы не были чисто человеческими, а были частично или полностью божественными, тем не менее размышление о существовании, главной целью которого было творить добро тем, кто выполнял его указания, защищать тех, кто бежал к нему, и удовлетворять просьбы тех, кто молился ему, было одновременно утешительной и облагораживающей концепцией.

3. Профессор Тиле в своей работе о древней египетской религии делает мудрое наблюдение: “Революция, вызванная религиозным универсализмом, является величайшей и наиболее полной, которую может показать мировая история”. [300]

Это правда, что ни одна примитивная религия не стремилась к универсализму и даже не считала его желательным или возможным. Боги рода или племени принадлежали этому сообществу, были исключительно его собственностью и находились в антагонизме ко всем другим богам. Не было никакого понятия о прозелитизме или миссионерской работе, никакого желания распространить поклонение племенному богу за пределы племени.

Эта исключительность была разрушена взаимодействием племен, их объединениями и завоеваниями, что вынудило религиозные концепции принять более широкие взгляды. Жрецы и философы начали распознавать в божествах других народов свои собственные прообразы, как мы видим у греческих и римских писателей. Это постепенно привело к всеобъемлющим рассуждениям о мировых религиях, в которых все люди считаются равными перед Богом и все имеют право на одинаковую долю Его благодати.

Ранние стадии этих переходов легко распознать в примитивных религиях. Принятие чужих богов появляется рано. Когда племя часто терпело неудачи, оно начинало не доверять могуществу своих собственных божеств и обращалось за помощью к божествам своих завоевателей. Обычай экзогамии ввел божества других родов. Личные и общественные нужды приводили к паломничествам к знаменитым оракулам и поклонникам далеких религий, и приверженцы, возвращаясь, приносили с собой память и культ чужих богов. Во многих подобных случаях барьеры племенной веры постепенно разрушались.

Мы можем ожидать найти слабые черты или вообще ничего из чисто абстрактной стадии религии в культах диких племен. И все же они не являются абсолютным недостатком.

Эта абстрактная стадия - это когда Идея, больше не сливающаяся с Идеалом, выступает сама по себе как признанное руководство сознательными усилиями. Концепция бесконечности или совершенства тогда не мыслится применительно к существу или личности. Она по-прежнему будет действовать как самый высокий мотив действия, глубочайший источник духовной радости.

Понятое и распознанное таким образом, оно будет не холодным продуктом разума, а теплым и мощным потоком сердца, импульсов и эмоций. В том, кто поднимается на эту высоту, сочувствие и активная любовь к добру и истине будут еще сильнее, потому что он увидит, что человек должен надеяться только на человека, на усердное самосовершенствование; но при этом может уверенно надеяться на лучшее, что есть в человеке.

К этой цели, хотя и невидимой и непризнанной, бессознательно направлялись и побуждали человеческий разум все религии первобытных народов. Долог был путь, пройдено много ложных путей, цель все еще далека; но, становясь все тверже в вере и яснее в цели, человек в должное время и в подходящее время утвердится в этой последней и сокровеннейшей тайне своей религиозной природы.

СНОСКИ

[1] “К религии, — замечает профессор Той, - следует относиться как к продукту человеческой мысли, как к отрасли социологии, подчиняющейся всем законам, которые контролируют общий прогресс человечества”.-*Иудаизм и христианство*, стр. 1.

[2] Преподобный Джон М. Нил, *История Святой Восточной Церкви*, том i, стр. 37.

[3] Грейнджер, *Богослужение римлян*, стр. vii.

[4] А. Х. Пост, *Основы этнологической юриспруденции*, Bd. i., s. 4.

[5] *Наука о волшебных сказках*, стр. 2.

[6] *Zeitschrift für Völkerpsychologie*, Bd. xi., s. 124.

[7] Дж. Дж. Онеггер, *Allgemeine Culturgeschichte*, Bd. i., s. 332. “Подобные концепции, — замечает профессор Бастиан, - повторяются по установленным законам в отдаленных друг от друга местностях, в далекие эпохи”.-*Grundzüge der Ethnologie*, стр. 73.

[8] Э. М. Карп, *Австралийская раса*, том i, стр. 50.

[9] У. П. Кларк, США, *индийский язык жестов*, стр. 241.

[10] Эта тема полностью обсуждается Флюгелем, *Zeit. für. Völkerpsychologie*, Bd. xi.; автор: проф. Джеймс Салли в своих *Исследованиях детства*; и доктор Фридманн, *Centralblatt für Anthropologie*, Bd. i. Последнее упомянутое утверждает, что разум дикаря имеет больше сходства с душевнобольным, чем с разумом ребенка. Более высокую эмоциональную восприимчивость дикарей можно проиллюстрировать множеством примеров.

[11] *Этнография и филология исследовательской экспедиции Соединенных Штатов*, стр. 108.

[12] Случай не был исключительным. Среди нескольких племен существовал установившийся обычай, когда мать убивала и съедала своего первого ребенка, поскольку считалось, что это укрепляет ее для последующих родов. See examples in *Zeitschrift für Völkerpsychologie*, Bd. xiv., pp. 460, sq.

[13] Палмер в журнале. *Антроп. Инст.*, т. xiii., стр. 294, 399.

[14] Профессор Сэйс считает, что шумеры древней Вавилонии были бесполоыми; и что местные боги впервые были наделены полом после усыновления семитами.—*Лекции Хибберта*, стр. 176.

[15] Suoq, *Алгонкинский словарь*, стр. 21, примечание.

[16] "Золотая ветвь", Предисловие.

[17] Ред. Клодд, *Мифы и сны*, стр. 168.

[18] Помимо общих работ по египетской религии, я могу отметить R. Pietschmann, "Египет. Fetischdienst und Götterglaube," in *Zeitschrift für Ethnologie*, Bd. x., s. 153, sq. Он указывает, что в древних культах Египта не было единства, поскольку боги были только у номов. Поклонение Осирису в целом распространилось только после правления шестой династии (стр. 165).

[19] Некоторые объясняют суеверие как "дегенеративную религию"; другие как "религиозное заблуждение"; третьи (Пфлейдерер) как "патологическое состояние нормальной веры"; но все подобные определения зависят от точки зрения. Как замечает Роскофф: "Человек, погрязший в суевериях, уверен, что принимает их за единственно истинную веру и довольствуется ими до тех пор, пока его не терзают сомнения". —*"Дас Религиоведен дер Натуралист"*, стр. 17.

[20] См. Т. Рис Дэвидс, *Индийский буддизм*, стр. 29 (Лекции Хибберта), и в первом томе настоящей серии лекций.

[21] Смерть была для римлянина *somnum eternale*. Проф. Сэйс замечает о древних халдеях, что у них не было определенной веры в загробную жизнь. —*Лекции Хибберта*, стр. 358.

[22] Этот вопрос был тщательно изучен Г. Роскоффом в его работе "О религии в естественной среде обитания" (Лейпциг, 1880). Он убедительно опровергает утверждения о том, что встречались племена без религии.

[23] Кэллоуэй, *Религиозная система амазулусов*, стр. 113.

[24] Преподобный У. Я. Тернер в журнале. *Антроп. Институт*, том vii., стр. 492.

[25] *Знахари апачей*, стр. 499, 500.

[26] Этот вопрос тщательно обсуждается Хорнесом, *Ургешичте де Меншен*, стр. 93, кв., который оспаривает мнение Мортилле. Последнее приведено в его *Античной истории человека*, стр. 603, кв.

[27] *Происхождение человека*, стр. 95.

[28] Цитируется в *L'Anthropologie*, vol. viii., с. 334.

[29] Грейнджер, *Религия римлян*, стр. 21; Тиле, *История. о египетской религии*, Введение.

[30] Доктор Шванер, в книге Х. Линг Рот, *"Уроженцы Саравака"*, том ii., Приложение. стр. clxii.

[31] Х. Гримм, *Мохаммед*, стр. 38.

[32] В его предисловии к *Восстанию ислама*.

[33] O. Peschel, *Völkerkunde*, s. 255; F. Ratzel, *Ethnographie*, Bd. i;—Schurtz, *Catechismus der Völkerkunde*, s. 88.

[34] Выдающийся антрополог Брока отрицал, что *религиозность* является отличительной чертой человечества. Подробнее см. в Ховелаке и Эрве, *Краткий обзор антропологии*, стр. 634-636.

[35] *Миф, ритуал и религия*, том i, глава xi.

[36] *Лекции Хибберта*, стр. 328. У Дарвина есть параллельный отрывок, *Происхождение человека*, стр. 95.

[37] “Все, живое или неодушевленное, что имеет независимое бытие или может быть индивидуализировано, обладает духом или, точнее, тенью (*idahi*, тень или отражение)”. Вашингтон Мэтьюз, *этнограф. из "Хидатсы"*, стр. 48. Это выражает общее мировоззрение ума дикаря. Давайте помнить, что это также характерно для поэтического, или персонифицирующего изображения природы, и, таким образом, принадлежит к высшим художественным проявлениям человеческого разума, а также к его самым слабым высказываниям.

[38] Таково было всеобщее мнение классической древности. См. Пейн Найт, *Древнее искусство*, стр. 45. Это была также ортодоксальная теория ранней Церкви относительно искупленной души. Оно “будет знать все, как Бог”. Что бы ни было на Небесах и что бы ни было на земле, все увидит он с тем истинным знанием, от которого ничто не ускользнет”. — *Избранные произведения святого Ефрема Сирина*, переведенные преподобным Дж. Б. Моррисом, стр. 353.

[39] Ридли, в журнале. *Антроп. Институт*, том ii., стр. 269.

[40] Г-н А. Э. Гоф обосновывает мнение, что *йогин*, практикующий *йогу*, является прямым последователем древнего местного шамана.—*Философия Упанишад*, стр. 221.

[41] Это любопытное недавнее проявление древнейшего опыта описано доктором М. Баке в работе, *In Re Уолта Уитмена*.

[42] Явления “одержимости демонами” настолько замечательны и так часты в низших слоях культуры, что разумные современные наблюдатели защищают их как фактическое влияние злых духов (см. Работу преподобного доктора Невинса, *Одержимость демонами в Китае* и т.д.). Епископ Кэллоуэй говорит, что у большинства обращенных негров в Натале такие приступы случаются после принятия христианства (*Jour. Антроп. Общество*, том i, стр. 171). Броу Смит описывает подобные приступы у австралийцев. Сильных мужчин внезапно охватывают сильные конвульсии. Они дико танцуют, кричат во весь голос, у рта идет пена, и продолжают до полного изнеможения. В таком состоянии они склонны к убийству, и их товарищи боятся приближаться к ним (*Аборигены Виктории*, том i, стр. 466).

[43] Наиболее полным исследованием этого предмета в связи с развитием религий является работа доктора Отто Столля “*Внушение и гипнотизм в "Народной психологии"*” (Лейпциг, 1894).

[44] Епископ Кэллоуэй, в журнале. *Антроп. Институт*, i, стр. 177; и в его *Религиозной системе амазулу*, стр. 232. Бушмены объясняют это как “своего рода избиение плоти”, которое

предсказывает им будущее и где можно найти потерянные вещи. Они добавляют: “Те, кто глуп, не понимают этого учения”. Блик, *Фольклор бушменов*, стр. 17.

[45] А. Э. Гоф, *Философия Упанишад*, стр. 243.

[46] Клемм, *Allgemeine Culturgeschichte*, Bd. ii., s. 337; А. М. Карр, *Австралийская раса*, том i, стр. 48.

[47] Карр отмечает это у австралийцев, *ubi выше*, том i, стр. 48; и это распространено среди американских индейцев.

[48] У. У. Гилл, *Мифы и песни Южной части Тихого океана*, стр. 35.

[49] Миддендорф, *Кешуа Вертербух*, с. в.

[50] *Труды Американской ассоциации содействия развитию науки*, 1896. Раздел Н.

[51] О значении *huaca* см. von Tschudi, *Beiträge zur Kennt. des alten Peru*, p. 156; Bertonio, *Vocab. de la Lengua Aymara*, s. v.

[52] Вероятная личность Евр. Я с Халдом. *Iah* признается Пинчесом, Сэйсом и другими выдающимися ассириологами (см. Статью первого в *Отчете* Викторианского института за 1895 год). То, что греческий Яхус происходит из халдео-Сирии (как утверждает его миф, называющий его “ассирийским пришельцем” и т.д., Л. Дайер “*Боги в Греции*”, стр. 165), было подтверждено Геродотом, Макробием и Плутархом среди древних, а также различными современными авторами. Однако можно показать, что Ях как имя Бога произошло от священного междометия или возгласа с тем же фонетическим значением, которое неоднократно встречается в культах Америки, Полинезии и Австралии. Это также верно для хуа или ва, радикального значения английского “Бога”. Они оба являются так называемыми “универсальными” радикалами.

[53] Кодрингтон в *журнале. Антроп. Инст.*, том x., стр. 279; Форнандер, *Полинезийская раса*, том iii., стр. 225-7. На некоторых диалектах *мана* имеет особые значения: предзнаменование; гром; дыхание; живот (т.е. внутренности) и т.д. Хейл дает определение “сила” как общее для всех диалектов (*полинезийский лексикон*, с. v.). Форнандер отмечает сходство с санскритом: *мана*, *ману*, разум, мысль.

[54] Я подробно остановился на отсутствии монотеизма среди американских племен в *Мифах Нового Света*, стр. 75. Доктор Вашингтон Мэтьюз, наиболее компетентный авторитет, выражает универсально правильную точку зрения, когда, говоря о Махопе, божественной концепции индейцев хидатса, он говорит: “Это относится к влиянию или силе превыше всего, но не к придавая ему какие-либо представления о личности”.—*Этнография индейцев хидатса*, стр. 48.

[55] Клемм, *Culturgeschichte*, Bd. ii., с. 338; Л. М. Тернер, *Эскимосы Гудзонова залива*, стр. 272; фон ден Штайнен, *Центрально-Бразильский натуралист*, стр. 340. Среди австралийцев и мужчины, и женщины становятся “врачами” или шаманами благодаря сновидениям.—Карр, *Австралийская раса*, том ii., стр. 74.

[56] Это называется “гипногигическими галлюцинациями”. Они были изучены Мори, *Медико-психологические анналы*, том xi., стр. 252, кв.

[57] Этот момент обсуждается профессором Грейнджером, *Поклонение римлянам*, стр. 28, кв.

[58] Епископ Кэллоуэй описывает режим, принятый для обретения вдохновения среди зулусов, в журнале. *Антроп. Соч.*, т. i, стр. 175. У даяков Борнео церемония называется *нампок*, и ее условия таковы: 1. Побывать одному; 2. Провести ночь на вершине горы; 3. Принести жертву и воззвать к богу. Линг Рот, *Уроженцы Саравака*, том i, стр. 185.

[59] Я довольно подробно рассматривал этот вопрос в своих "*Мифах Нового Света*", стр. 314, и "*Нагуализме*", стр. 7, кв.

[60] Я привел его перевод в "*Очерках американиста*", стр. 293.

[61] А. Э. Гоф, *Философия Упанишад*, стр. 237. Упомянутые мексиканские возражения приведены Саагуном, *История Новой Испании*, lib. x., глава 29.

[62] У. У. Гилл, *Мифы и песни Южной части Тихого океана*, стр. 28, 34. Конкретное значение обоих слов - сердцевина, зародыш, сердцевина, центр и т.д.

[63] Хейл, *Этнография исследовательской экспедиции США*, стр. 55; Клемм, *Culturgeschichte*, Bd. ii., s. 315; после Столла. Алгонкинский миф повествует о том, что бог-герой Нанабоджу мог беседовать с духами всех вещей, с деревьями, цветами, бабочками, громом и т.д. (Кларк, *Индийский язык жестов*, стр. 113).

[64] Elysée Reclus, *Le Primitif d'Australie*, стр. 232.

[65] У греков были лишь смутные представления о загробной жизни, и профессор Шрейдер замечает: “Культу мертвых нет места в мире Гомера”. *Доисторический. Антики. арийских народов*, стр. 424. “Indigetes dii” римлян были скорее героями, чем божествами, хотя Арнобий, *Adv. Gentes*, lib. i., глава 64, утверждает, что им поклонялись.

[66] Наиболее удовлетворительным недавним исследованием о поклонении предкам и мертвым является исследование доктора С. Р. Штайнмеца в его *Этнологической студии эрстена Энтвиклунга дер Страфе*, Bd. i., ss. 141-287 (Лейден, 1894).

[67] Кларк, *Индийский язык жестов*, стр. 121, 165, 199, 207 и др.; Хауитт в журнале. *Антроп. Институт*, том. xiii., стр. 186. Если внезапно разбудить спящего, он может умереть, так как его бродячая душа может не вернуться вовремя. Von den Steinen, *Naturvölker Zentral-Brasiliens*, p. 510. Во всех этих примитивных взглядах настоящая душа рассматривается просто как обитатель тела (а не как функция или результат функций), как это происходит сегодня в популярных религиях цивилизованных стран.

[68] Страх перед призраками в цивилизованных странах - это пережиток широко распространенной древней веры в недоброжелательность душ. Я не нашел более поразительного примера этого, чем среди финнов. Они верили, что души умерших подстерегают живых, чтобы убить и съесть их, особенно их сердца и легкие, чтобы убитые не смогли снова ожить. Призраки не пощадили своих ближайших родственников, и рассказывается история о старике, который предупредил свою любимую молодую жену, чтобы

она не ходила за его трупом в могилу, иначе его призрак съест ее. Она ослушалась и спасла себя, только произнеся имя Бога. *Конг. Internat. d'Archéologie de Moscou*, Том. ii., p. 316. Примерно в трети известных диких племен призраки считаются добрыми и дружелюбными по отношению к выжившим. Смотрите анализ Штайнмеца в его книге *"Запутанный путь"*, Bd. i., s. 142, кв.

[69] Friedrich Freihold, *Die Lebensgeschichte der Menschheit*, Bd. i., s. 35.

[70] Baiame происходит от глагола bhai. *Jour. Антроп. Институт*, т. viii., с. 242. "Нурали" племен реки Муррей также является воплощением света. Б. Б. Смит, *Аборигены Виктории*, том i, стр. 423.

[71] Джилл, *Мифы и песни*, стр. 13; Форнандер, *Полинезийская раса*, том iii., стр. 153.

[72] Джилл, *ubi выше*, стр. 3, 17, 44.

[73] E. W. Map, в журнале. *Антроп. Институт*, том xii., стр. 166.

[74] Т. Хан, *Tsunilgoam*, стр. 124, 126.

[75] Кларк, *Индийский язык жестов*, стр. 186; *Журнал. Антроп. Институт*, том x, стр. 285.

[76] *Мифы Нового Света*, стр. 97, 165 и др.

[77] Форнандер, *полинезийская раса*, том i, стр. 78; Джилл, *Мифы и песни*, стр. 18.

[78] Сборы, *Среди патагонцев*, гл. v.; Линг Рот, *Уроженцы Саравака*, том ii., Приложение., стр. clxx.; Хан, *Цуни ||Гоам*, стр. 37.

[79] Кларк, *Индийский язык жестов*, стр. 189.

[80] Castren observes: "Es hat innerhalb der weitgestreckten Gränzen Asiens kaum ein einziges Volk gegeben, welches nicht den Himmel verehrt hätte."—*Finnische Mythologie*, p. 14. He might as well have said, "the habitable globe" instead of Asia only.

[81] Мэтью, в., 34.

[82] Хопкинс, *Религии Индии*, стр. 62, далее.

[83] Джилл, *ubi выше*, стр. 10-14; Сэр Джордж Грей, *Полинезийская мифология*, гл. i.

[84] Б. Браф Смит, *Аборигены Виктории*, том i, стр. 457.

[85] В частности, профессором Ф. Л. В. Шварцем в его многочисленных работах и в его вкладе в журнал *"Время этнологии"* и т.д.

[86] Еврейское имя Яхве (Иегова) некоторыми получено от глагола "громыхать". В Ведах Парджанджа, Громовержец, является заметной фигурой. Мампал, Гром, как говорят австралийцы, создал все сущее. (*Reise der Fregatte Novara*, Anthropol. Тейл, с. ix.) У бечуана: "Когда гремит гром, все трепещут, и каждый спрашивает другого: "Есть ли среди нас кто-нибудь, кто пожирал чужие богатства?" (Кэллоуэй, *религ. Система амазулу*, стр. 117). Можно добавить любое количество других примеров.

[87] Клемм, *Culturgeschichte*, Bd. i., s. 64; Онергер, *Culturgeschichte*, Bd. i., s. 332.

[88] Кастрен, *Финская мифология*, стр. 17.

[89] Гоф, *Философия Упанишад*, стр. 17.

[90] Я имею в виду, в частности, результаты физических исследований Гельмгольца и их логическое применение к ментальной науке Джорджем Дж. Романесом в его книге "*Разум и движение*"; к позиции профессора Дж. Паулсенем в его *Введении в философию*; и к таким направлениям мысли, которые представлены в книге профессора Долбира "*Материя, эфир и движение*".

[91] Описано в книге Джилла "*Мифы и песни Южной части Тихого океана*". М. ван Энде в своей "*Естественной истории Круанса*", стр. 83, кв., содержит несколько наводящих на размышления замечаний о звуке, рассматриваемом примитивными народами как признак жизни. Отсюда их мифы о ручьях, деревьях и т.д. как о сознательных существах.

[92] Ленорман, *Халдейская магия*, стр. 96.

[93] Э. Ф. Далтон, *Этнология Бенгалии*, стр. 60. "Ничто так не окрашивает жизнь индусов, — пишет мистер Уолхаус, — как вера в действенность *мантр*- форм молитвы или могущественных слов, с помощью которых можно влиять на все жизненные отношения и даже связывать богов". -*Jour. Антроп, Инст.*, т. xiv., стр. 189.

[94] Карр, *Австралийская раса*, том i, стр. 48.

[95] *Отчет Сот. из Северного Южного Уэльса в Колумбийскую экспозицию*, стр. 7.

[96] Лекции Сэйса, *Хибберта*, стр. 309.

[97] Ленорман, *Халдейская магия*, стр. 63.

[98] Бринтон, *Мифы Нового Света*, стр. 318.

[99] Соответствующий ритуал для уничтожения врага таким образом описан Карром, *Австралийская раса*, том ii., стр. 610.

[100] *Пополь-Вух, Храм Сакре-де-Киш*, стр. 10.

[101] *Полинезийская мифология*, стр. 284.

[102] *Религиозная система амазулу*, стр. 413.

[103] Выражение на алгонкинском языке для человека с таким именем - *nind owiawina*, "Он - другой я" (Суоq, *Словарь алгонкинского*, стр. 113).

[104] Curr, *ubi* выше, стр. 246.

[105] Линг Рот, *Уроженцы Саравака*, том i, стр. 288.

[106] Х. Хейл, *Этнография исследовательской экспедиции США*, стр. 288.

[107] Клемм, *Culturgeschichte*, Bd. ii., стр. 329.

[108] Эта тема обсуждалась Андре, *Ethnographische Parallelen*, стр. 165-184, и другими авторами. Об “именной душе” у американских индейцев я собрал материал в *Мифах Нового Света*, стр. 277, кв. Большинство американских и австралийских племен не стали бы называть имена погибших. С другой стороны, в сильной религии древних германцев имена любимых усопших и великих вождей выкрикивались на пирах, и в их *минни*, нежную память, трубили в рог. Дж. Гримм, *Тевтонская мифология*, том i, стр. 59.

[109] *Халдейская магия*, стр. 104.

[110] Оригинал находится в туринском папирусе.

[111] Грейнджер, *Поклонение римлянам*, стр. 277.

[112] Ховитт, в журнале. *Антроп. Инст.*, xiii., стр. 192.

[113] Джеймс Адэр, *Hist. из Северной Америки. Индейцы*, стр. 54.

[114] Проф. Сэйс в *Лекциях Хибберта*, стр. 305.

[115] Саагун, *История Новой Испании*, lib. i., *passim*; *Пополь Вух*, сар. i.; Столл, *Этнография Республики Гватемала*, стр. 118.

[116] Джилл, *Мифы и песни Южной части Тихого океана*, стр. 6.

[117] Сост. У. Робертсон Смит, *Религия семитов*, стр. 41.

[118] *Избранные произведения преподобного Ефрема*, стр. 122. (Перевод. преподобного Дж. Б. Морриса.) Имя Иисуса считалось ранней церковью магическим само по себе. Арнобий говорит о нем: “Чье Имя, когда его слышат, обращает в бегство злых духов, налагает тишину на прорицателей, мешает людям консультироваться с авгурами и сводит на нет усилия магов”. — *Adversus Gentes*, lib. i., глава 46.

[119] См. Stoll, *Suggestion und Hypnotismus*, стр. 14, далее.

[120] *Тара* жителей Борнео иногда используется как личное имя главного божественного существа, иногда в смутном смысле “долга” или “сверхъестественного”. Линг Рот, *Уроженцы Саравака*, том i., 179. Аналогичные примеры уже упоминались.

[121] *Индийский язык жестов*, стр. 309.

[122] Сэр Джордж Грей, *Полинезийская мифология*, стр. 164.

[123] Гиады и Деникер, *Научная миссия в Кап-Хорне*, стр. 376. Более ранние путешественники писали: “У них, безусловно, есть идеи о духовном существовании”. — *Повествование о путешествиях на “Адвенчуре” и “Бигле”*, том ii, стр. 179.

[124] *Поэзия древнего наuatля* (Филадельфия, 1890); *Американская Ригведа* (Филадельфия, 1890).

[125] Доктор У. Мэтьюз, *Горная песнь индейцев навахо*, стр. 465.

[126] Кларк, *индийский язык жестов*, стр. 309.

[127] Саагун, *История. de Nueva España*, библиотека vi. Другие примеры приведены этим автором.

[128] *Энциклопедия религиозных наук*, с. В. Приер.

[129] Другие формы: *тапуи* - делать священным; *табуи* - оберегать от; *табуаки* - благословлять. Здесь, как и везде, существует синоним слов “священный” или “святой” и “проклятый”, потому что осквернять то, что свято, - это проклятие. Другое, и менее вероятное, происхождение дано Фрейзером в *Британской энциклопедии*, s.v. “Табу”. Однако он совершенно прав, говоря, что первоначальная форма *табу* обусловлена не его гражданским, а религиозным элементом.

[130] Клемм, *Culturgeschichte*, том ii., стр. 368, кв., в честь Стеллера, посетившего Камчатку около 1740 года.

[131] Мужчина, в журнале. *Антроп. Общество*, том xii., стр. 159, 173.

[132] Приведенные выше авторитетные источники и Дарвин, *Происхождение человека*, стр. 95.

[133] Множество примеров *табу* в различных странах см. в статье Фрейзера в *Энциклопедии*. Упомянутая выше “*Британика*”.

[134] *Религия семитов*, стр. 18.

[135] Заполняет рукопись, по его словам, семьюдесятью семью томами в кварто, и далеко не исчерпывает запас! *Народные предания бушменов*, стр. 6. (Лондон, 1875.)

[136] Map, *ubi* выше, стр. 172.

[137] Морис, пер. Roy. Soc. Канада, 1892, стр. 125.

[138] Эта ветвь темы была полностью рассмотрена Кири в *Очерках Prim. Вера*, Предисловие и глава i.; и Фрейзер, *Золотая ветвь*, *passim*.

[139] См. *Мифы Нового Света*, глава iii.; также статью о символизме в древнеамериканском искусстве, написанную проф. Дж. Патнэм и мистер Уиллоуби в *Proc. Am. Ass. Adv. Science*, том. xlv., стр. 302.

[140] Я представил этот предмет более подробно в статье “О происхождении священных чисел” в “*Американском антропологе*” за апрель 1894 года. Контраст символики трех и четырех знаком студентам. В таком популярном учебнике, как “*Руководство по библейской археологии*” Кейла, утверждается, что четыре было преобладающим числом в храмах, алтарях и обрядах древнего мира, являясь, “согласно идее, общей для всей древности, символом космоса”; в то время как три были “знаком Божественного Существа в Его различных проявлениях” (стр. 127, 128).

[141] Уэсткотт, *Символизм чисел*, стр. 7. Я привел несколько примеров тройных или триединых божеств в Америке в *Мифах Нового Света*, стр. 84, 187, 188. Из других областей я могу отметить триаду Кейн, Ку и Лоно с Гавайев (Форнандер, *Полинезийская раса*, том i, стр. 61); которая на Маркизских островах объективно представлена тремя связанными вместе палочками (доктор Тотен, в *Антропологии*, том vii, стр. 544); триада Тангалоа, Создателя, Мауи, Поддерживающего, и Тики, Открывающего, в других местах Полинезии (Хейл, *Ethnog. и филол.*, стр. 24).

[142] Многочисленные примеры собраны в L. L. Conant, *Концепция чисел*, глава ii.

[143] На диалектах киш и Цент.

[144] От глагола *тумпа*, подделывать. Линг Рот, *Уроженцы Саравака*, том i, стр. 165.

[145] У индейцев Британской Америки есть слово *Найевери*, тот, кто творит мыслью (Петито, *“День Динджи”*, стр. 63); алгонкинский китче Манито сотворил мир "актом своей воли" (Скулкрафт, *Онеота*, стр. 342). О зуньянах см. Кушинг, *Мифы о сотворении зуны*, стр. 379; о полинезийцах - Хейл, *Этнография исследовательской экспедиции США*, стр. 399, и Форнандер, *Полинезийская раса*, том i, стр. 62.

Нет различия между этими мнениями и мнением христианской церкви, столь прекрасно выраженным святым Ефремом Сирином: “По мановению Его воли, бесшумной и кроткой, из ничего Он сотворил все”. (*Избранные произведения*, Перевод преподобного Дж. Б. Морриса, стр. 185.)

[146] Форнандер, *полинезийская раса*, том i, стр. 67; *Отв. ред. Новый. Франция*, 1634, с. 13.

[147] В *“Мифах Нового Света”*, глава vii. (первое изд., 1868). Многочисленные авторы, Клее, Андре, Лукас и др., полно трактовали миф о потопе. Он встречается даже среди мелких птиц Андаманских островов (Ман, *США*) и довольно распространен по всей Полинезии (Форнандер, *США*, том i, стр. 88, кв.). Различные австралийские племена подробно описывают его, Смит, *Аборигены Виктории*, том i, стр. 430.

[148] Форнандер (*США*, том i, стр. 79, кв.) обсуждает это в Полинезии. Их “древо жизни” было священным, “табуированным” хлебным деревом. Об Америке см. *Мифы Нового Света*, стр. 103-106.

[149] По этой причине работы Делича, Хаупта и др. По вопросу, *что такое Парадиз?*, гораздо менее актуальны, чем если бы их авторы изучали сравнительную мифологию предмета.

[150] Этот мифический цикл в том виде, в каком он возник среди коренных племен Америки, был сделан мной специальной темой книги *“Мифы об американских героях”* (стр. 251, Филадельфия, 1882).

[151] Смотрите мои *Очерки американиста*, стр. 135-147; Дж. Гримм, *Тевтонская мифология*, том ii., стр. 832; Шрейдер и Джевонс, *Доисторические древности арийских народов*, стр. 424.

[152] Кодрингтон в журнале. *Антроп. Соч.*, т. x., с. 285.

[153] Вайц, *Anthropologie der Naturvölker*, Bd. ii., стр. 188.

[154] Von Hasselt, in *Zeitschrift für Ethnologie*, Bd. viii., p. 196.

[155] J. G. Pfeleiderer, *Die Genesis des Mythos der Indogermanischen Völker*, p. 48.

[156] Ссылки в Pietschmann, *Zeitschrift für Ethnologie*, Bd. x., стр. 159, который указывает, что фетишизм как термин должен быть ограничен культом и не применяться к содержанию религии.

[157] Риаль, *Сравнительная мифология*, глава i.

[158] Проф. Грейнджер отмечает, что “влияние фетиша интерпретируется как вид жизни, средоточием которой является фетиш”. — *Поклонение римлянам*, стр. 201. Бастиан определяет это как “включение субъективного эмоционального состояния”, а его ученик Ахелис признает, что это не стадия религиозного развития. See his *Moderne Völkerkunde*, p. 366.

[159] На недостаточность анимизма как теории примитивных религий ранее указывал Ван Энде, *Природная история Франции*, стр. 21. Подобно фетишизму и шаманизму, анимизм следует рассматривать не как форму или стадию религии, а, используя превосходное выражение Кастрена, “бесконечный момент в истории человечества”. *Finnische Mythologie*, Einleitung.

[160] Дорси, *Культы сиу*, стр. 433; *Пополь Вух*, *passim*.

[161] Хейл, *этнограф. и филол. исследования США.*, стр. 55.

[162] Э. Т. Далтон, *Этнология Бенгалии*, стр. 258.

[163] Смотрите Замечания У. В. Ньюэлла во введении к книге “Фанни Д. Берген, *Современные суеверия*” (Мэмс. Амер. Общество фольклора, том iv.).

[164] Клемм, *Culturgeschichte*, Bd. ii., с. 316; Линг Рот, *Уроженцы Саравака*, том ii., Приложение., стр. схсхviii.; Бринтон, *Мифы Нового Света*, стр. 154; Карр, *Австралийский Раса*, том ii, стр. 48. Луна была посвящена Тине, главному богу этрусков. Мюллер, “*Этрусковед*”, Bd. ii., стр. 43. Недид, более известная как Дидона, отождествлялась с луной как главное божество карфагенян и финикийцев. Otto Meltzer, *Geschichte der Karthager*, Bd. i., s. 128. Дану, богиня, возглавлявшая ирландский пантеон, *туата де Дананн*, была луной (от *daon*, восходить).

[165] Монтесинос, *Древний Перу*, стр. 17; Венегас, *История Калифорнии*, стр. 107; Смит, *Аборигены Виктории*, том i, стр. 459.

[166] Бринкер в *Globus*, Bd. lxxviii., стр. 97.

[167] Мартин де Леон, *Камино дель Сьело*, фол. 101.

[168] Монтесинос, *Древний Перу*, стр. 14-16; Хименес, *Ориген де лос Индиос де Гватемала*, стр. 157.

[169] Сэр Джордж Грей, *Полинезийская мифология*, стр. 5; Эгеде, *Нахрихтен фон Гренланд*, с. 137.

[170] *Zeitschrift für Ethnologie*, Bd. ix. Эскимосы называли его *Силлам Эйпане*, дом ветров. Эгеде, *США*

[171] Урна или ваза была в классической древности эмблемой оплодотворяющих вод (Гиньо, *Религии Античности*, том i., стр. 509). Вазы, наполненные водой, хоронили вместе с умершими в Перу, чтобы символизировать загробную жизнь. Meyen, *Die Ureinwohner von Peru*, p. 29.

[172] *Калевала*, Руна iv.

[173] Вероятно, по этой причине церемониальный закон бушменов, особенно тот, который касается половой зрелости и брака, предписывает “избегать гнева Воды”. Блик, *Фольклор бушменов*, стр. 18.

- [174] Сравните Клемма, *Culturgeschichte*, Bd. ii., s. 315 (по Стеллеру), с Человеком, в журнале. *Антроп. Соч.*, т. xii., с. 163.
- [175] Специфическое воздействие определенных цветов на подсознание и, следовательно, на религиозные эмоции, практически признано в сакральном искусстве; но, насколько я знаю, это не делалось предметом изучения психологов-экспериментаторов. Всегда следует учитывать ассоциативность идей; например, когда мозамбикские негры раскрашивают образы своих злых духов в белый цвет из-за своей ненависти к европейцам!
- [176] Арнобий, *Противники рода*, lib. vii., сар. 49.
- [177] Форнандер, *полинезийская раса, США*; Хейл, *этнограф. и Филол.*, стр. 25.
- [178] Кэллоуэй, *религ. Система Амазула*, стр. 34; Хан, *Цуньоам*, стр. 91; Гарсия, *Ориген де лос Индиос*, lib. iv., глава 26.
- [179] *Журнал. Антроп. Инст.*, т. v., с. 412, х., с. 280.
- [180] Их называли уаканки. Монтесинос, *Мэмс. История. sur l'ancien Perou*, p. 161.
- [181] Гарсия, *Ориген де лос Индиос*, библиотека iv, глава 26; Торквемада, *Монаркия Индиана*, библиотека vi, глава 41.
- [182] Хейл, *этнолог. и филол. из США. Изложение.*, стр. 97.
- [183] Хопкинс, *Религии Индии*, стр. 97.
- [184] Кларк, *Индийский язык жестов*, стр. 241; Мэтьюз, *Ethnog. из "Хидатсы"*, стр. 48 и т.д.
- [185] См. Фрейзер, *"Золотая ветвь"*, *passim*.
- [186] Смотрите в качестве иллюстративных примеров мой *Букварь иероглифов майя*, стр. 49 и др.; и сост. Кири, *Очерки первобытной веры*, стр. 63, кв.
- [187] А. д'Орбини, *Человек из Америки*, том ii., стр. 365.
- [188] Дорси, *Культы сиуан*, стр. 390, 455; Элис К. Флетчер в *труде. Амер. Доц. Adv. Наука*, 1895 и 1896; Бринтон, *Мифы Нового Света*, стр. 118, 119, и *Нагуализм*, стр. 42, 47, 48.
- [189] Как предположил Э. Бонавиа, *Флора ассирийских памятников* (1894). Это более вероятная интерпретация, чем у доктора Тайлора, что конический объект является соцветием мужской финиковой пальмы; как это показано на некоторых барельефах, обращенных к городским воротам, человеку и т.д.
- [190] Fechner, *Nana, oder das Seelenleben der Pflanze*.
- [191] Карр, *Австралийская раса*, том ii., стр. 199; Палмер в журнале. *Антроп. Инст.*, т. xiii., с. 292.
- [192] А. д'Орбини, *Американский человек*, том i., стр. 240.
- [193] Подробное обсуждение "Höhencultus" барона фон Андриана можно найти в журнале *Bericht der Deutschen Anthropol. Gesellschaft*, August, 1889. Он считает, что самой ранней формой

была форма индивидуализированной высоты; более поздней - форма ее космических отношений.

[194] О мексиканском пещерном боге Озтотеотле см. Мой *Нагуализм*, стр. 38-41.

[195] Уолкотт, *Священная археология*, стр. 233, 236 и др.

[196] Далтон, *Этнология Бенгалии*, стр. 59; Линг Рот, *Уроженцы Саравака*, том ii., Приложение., стр. clxx.

[197] М. д'Эстри в "*Антропологии*", том iii, стр. 712, кв., провел интересное исследование символа ящерицы в Полинезии, к которому многое можно было бы добавить из других областей примитивной жизни.

[198] Как говорит Кири Уэлл: "Суть примитивной веры заключается не в каком-либо сходстве с человечеством, а в отличиях от него". *Очерки Прим. Вера*, стр. 26. Неоплатоническая доктрина "эманации" привела к вере в то, что человек может настолько наполниться божественной сущностью, что сам станет божественным. Так утверждал Симон Волхв, который "по общему признанию, стал богом для своих глупых последователей", - говорит Ипполит в своем "*Опровержении всех ересей*", bk. vi., глава 13.

[199] *Die Etrusker*, Bd. ii., s. 111.

[200] Говоря о Юпитере, этот пламенный проповедник восклицает: "Нет такой низости, в которой вы не связывали бы его имя со страстными похотями". —*Adversus Gentes*, lib. v., глава 22.

[201] Ховитт, в журнале. *Антроп. Инст.*, т. xiii., с. 192, 194; т. xiv., с. 313.

[202] Робертсон Смит, *Религия семитов*, стр. 41; Херцог и Плitt, *Настоящая энциклопедия прот. Theologie*, s. v. Gebet, etc.

[203] Хопкинс, *Религии Индии*, стр. 412.

[204] Кэллоуэй, *Религиозная система амазулу*, стр. 34.

[205] В качестве примера я могу назвать ункулулу среди зулусов (Кэллоуэй, *религ. Система амазулу*, стр. 40, 43); Сингбонга из племени Мунга-Коль (Джеллингхаус, в *Zeit. "Этнология"*, Bd. iii., стр. 330); хунакпу из кишей (*Пополь Вух*, стр. 1); Асоннут из племени навахо (8-я респ. бур. *Этнол.*, стр. 275); и др. Я обсуждал психическое происхождение андрогинных божеств в "*Религиозном чувстве*", стр. 66, кв. Это также было сильно в раннехристианской церкви, Ориген и другие отцы церкви учили, что Святой Дух был женским началом в Боге (К. Дж. Вуд, *Пережитки в христианстве*, стр. 63).

[206] Это было частым явлением в довольно примитивных религиях. Некоторые священники древней Мексики, например, полностью удаляли гениталии. —Давила Падилья, *История. Мексиканская провинция*, библиотека ii., глава 88. Сост. Шарлевуа, *Исторический журнал*, стр. 350.

[207] Я указал, что в различных американских диалектах, таких как чипуэй и кри, майя, кичуа и т.д., есть слова местного происхождения, которые использовались для передачи понятия любви

богов в чистом и возвышенном смысле. Смотрите статью “Концепция любви в американских языках” в *“Очерках американиста”*, стр. 416, 421, 428 и др.

[208] Отто Группе, цитируемый Шрейдером.

[209] *Религия семитов*, стр. 18.

[210] Идея мимикрии просуществовала долго и действительно все еще существует в так называемой “симпатической магии”; когда, например, для того, чтобы вызвать слепоту у врага, создается его изображение с глазами, пронзенными шипами. Сравните Ленорман, *Халдейская магия*, стр. 12.

[211] *Мифы Нового Света*, стр. 17.

[212] Карр, *Австралийская раса*, том ii., стр. 66, 67.

[213] Коголлудо, *История Юкатана*, библиотека iv., загл. viii.

[214] Бринтон, *Нагуализм*, стр. 53.

[215] Freihold, *Die Lebensgeschichte der Menschheit*, p. 134. His expressions are: 1. Das Menschenwerden des Göttlichen; and, 2. Die Vergötterung des Menschen.

[216] *Религия семитов*, стр. 263. Это утверждение также будет рассмотрено в шестой лекции этой серии.

[217] Действительно, среди индейцев Патагонии, по словам компетентного наблюдателя, вообще нет фиксированных религиозных церемоний, за исключением тех, которые носят личный характер и касаются рождений, браков, смертей и т.д.—Джордж К. Мустерс, *Среди патагонцев*, глава v.

[218] Анафора, отмечает преподобный Джон М. Нил в своей *Истории Святой Восточной Церкви*, том ii., глава i., всегда была “безусловно, самой важной частью” христианских литургий. Это повторяется почти во всех первобытных культах.

[219] Грейнджер, *Поклонение римлянам*, стр. 272, 303 и др.

[220] Гримм, *Тевтонская мифология*, том i, стр. 42; Робертсон Смит, *Религия семитов*, стр. 260; Пейн Найт, *Древнее искусство*, стр. 50.

[221] *Индийский язык жестов*, стр. 167-70.

[222] *Тевтонская мифология*, том i, стр. 42.

[223] Von Tschudi, *Beiträge zur Kenntniss des Alten Peru*, p. 156.

[224] См. *Мифы Нового Света*, стр. 112, кв.

[225] Смотрите Замечания Ричарда Андри о “Масках в Культе” в его *Ethnographische Parallelen*, *Новая фольга*, стр. 109, кв.

[226] Якоб Гримм, *Тевтонская мифология*, том i, стр. 48, кв.

[227] А. Б. Мейер, в *Globus*, Bd. lxvii., стр. 334.

- [228] Термины “почетный” и “почетный” были, я полагаю, впервые предложены доктором У. Робертсоном Смитом. Они очень уместны.
- [229] Хольцман, *Немецкая мифология*, стр. 232.
- [230] Овьедо, *История лас-Индиас*, библиотека х., глава хі.
- [231] Бальбоа, *История Перу*, стр. 125-7.
- [232] Фрейзер, *“Золотая ветвь”*, том ii., стр. 31.
- [233] Саагун, *История Новой Испании*, библиотека. i.
- [234] Миссис М. К. Стивенсон, в *представительстве. Бюро этнологии*, том xi., стр. 132.
- [235] Дорси, *Культы сиуан*, стр. 511.
- [236] А. д'Орбини, *Человек Американский*, том i., стр. 237.
- [237] Примеры из моего *родного календаря Центральной Америки*, стр. 18. Это был любимый амулет среди кри (Маккензи, *История. торговли мехом*, стр. 86).
- [238] Ахелис, *Современные исследования*, стр. 370; Человек, в *журнале. Антроп. Инст.*, т. xii., с. 172.
- [239] Шарлевуа, *История. de la Nouvelle France*, глава vi. Окропление новорожденного ребенка как религиозная церемония преобладало в Новой Зеландии и по всей Полинезии. (Форнандер, *Полинезийская раса*, том i, стр. 236.)
- [240] Коголлудо, *История Юкатана*, библиотека iv., глава vi. Та же вера преобладала в некоторых африканских племенах; см. Achelis, *Moderne Völkerkunde*, стр. 393.
- [241] Х. Р. Скулкрафт, *Оне́́та*, стр. 331, 456.
- [242] *Заметки недавнего путешественника о Восточной Флориде*, стр. 79.
- [243] Грегг, *Торговля прерий*, том ii., стр. 271.
- [244] Примеры из книги Э. С. Хартленда *“Наука о волшебных сказках”*, стр. 309.
- [245] Р. Андре, *Этнографический параллель*, стр. 177.
- [246] The *Bora* has been often described, by no one better than Mr. A. W. Howitt in
Антроп. Инст., т. vii., стр. 242, кв., и т. xiv., стр. 306, кв.
- [247] Дж. Г. Коль, *Китчи Гами*, стр. 228.
- [248] Капитан Кларк, *индийский язык жестов*, стр. 254. Д'Орбини описывает кровавые испытания, через которые приходилось проходить девушкам в южноамериканских племенах. *L'Homme Américain*, том. i., pp. 193, 237.
- [249] Карр, *Австралийская раса*, том i, стр. 45-50; Палмер, в *журнале. Антроп. Инст.*, т. xiii., стр. 301.

[250] См. Сообщение в *Globus*, В. lxvii., с. 274.

[251] Палмер, *ubi выше*, стр. 301.

[252] Лафито, *Братья Соважей Америки*, библиотека ii., глава vi.

[253] Мустерс положительно утверждает это о техуэльче и других племенах (*среди патагонцев*, глава v.); капитан Кларк, чей многолетний опыт общения с нашими западными племенами сделал его авторитетом первого ранга, прилагает все усилия, чтобы исправить представление о том, что у *туземцев* жен покупают, хотя они принадлежат белым мужчинам (*Индийский язык жестов*, стр. 245-6). Было бы легко умножить ссылки с тем же эффектом.

[254] Блик, *Фольклор бушменов*, стр. 13.

[255] *Поклонение римлянам*, стр. 67.

[256] Это было продемонстрировано вне всяких разумных сомнений доктором С. К. Штейнмецем в замечательном исследовании “Эндоканнибализма” в *Архиве антропологии*, 1896.

[257] Грейнджер, *ubi выше*, стр. 37. Слово “захоронение” в этнологии используется для обозначения всех способов захоронения трупа. Это этимологически правильно. См. Ярроу, *Погребальные обычаи североамериканских индейцев*, стр. 5.

[258] Наваррете, *Vuaj*, том iii, стр. 401; Дюмон, *Мэмс. История. sur la Louisiane*, том i., стр. 178; Гумилла, *История. del Orinoco*, р. 201. Кореал говорит, что вдовы считали привилегией быть похороненными вместе с трупом и спорили между собой за эту честь, *Voiages*, том ii., стр. 93, 94. У таэнза были те же обычаи, что и у натчезов, тонти, *Памятные, по-французски, исторические. Сборники. Луизианы*, стр. 61.

[259] Артур Дж. Эванс, в документе. *Брит. Доц. Adv. Science*, 1896, раздел Н.

[260] Стивен Пауэрс, *Индейцы Калифорнии*, стр. 181, 207. Тасманийцы и огнеземельцы, вероятно, самые низшие из известных племен, сжигали своих мертвецов. Гиады и Деникер, *Научная миссия*, стр. 379; Фентон, *История Тасмании*, стр. 95. Некоторые племена приводили в качестве причины для сожжения своих мертвецов то, что в противном случае медведи и волки съели бы труп, и душа была бы вынуждена принять их облик.—*Президент. Сообщение и As. Docs.*, 1851, часть iii., стр. 506.

[261] Alonso de la Peña Montenegro, *Itinerario para Parrocos de Indios*, р. 185 (Madrid, 1771).

[262] Кларк, *Индийский язык жестов*, стр. 263.

[263] К. Т. Пройсс в “*Бастуане Фестшрифте*”.

[264] *Антропология естествознания*, Bd. i., стр. 459.

[265] Применение крови, замечает профессор Грейнджер, “некоторым образом связало вместе тех, кто присутствовал при обряде” (*Поклонение римлянам*, стр. 210). Этот вопрос полностью обсужден доктором Х. К. Трамбаллом в его работах “*Завет крови*” и “*Завет порога*”.

[266] У Кастрена во Введении к его *Finnische Mythologie* есть несколько превосходных замечаний о благотворном воздействии шаманизма. Это попытка освободить человеческий разум от оков слепых сил природы; это признание зависимости субъективного от объективной воли и т.д.

[267] *Миф и наука*, стр. 41.

[268] Хан, *Цуньгоам*, стр. 21.

[269] Линг Рот, *Уроженцы Саравака*, том i., стр. 259, 271, 282; том ii., Приложение., стр. clxxv.

[270] Уолтхаус, в журнале. *Антроп. Инст.*, т. v., стр. 415.

[271] Нуньес-де-ла-Вега, *Епархиальная конституция Чьяпаса*, фол. 9.

[272] Местная знаменитость Мария Канделярия. Во главе пятнадцати тысяч воинов она почти год бросала вызов испанской армии и, хотя потерпела поражение, так и не попала в плен. Ее история скудно записана Висенте Пинедой в его *Истории коренных народов в эль-Эстадо Чьяпаса*, стр. 38-70.

[273] Отфрид Мюллер, *"Этрусковед"*, Bd. ii., ss. 77, 78.

[274] Сравните Кири, *Очерки первобытной веры*, стр. 60; и Мори, *Магия и астрология*, стр. 386, кв.

[275] Географическое положение. Тернер, *Самоа*, стр. 9; доктор Тотен, в *"Антропологии"*, том vii., стр. 548.

[276] Об испытании см. Сообщение, *Ethnologisches Jurisdenz*, Bd. ii., ss. 459, кв., 479; Вайц, *Anthropologie der Naturvölker*, Bd. i., с. 461. Утверждение некоторых авторов о том, что это испытание не было известно американским индейцам, неверно. Например, капитан Кларк рассказывает о тех, кто проверял добродетель женщин, подвергшихся обвинению. *Индийский язык жестов*, стр. 45, 208.

[277] See S. K. Steinmetz on "Der Zweikampf als Ordal" in his *Ethnologische Studien zur ersten Entwicklung der Strafe*, Bd. ii., s. 76, sq.

[278] Сообщение, *ubi выше*, Bd. ii., s. 478.

[279] Адэр, *История. об индейцах Северной Америки*, стр. 158; Боскана, *Список индейцев Калифорнии*, стр. 262.

[280] This is presented admirably and at length by M. Kulischer in an article "Der Dualismus der Ethik bei den primitiven Völkern," in the *Zeitschrift für Ethnologie*, Bd. xvii., pp. 205, sqq. Он также достаточно ясно видит, что тот же самый принцип, каким бы замаскированным и отрицаемым он ни был, царит и сегодня. "Категорический императив" Канта так же далек от реализации, как и "золотое правило".

[281] Конечно, были какие-то хобгоблины, всегда готовые съесть или покалечить человека; но не по каким-либо моральным или этическим причинам. "Они поражают людей не из гнева и не для того, чтобы наказать за грех, а потому, что такова их природа", - как говорит Далтон о дьяволах ораонов. *Этнология Бенгалии*, стр. 256.

[282] Это объясняет то, что, по словам доктора Робертсона Смита в его "*Религии семитов*", стр. 140, так трудно понять, — что примитивная идея святости отделена от личного характера, и даже постыдные негодяи могли претендовать на нее. Совершенно параллельные примеры можно найти в истории христианских ересей, таких как аномианцы и анабаптисты, которые были настолько святы, что не могли совершить греха и, следовательно, позволяли себе самую дикую распущенность.

[283] It is in this sense that Wilhelm von Humboldt wrote: "Wahre Tugend ist unverträglich mit auf Autorität geglaubter Religion." (*Gesammelte Werke*, Bd. vii., p. 72.) Это важнейший принцип при изучении истории этики.

[284] Линг Рот, *Уроженцы Саравака*, том i, стр. 271; Хоффман, *Тайные общества оджибвеев*, *passim*.

[285] Их называли абецедарианцами, потому что они не доверяли даже азбуке. Некоторые образованные ученые фактически отбросили свои книги и присоединились к ним.

[286] Бейн, *Чувства и интеллект*, стр. 607.

[287] *Происхождение человека*, стр. 581.

[288] As Wilhelm von Humboldt remarked: "Das Streben der Natur ist auf etwas Unbeschränktes gerichtet." Значение этого глубокого наблюдения умело обсуждается Штайнталом, "*Философская работа В. фон Гумбольдта*", стр. 178.

[289] *Бычий текст. Амер. Национальный музей. История*, том. viii., стр. 227.

[290] Они были сохранены на языке оригинала первыми миссионерами Саагуном, Олмосом, Баутистой и др. и частично опубликованы.

[291] Это далее изложено в "Ростке", "*Дас Религиоведен дер рохестен Натуралист*", стр. 145, кв.; и Curr, "*Австралийская раса*", том i., стр. 51-54.

[292] Клемм, *Culturgeschichte*, Bd. ii., s. 309.

[293] Уолтхаус, в журнале. *Антроп. Соч.*, том xiv., стр. 189.

[294] Амок малайцев, *мали-мали* тагальцев и т.д. - это маниакальный религиозный психоз, при котором субъект яростно мчится по улице, убивая или раня любого встречного. Смотрите обсуждение этого у доктора Раша в *Centralblatt für Anthropologie*, том i, стр. 54, который считает это "суггестивным влиянием". Подобные примеры распространены среди американских индейцев.

[295] Арнобий, *Противники рода*, bk. ii., cap. 62.

[296] *Богослужение римлян*, стр. 211. Конечно, это была лишь одна сторона дела, хотя обычно она была самой важной.

[297] Professor Lazarus observes: "In der Religion zeigt sich der ganze Mensch" (*Zeitschrift für Völkerpsychologie*, Bd. i., s. 47). Это означает, что индивид ни в каком другом состоянии ума не осознает и не раскрывает свою личность так полно, как в том, которое создается религиозным чувством.

[298] *Иудаизм и христианство*, стр. 5-7.

[299] Литература, относящаяся к этим величественным персонажам американской легендарной литературы, представлена в моих *американских героических мифах, passim*; также, *Мифы Нового Света*, стр. 336, 337.

[300] *Религия Древнего Египта*, Введение.

КОНЕЦ.

Подборка из Каталога СЫНОВЕЙ Г. П. ПАТНЭМА

Полный каталог высылается по заявке

АМЕРИКАНСКИЕ ЛЕКЦИИ ПО ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ

I. **Рис-Дэвидс—буддизм: его история и литература.** Автор: Т. У. Рис-Дэвидс, доктор философии, профессор пали и буддийской литературы Университетского колледжа Лондона. Краун Октаво. *Нетто*, 1,50 доллара.

“... Замечательный справочник по буддизму, написанный одновременно с научной и непредвзятой точки зрения”. —*Издательство St. Paul Pioneer Press.*

II. **Бринтон—Религии первобытных народов.** Автор: Дэниел Г. Бринтон, А.М., М.D., LL.D., Sc.D., профессор археологии и лингвистики Пенсильванского университета. Краун Октаво. *Нетто*, 1,50 доллара.

“... Еще не появилась книга, которая ближе всего знакомила бы современного читателя с религиозной мыслью всех рас и времен; а для читателя, который наслаждается прослеживанием психической истории человека, никакая книга не может быть более желанной”. —*Boston Transcript.*

III. **Чейн —Религиозная жизнь евреев после изгнания.** Преподобный Т. К. Чейн, магистр, доктор философии, Ориел-профессор толкования Священного Писания в Оксфордском университете и бывший стипендиат колледжа Баллиол; каноник Рочестера. Корона октаво. *Нетто*, 1,50 доллара.

“Немногие люди обладают такой же квалификацией, как каноник Чейн, для обсуждения еврейской литературы и жизни периода, охватываемого этим курсом, и рассмотрение предмета, стоящего перед нами в этом прекрасном томе, - это все, что можно пожелать.... Вся книга чрезвычайно интересна и поучительна”. — *Лидер универсалистов.*

IV. Буддизм—Религия Израиля в изгнании. Автор: Карл Бадде, доктор богословия, профессор теологии Страсбургского университета. Корона Октаво. *Нетто*, 1,50 доллара.

“Главным достоинством книги профессора Бадде является ее сжатость. Он дает четкий взгляд на предмет, не отвлекаясь на детали. Хотя эта книга займет заслуженное место в глазах ученых, она также является книгой для широкого читателя”.—*Мировоззрение*.

В. Штайндорф — Религия древних египтян. Автор: Г. Штайндорф, доктор философии, профессор египтологии Лейпцигского университета. Корона Октаво. *Нетто*, 1,50 доллара.

“Представляет в компактной форме и интересном стиле самую свежую информацию, и ей должно быть место в каждой библиотеке сравнительного религиоведения”.—

Конгрегационалист.

VI. Нокс—Развитие религии в Японии. Автор: Джордж Уильям Нокс, доктор философии, профессор истории и философии религии в Объединенной теологической семинарии, а также некоторое время профессор философии и этики в Императорском университете Токио.

Crown octavo, нетто, \$1.50

“Заметное дополнение к этой превосходной серии”.—*Церковник*.

“Автор обладает исключительной квалификацией для ценного отношения к своему предмету”.—*Перспективы*.

VII. Блумфилд — Религия Вед. Древняя религия Вед (от Ригведы до Упанишад). Автор: Морис Блумфилд, доктор философии, профессор санскрита и сравнительной филологии в Университете Джона Хопкинса.

Crown octavo. 1,50 доллара нетто. По почте - 1,65 доллара

“В ней интересно представлено и как можно более наглядно показано развитие религиозной мысли Вед в отличие от мифов и церемоний”. —*Нью-Йорк Таймс*.

VIII. Кумонт—Астрология и религия у греков и римлян. Автор: Франц Кумон, доктор философии, консерватор “Музея пятисот”, Брюссель.

М. Кумон показывает влияние, которое восточное звездопоклонничество оказало на верования греко-римского мира, и как оно привело к трансформации старого язычества и подготовило приход христианства.

IX. Ястроу—Аспекты религиозных верований и практик в Вавилонии и Ассирии. Автор: Моррис Джастроу-младший, доктор философии, профессор семитских языков Пенсильванского университета.

С 54 иллюстрациями, картой и хронологическими списками правителей Вавилонии и Ассирии.

Crown octavo. 2,25 доллара нетто. По почте - 2,45 доллара

Профессор Джастроу в течение многих лет занимался специальным изучением религии вавилонян и ассирийцев и опубликовал множество авторитетных томов и статей, отражающих результаты его исследований.

Международные справочники по Новому Завету

Под редакцией Орелло Коуна, д.Д.

Четыре тома. Octavo. Каждый, нетто, по 2,00 доллара

По почте, 2,15 доллара

I.—Синоптические Евангелия вместе с главой о текстологической критике Нового Завета.

Джордж Ловелл Гэри, А.М., Л.Х.Д., президент теологической школы Мидвилла.

Вряд ли нужно говорить, что мы очень серьезно и очень часто расходимся с редактором этого тома, но мы с радостью признаем вдумчивость и интеллект, с которыми он работал. Студент может многому научиться из этого тома”. —*Нью-Йоркский обозреватель*.

II.—Послания Апостола Павла к Коринфянам, Фессалоникийцам, Галатам, Римлянам и Филиппийцам. Автор: Джеймс Драммонд, магистр права, ректор Манчестерского колледжа в Оксфорде.

“Если обещание, данное этим томом, будет выполнено, серия окажется чрезвычайно ценной. Она привлекательна для широкого круга читателей, но особенно ценна для продвинутых студентов”. —*Перспективы*.

III.—Послания к Евреям, Колоссянам, Ефесянам и Филимону, Пастырские послания, Послания Иакова, Петра и Иуды, а также краткий очерк истории Канона Нового Завета. Автор: Орел Коун, доктор философии, профессор библейского богословия в Кантонской теологической школе.

“Интересно отметить значение, часто до сих пор не объясненное. Автору это удастся, потому что его объяснения разумны и правдоподобны. Он не связан никакими правилами догмы или секты, но придерживается широкого и понимающего взгляда на свой предмет”. —*Церковное обозрение*.

IV.—Литература Иоанна и Деяния Апостолов. Генри П. Форбс, доктор философии, профессор библейской литературы в Кантонской теологической школе.

“Доктор Форбс возложил на министерство вечные обязательства перед ним. Он не только соответствует высоким стандартам трех предыдущих томов сборника, но и полностью соответствует цели, указанной главным редактором. Полный набор — это тот, которым широко воспользуется каждый изучающий Библию”. —*Лидер универсалистов*.

Отправить полный циркуляр с описанием

Нью—Йорк—G. P. PUTNAM'S SONS-Лондон